

18+

Ночь. Рассказы

Давыдов Дмитрий

Дмитрий Александрович Давыдов

Ночь. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43205620

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04034-2

Аннотация

В сборник вошли рассказы, написанные в период 2015-2018 годов. Среди монотонных будней, бытовых забот и неурядиц отыщется то самое, что отличает нас от других. Но в героях книг мы не ищем отличия с собой, мы ищем сходство. Мы понимаем внутренний разлад героя и сопереживаем ему, поэтому нам так нравится читать рассказы. В оформлении обложки использована картина Винсента ван Гога "Ночная терраса кафе". 1888

Содержание

Картонная пыль	6
Котлеты из хлеба	40
1	40
2	43
3	47
4	50
5	53
6	56
7	59
8	61
9	64
10	67
11	69
12	72
13	75
14	79
15	83
16	86
17	88
18	91
19	95
20	98
21	102

22	104
Метаморфоз	106
Стадия первая: «Превращение»	106
Стадия вторая: «Имаго»	125
Кичка балерины	144
1	144
2	152
3	156
4	159
Пробка	164
Последняя запись	171
16 октября	171
18 октября	173
19 октября	175
20 октября	177
23 октября	179
13 октября (запись вклеена)	181
Неудачник	182
1	182
2	187
3	189
4	191
5	194
6	195
7	199
8	202

9	205
10	208
11	211
12	215
13	217
14	220
15	223
16	228
17	230
18	233
19	238
20	242
Осколки	243
1	243
2	248
3	256
4	261
5	272
6	275
Цена раскаяния	277
Год первый	282
Год второй	287
Год третий	292
Год четвертый	296
Атмосфера	300

Картонная пыль

Туман рассеялся. Я рад, что до завода недалеко. Дохожу пешком. Перед работой в затхлом цеху среди бумажной пыли хорошо прогуляться на свежем воздухе. Осенью дорога размыта и в грязи, так что обходи – не обходи, по приходу обувь по-деревенски вымазана.

Деревней наше поселение не назовешь, но до города еще далеко. Единственное, что напоминает городскую топь, – проезжающие автомобили по шоссе. Порой разгоряченный водитель несется, наезжает на придорожную лужу и заливает меня. Только и остается что проводить ненавистным взглядом уходящие огни авто. Но я радуюсь, что на работе переденусь в сухую робу. А когда смена закончится – одежда просохнет.

В холодные дни я быстрее иду на работу. Цех плохо отапливается, но все не на улице мерзнуть. Работа нетяжелая, хоть и физическая. В самый раз: устаешь ровно настолько, чтобы дойти до дома, поужинать и лечь спать. Нет, это не та работа, на которой я останусь навсегда. Но пока приходится терпеть. Так что утренняя мерзлота заставляет прийти скорее. Неурядицы погоды сокращают путь: никогда я так быстро не добирался, как во время ливня. И неважно, что желание работать сразу пропадает. Главное – контроль проходишь вовремя, а то и слишком заблаговременно.

На проходной стоят вольеры с собаками. А без толку. Секции метр на метр с решетчатым небом, из которого просачивается жалобное скуление. Только сельских котов отпугивать! Хоть тайком выпускай обездоленных животных. Но боюсь, покусают.

Издали от завода тишина. Но только зайдешь за ограду – механический скрежет оглушает. Работа кипит. Посреди величаво вздымается троица флагштоков, а на верхушках парадно развеваются гербы предприятия.

Рабочий день на заводе начинается с будки курильщиков. Закоптелое место веселых разговоров и чахоточного кашля, где дым тлеющих сигарет вырывается сквозь щели и развевается в мутном воздухе. Так и манит этот радостный коллективный смех спозаранку. Но задымленность до боли режет глаза. Почему не сделать такие же будки для некурящих? Все так же сидят и задорно рассказывают о вечерних попойках, о пропущенном автобусе или какую чепуху наплели начальнику.

В раздевалке. Никто не зайдет в цех, пока не поделится муками, как опротивело здесь работать. Надоела это коробочная жизнь! А ведь правда, шкафчиков на всех не хватает, и складываешь вещи в коробку. А вот и моя коробка из-под телевизора. Небольшая, но верхняя одежда помещается. Заканчиваются душевные излияния решением жаловаться начальству. Ведь здесь работают люди, и условия хочется человеческие. Или найдут работу почище этой! Ведь трудятся

работяги, которых с руками оторвут на подобные заводы. Но никто жалобы не выносит за пределы раздевалки, и никто отсюда не уходит.

Я здесь новичок. Мне трудно общаться с бывалыми, но незнакомыми коллегами. Только появляется новенький в устоявшемся коллективе, так на него пристально поглядывают. А я робею. И с корнем вырываю зачатки отношений. Хорошо, на работе можно не разговаривать, а может и плохо, не знаю. Сделал работу и отдыхай. Если знаешь, что делать. Это частая проблема, каждый новоприбывший с ней сталкивается.

В первый день я истуканом стоял посреди цеха. А мой поверенный надрывался, оттого что я бездельничаю. Но разве я виноват, что не знаю, чем заняться? Он же меня потом и утешал, мол, по первой со всеми так. Да я и сам это знаю, просто хотелось ободрения. Мой поверенный такой высокий, что нагибается в проемах дверей. Руки его жилисты, кисти загрубевшие, а лицо изрезано мелкими шрамами. Рядом с ним я казался белоручкой.

«Э, на камерах не стой, – говорил Сева, мой поверенный. – Увидят, что не работаешь, тебе втык вставят и мастеру по шапке надают».

И я избегал объектива камер наблюдения, но несильно. Сева работал на крупном станке для резки и рилевания, а я приставлен к нему помощником. Он вкратце объяснил мне дело, но на расспросы: «Для чего эта продукция?» или «Что

с этим делают дальше?», он отвечал: «Хрен его знает! Да не насрать ли?» – только в грубой форме. В подобных местах не обойтись без грубостей. Хотя никто не отличался зверством или бесчеловечием. Напротив, многие проявляли зачатки хорошего воспитания, однако здесь этого стыдились.

Рабочий день только начался, а все уже нервно поглядывали на часы и постукивали зубами. Все ждут первого перерыва, и я тоже жду. Он как бы знаменует первый шаг к концу смены. Останется еще два таких же и все: мети пол и сматывайся. Полтора часа монотонной работы затмевает пятнадцать минут блаженства безделья. Толкуют, что двумя годами ранее наоборот работали минут пятнадцать, а прохлаждались часами. Старые рабочие рассказывали об этом с мечтательной дымкой на лице. И после минуты молчания, как бы поминая утраченные времена, все хором вздыхали и разбредались по углам.

Сева брал длинные листы гофрированного картона и распускал под лезвиями станка. Я стоял с другой стороны, выгребал нарезанную продукцию и отделял брак и обрезки. Шелуху картона складывал в коробку и отвозил на пресс. Нарезанные листы бережно складывал стопками по пятьдесят штук на гнилой поддон. Между этажами стопок прокладывал тонкий лист. Когда продукция перерастала меня, я брал тележку и отвозил поддон к другому станку. А там другие рабочие нарезали картон на мелкие изделия. Так продолжается и со следующим станком. А что в итоге получается –

неизвестно. Не знаю и для чего все это. Оглянешься на такое производство, и это что-то очень напоминает... связанное с огромным камнем, который вечно скатывается с горы. Тут негласное правило – видимость работы важнее ее результата. Прямо как в армии.

Когда продукция вылетает из станка, а я формую ее в стопки, пересчитываю и выставляю на поддон – время пролетает незаметно. Заглядываешь в узкое окно на улицу – рассветло. Лучи солнца просачиваются в цех и озаряют мириады пылинок, которые причудливо развеиваются золотистым отливом.

Станки заглохли. Поднимаю голову – работники вприпрыжку идут на выход. Перекур. Я миную вонючую будку курильщиков и иду в пропахшую потом раздевалку. Сидеть и слушать байки, которые обычно начинаются так: «Помню, как-то мы бухали...»

На перерыв убегают за пять минут до начала, но и тогда мало. Посидишь, и руки зачесутся: глянуть сколько времени. Но хочется посидеть еще. А когда кто-нибудь глянет, в напряженной тишине провозглашает вердикт: «Все, пора идти». С душевной тоской рабочие возвращаются в затхлый цех, чтобы войти в однообразный ритм бессмысленного труда.

С завистью мы косимся на тех, у кого перекур только начался. Среди них и она. Эта девушка тоже новенькая. Стройная с волнистыми волосами и острым носиком. Она любо-

пытно посматривает на меня и улыбается, а я... Я всегда отворачиваюсь, убегаю от взгляда. Ах, если бы она подошла и сказала: «Привет!» Я бы столько сделал для нее. Она бы подошла и сказала: «Привет!» А я бы рассказал интересную историю и проводил до дома. И каждый день бы провожал! Если бы она только подошла.

И хотя работа только началась, все вновь поглядывают на часы в ожидании обеда. На тридцать минут забудешь об угнетающей последовательности: сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил, сформовал, посчитал, отвез резать дальше, сформовал...

Иногда картон заканчивается – распускать нечего. Остаешься без работы, но бездельничать нельзя. Сева вместе с остальными где-нибудь кучковался. В скрытом от глаз закутке. Мне неловко к ним подходить. Ребята разговаривали о делах, а я там не к месту. Поэтому оставался у станка с надеждой, что скоро подвезут листы, которые надо срочно распустить. И тогда вновь примемся за дело.

«Нам надо еще одного человека, – сказал Сева. – Э, видишь, когда нам работу подвозят, мы долго распускаем. А остальные болты пинают!»

Я поддерживал его слова. Отвечал, что да-да, именно так и надо. Но мне безразлично.

До обеда успеваешь проголодаться. Когда под ложечкой посасывает, время близится к получасовому перерыву. И мысль о еде возникает вместе с мыслью, что половина пу-

ти на отрезке работы пройдена. Во втором действии работа пойдет развязнее. Остается четыре часа, они проходят легко. Головой ушли за пределы цеха и одной ногой тоже.

На обеде. Полчище небритых мужиков в нечищенной робе бегут в столовую скорее к микроволновке, чтобы первым разогреть обед. Это напоминает школьные коридоры, где мелкотня со звонком бежит на перемену. Перед едой мою руки только я, и некоторые от этого морщатся. А я с отвращением наблюдаю, как кто-нибудь ест засаленными руками куриные ножки и облизывает пальцы.

После еды задорные ребята разговаривают о том, кто как испражнялся. Даже не разговаривают, а закатывают философские тирады в духе Гаргантюа. И гогочут, надрывая живот. И сдерживаются, чтобы еда не полезла наружу.

Как только я начал есть банан, голоса утихли. За столом переглядывались. Я оставался невозмутимым. Детский сад! Подсмеиваются над тем, как я ем банан.

– Э, ты так не ешь, – сказал Сева. – Надо отламывать вот так, и есть, – он показал жест руками.

– Какая разница? – сказал я. – Что от того, что я так ем?

– Просто... – сказала он, еле сдерживая смех. – Меня это возбуждает.

Шквал грудного смеха обрушился на меня. Кто закрывал лицо, кто хлопал себя рукой по колену, кто крутил головой, но все смеялись. А я сердился на Севу. Теперь думаю, как бы ему нагадить.

Кто быстро уплетал обед, умудрялся еще и вздремнуть. В раздевалке мало свободного места. Сидели на узкой лавочке, а кто спал, упирался плечом в плечо товарища, чтобы не упасть на обхарканный пол. Я не торопился, из столовой уходил последний. Дремота напала уже в цеху. Оставалось только включиться в работу и выветрить сонливость. После трапезы я собирал приборы в целлофановый пакет и убирал в коробку. Потом ходил в зассанный туалет, где по унитазу размазаны фекалии, и с рвотными позывами возвращался в цех.

Цех построили отдельно от центрального корпуса. Приходилось идти метров сто на свежем воздухе. Мне нравится этот переход. Каждый раз я замедляю шаг и вдыхаю прохладу улицы. Рядом с заводом обслуживали катера и яхты. Перед работой я стоял и разглядывал ряды новеньких судов, выставленных на обозрение. Стоял и мечтал, что когда-нибудь я куплю одну из этих красавиц, укротительниц морских стихий, и отправлюсь в путешествие вдоль берегов Северной Европы. Я и, быть может, она. Та девушка.

Снова этот монотонный труд.

Переполненную коробку с браком и отходами я закидывал на тележку и вез к прессу. Отбросы высыпали в прессовую машину и через минуту вынимали здоровый прямоугольный куб из картона. Я бы не удивился, если бы мы и его распускали. Нарезанные изделия отправляют на пресс, а спрессованный куб привозят обратно к нам, снова нарезать.

Бесконечный круговорот. Весь рабочий день мы носим воду в решете. От такой бессмысленной рутины хочется самому залезть в пресс, чтобы потом разрезали на мелкую продукцию и снова спрессовали. Я часть этой замкнутой петли.

Сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил. Сформовал, посчитал, двадцать, тридцать, пятьдесят, увез к другому станку...

Время идет, время бежит, время мчится, время...

Листы закончились...

Не стой на камерах...

Нам нужен еще один...

Сформовал, посчитал, время...

Время до перерыва пятнадцать минут.

Перед тем как выйти на финишную прямую рабочего дня, остается последний перекур. Появляется оживление. Все уже разговаривают, как после смены зайдут в придорожный магазин и купят по баночке. Некоторые занимают до зарплаты. Деньги они отдают женам и раскошеливаются только раз в месяц. В остальное время они занимают у холостяков, а их немного.

Пойди я вместе с ребятами распивать брагу на холоде, то наверняка сдружился бы. Но нет, мне нравится больше приходиться домой и наедаться жирной пищей. А после лежать на диване и выискивать причины, чтобы утром подняться и пойти на работу.

В раздевалке я заметил беспокойного рабочего. Он стоял

спиной к выходу и суетливо озирался. Смотрел то на входящих, то вниз перед собой. Я прошел к лавкам. Другой рабочий с цеха бережливо распределял пластиковой карточкой на мобильнике четыре дорожки белого порошка. «Есть пятихатка?» – обратился он к рядом стоящему. Тот полез в шкафчик, порылся и вынул бумажку. Ребята свернули купюру в трубочку и поочередно всосали носом снежные крупички. Пошмыгивая, они вскидывали брови и скалились желтыми зубами. «Будешь?» – спросил меня рабочий и указал на оставшуюся линию. Я отказался. Кто-то из поддатых ребят крикнул: «Тихон, иди сюда! Будешь?» Подошел щуплый парень, взял трубочку и вдохнул остатки порошка. Я видел его прежде, но только сейчас рассмотрел лицо. Круглое с глубокими залысинами, а глаза так косились, что непонятно на кого он смотрит. Ему нет и двадцати.

Сложно назвать работой то, что мы делали в последний час смены. Сева убежал болтать с невесткой, которая тоже здесь работает. А я празднично шатался из угла в угол и притворялся, что занят. За полчаса до свистка рабочие прибирали места: сгоняли пыль и высыпали в помойку. Инвентаря не хватало, а вот отдельных частей от него навалом. И кто-нибудь психанет, что в цеху нет ни одной метлы, возьмет это барахло и вылепит нечто уродливое, но способное подмести. Не описать воображение рабочих при конструировании подобного инструмента. Сломанные части черенка сматывали скотчем, щетину приколачивали гвоздями к узкой рейке, че-

ренок с колодкой скрепляли изоляцией...

Отыскав сносную швабру, я мел половину пола возле станка, остальную часть мел Сева. Когда скапливалась кучка песочной пыли, Сева завывал: «И этим мы дышим! А начальство жлобится, не покупает нам вытяжку!» Я несерьезно поддакивал. Рабочие сметали пыль в коробку и нервно постукивали ногами, крутили руками, перекачивались на месте и всё ждали. Ну когда же! Наконец стрелка часов вымучено подкатила к шести. Работяги с чистой совестью отправились в раздевалку. Они потрудились на славу.

Стемнело. На небе тускло мерцали звезды.

Почему-то я всегда торопился переодеться и уйти. Коллеги по цеху спокойно и даже вяло ополаскивались в душевой и приводили себя в порядок. А я трясущимися руками скидывал робу, кое-как сворачивал и запихивал в коробку. Сменную одежду так быстро надевал, что сидела на мне вкривь да вкось. Иногда и шиворот-навыворот или задом-наперед. Но мне все рано.

Я редко с кем прощался. Тянул руку, если кто рядом стоит, а так проскакивал мимо мужиков в трусах. Выбегал из раздевалки, миновал будку курильщиков, где смолили работники на сверхурочном. И под скуление заточенных в метровую клетку собак покидал предприятие. Никакая погода не сравнится в ускорении с желанием добраться домой. Скорее расслабиться на диване и уткнуться в телевизор. После физического труда самое то.

Вдоль дороги торчали редкие столбы с уличным освещением. Возле фонаря светло, а через двадцать метров глухая темнота. Когда проедет машина – осветит часть пути. Но только скроется – оставит во мраке. В темных переходах между освещенными островками люблюсь серебряным свечением луны. Если небо не затянуто. Но если небо ясное, что за величественная картина: полная луна, загадочно сияющая в крошечной тьме.

Сворачиваю на проселочную дорогу и достаю карманный фонарь. Уличное освещение закончилось. Передвигаюсь от кювета к кювету, обхожу разбросанные по дороге лужи. Наконец добрался до дома через непролазную грязь и скинул затоптанные ботинки. Завтра снова на работу, поэтому набиваю брюхо и готовлюсь ко сну. Дома о работе я не думаю. Голова забита чем угодно, только не работой. Признаюсь, мне до боли хочется уйти оттуда. Трудно представить, как некоторые проводят там по пять, по десять лет жизни. Я проработал там месяц и уже лезу на стенку! Тоскливо. Всё-всё, я не думаю о работе.

Звонит будильник. Я встаю, отключаю и возвращаюсь в постель. Лежу и думаю, как бы заставить себя пойти на работу. Нигде я так попусту не тратил время, как там. С этой мыслью невыносимо тяжело бороться. Потому что это правда. Я прихожу на работу и занимаюсь непонятно чем, а какой прок? Никто в цеху этого не знает. А сколько бы я сделал выдающегося! Сколько дел на благо людей и на благо соб-

ственной жизни! Но я словно в каторге. Обречен на вечный труд по принуждению. Я в этой каторге и заключенный, и тюремщик.

С опущенным настроением я иду на работу. Иду быстро: холод пробирает до костей. Мимо пропускного пункта и будки курильщиков я пробираюсь в теплое центральное помещение. Там раздевалка и столовая. Пока я переодевался, рядом стоял рабочий, доставал из шкафчика банку пива и отхлебывал. Такое нередко случается. На работу приходят, изрядно нализавшись, а кто не успел поддать на выходных, догоняется на смене. Никто не может этого не делать и в то же время каждый способен отказаться. Противоречиво, но я отказываюсь. Мнение, что люди должны выпивать, укрепились в головах и не терпит сомнений. Поэтому я чудак, который не делает то, что делают все.

Каждое утро начальники в цеху проводят пятиминутку. Каждый раз нам говорят одно и то же: «Соблюдайте технику безопасности и носите специальную обувь!» Но кто ее не носил раньше, не носит до сих пор. «Если нет никакой работы, то не бездельничать!» Но никто и никогда не говорит, чем конкретно заниматься. То есть занимайтесь чем угодно, но занимайтесь.

По заготовленной цепочке действий цех пришел в инертное движение. Только спустя час обороты нарастут, но уже замаячит блаженный перерыв.

Сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил...

Кто-то говорил, что мы живем в мире технологий. Брехня те слова. Мы живем в мире, где время людей – низкопробный ресурс. Поэтому, где работу выполнит одна сконструированная машина, там ее выполняют десять человек. Десять человек, где девятый – Сева, а десятый – я.

Сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил...

Благо, когда занимаешься подобной рутинной, мысли беспрерывно скользят в голове. Не успеваешь понять важность одних, как их затмевают другие. Сочинил себе будущее и решился сбежать с работы, а как принялся за новую стопку, успел забыть о построенных планах и данных обещаниях. Начинаешь думать, что скоро перекур.

Перекур. Утро выдалось морозным. Вечерние облака развеялись – оставили чистую гладь небесной синевы. Как приятно вдыхать свежий воздух, когда наглотался пыли в цеху. Даже в раздевалку идти не хочется. Иногда сыплю в кружку сахар, заливаю кипятком и пью горячую подслащенную воду. Без чая и без кофе. Терпеть не могу чай в пакетиках и растворимый кофе. А другого здесь нет. Заварочный чайник, турку стащат или разобьют, только отвернешься. А эти современные удобства в виде чайной или кофейной шелухи отвратительны не столько вкусом, сколько фальшью.

Время надо как-то убить – иду в раздевалку.

«Вари одну, а на обеде еще дунем», – сказал Сева одному рабочему, снял с мобильного крышку, вытащил оттуда маленький кусочек и отдал. Подобное не считается здесь чем-

то плохим или противозаконным. Скорее чем-то разбавляющим повседневную тоску. И вправду, как еще заглушить настырный голос в голове, который без умолку вскрикивает, что жизнь идет как-то не так!

Я замедлил шаг и люблюсь катерами. Представляю, как стою на одном из них и рассекаю волны финского залива. Стою за штурвалом и восхищаюсь живописью прибрежных красот. Наш перерыв закончился – начинается у других. Вот и она идет мне навстречу. Если она скажет: «Привет!» – то я украду лодку и отправлюсь с ней в бесконечное путешествие. И жили бы мы лишь для себя. И в нашем мире все только для нас – ни для кого другого! Если только она скажет.

Но она лишь поглядела на меня, встретилась взглядом и улыбнулась. Я улыбнулся ей в ответ, но вышло натянуто, через силу. Она отвела глаза и посмеялась. Надо мной. Взялся за работу и избавился от самобичевания. Оно одолевает всякий раз, когда я упаду лицом в грязь или когда так кажется.

В цех пришел Тихон, тот щуплый парень с косыми глазами. Он постоял минут пять, глядя на мою работу, и принялся помогать. Нам часто помогали со стороны, когда у нас работы завались, а у остальных нет. И скорее это не помощь, а видимость помощи. Ведь надо же чем-то заниматься. Если работник стоит и переливает воду из одного стакана в другой, то пускай, лишь бы что-то делал. Но Тихон действительно помогал. Так же формовал, считал и складывал, как и я. Позже мы распределили работу иначе: он только формует, а

я считаю и складываю. Работа стала монотонней, зато быстрее распускали партию.

Тихон рассказал немного о себе. Живет один, приходит домой и готовит ужин в темноте. Говорит, за долги по коммунальным услугам отключили свет. Я и раньше слышал о его неразборчивых тратах. Он залезал в бесконечные долги и скрывался от коллекторов. Сам он сирота и все детство провел в интернате. Когда узнаешь подробности его жизни, чувствуешь себя несказанно счастливым.

Когда дело отлажено – работа спорится. Не успеваешь следить за стрелками часов. Пока Сева настраивал станок, я болтал с Тихоном о всякой всячине. Бывает, он спрашивал мое мнение о жизни. Видимо, разница моих убеждений с убеждениями работников цеха служила неким авторитетом. Я назидательно растолковывал ему: занимайся образованием и не злоупотребляй алкоголем. А он недоумевал от подобных советов. Как отказаться от выпивки, ведь и так живет неладно? А без этого вовсе жить-то зачем! Сколько я ему не доказывал, что все беды от злоупотребления, он никак не мог вразумить. Достучаться до подобного извращенного мировосприятия мне не по силам.

Мы так разгорячились беседой, что не заметили, как все улизнули на обед. В цеху остались мы вдвоем. В столовой ребята ели впопыхах. Давились не жуя. Верно, чего задумали. Без меня, ведь я не от сей компании. Сева пошептался и убежал в раздевалку. Следом вышла еще тройка ребят. Сто-

ловая опустела. Я неторопливо ел и прислушивался к разговорам. Сам редко вставлял слово.

Из душевой вышло двое рабочих. Один кашлял и закрывал рот, а другой – Сева. Глаза его покраснели, рот растянулся в улыбке. В руке дымилась полулитровая бутылка. Сева забросил ее в коробку на шкафчике. Все сидели на скамейке, переглядывались и отвлеченно делились ощущениями. Тихон сел рядом и с грустью опустил косые глаза. Расстроился: ему ничего не перепало в этой сумятице. Мне откровенно жаль его, но я запрещал себе жалеть. Это не поможет. А вообще, мне безразлично. Он хороший парень – только неудачник.

«Все, пора идти», – глядя на часы, сказал рабочий. Все со злобой посмотрели на дверь, будто за ней крылось несчастье. Рабочие удрученно выдохнули и вразвалочку побрели в цех выполнять половинный остаток трудового дня.

Холостяков на заводе почти нет. Больше половины рабочих – семьянины. Иначе все производство бы встало. Это единственное побуждение работать дальше в этих задушенных цехах. Такое побуждение превышает неудобств и лишений. Благополучие жены и детей – наполняет смыслом самую нелепую и угнетающую работу. Даже низменная жизнь становится значимой, если можно пожертвовать этой жизнью ради близких.

Но я один. Поэтому каждый день я нахожу причины прийти на чертов завод и вытерпеть рабочий день, рабочую неде-

лю, месяц, год, жизнь. Однажды причины иссякнут, и я просто не приду на это нещадно крадущее мечты предприятие. Или у меня появится то побуждение, которое не позволит роптать на участь или забываться в грезах. Побуждение вынудит глотать горечь утраты взамен на счастье и благополучие семьи.

В минуты отчаяния я искал повод уйти отсюда. Вернее, я сразу его находил, как только приступал к работе. Смешно получается: дома я уговариваю себя пойти на работу, а по приходу уговариваю все бросить и уволиться.

Мне нравится отвозить обрезки на пресс, потому что я увижу ее. Она работает в другой части цеха. Я пройду мимо и улыбнусь ей. Пока Сева распускает партию картона, а Тихон формует, я отвезу коробку с браком.

Пока вез тележку, на пол вывалилось немного обреза. Он оставил за мной подобие шлейфа. Потом подниму. Как только я подвожу доверху набитую коробку отходов, работник пресса презрительно косится. Я подкидываю ему работу, но он понимает, что я в этом не виноват. Он даже понимает: если нет обрезков – нет и работы. Просто удобнее злиться на меня, чем на себя.

На обратном пути я смотрю на нее. И вот она взглянула на меня и улыбнулась. Так потеплело на душе, что губы приветливо растянулись. Я так на нее засмотрелся, что не заметил под ногами чертового обреза. Споткнулся и упал вместе с тележкой. Краем глаза видел ее озабоченное и в то же время

милое лицо. Как же я грохнулся на этот холодный залитый бетоном пол. И тележка чуть не наехала. Слышу, как легкие шажки приближаются, и озорной смех так щекотно режет слух.

– Привет! – сказала она и участливо помогла мне подняться.

– Я прямо как этот... – сказал я волнуясь. – Как прапорщик армейский у Куприна. Ты читала?

– Конечно читала! Это мой любимый писатель.

– Правда? – я глупо вытаращил на нее глаза.

– Правда.

Хотелось взять ее за плечи и примкнуть к себе. Сказать, что я так мечтал, чтобы она подошла и поздоровалась со мной. И вот случилось, а я умолк и побрел к станку.

Мысли путались. Тихон забрасывал меня сформованными пачками, а я копошился: неровно складывал или сбивался со счета. Произошло нечто необыкновенное, а я... все испортил. Почему я не сделал того, чего хотел? А сделал то, что делать вовсе не хотел! Столько раз я представлял, как стоит ей только сказать: «Привет», – так я обернусь в интересного человека. Но я упал лицом в грязь. Да! Нет, не просто упал, а с разбегу нырнул всем телом. Да прапорщик армейский и рядом не стоит с таким ничтожеством. Все, за работу!

Пропущу перекур, поработаю. Скопилось много продукции, которую надо отправить дальше, на другой станок. Я складывал, вслушивался в тишину и вспоминал ее послед-

нее слово. Правда. Кажется, что это ответ на все вопросы, которые я мысленно задавал. Правда ведь, что моя симпатия взаимна? Что она позволит провожать ее до дома? Что она убежит со мной хоть на край света? Правда.

Сам не свой я закончил эту смену. Галопом переоделся, пожал руку Тихону и ушел. Как никогда хотелось прийти домой и забыться сном. Холодный воздух взбодрил. Я даже не против прогуляться в одиночестве. Выскочив с пропускного пункта, среди мрака я увидел девушку под светом уличного фонаря. «Она!» – промчалось в голове. Я подходил ближе и чувствовал, как сердце тяжелеет. Его биение отдавалось в ушах. Сказать что-нибудь или пройти мимо? Скажу, но не сегодня. Пройду мимо.

– Привет! – сказала она. – А я тебя жду!

– Привет, ну, вот и я.

Одoleвало жгучее желание схватить ее руку и поцеловать.

– Ты проводишь меня?

Она повернула голову в сторону и испытующе поглядывала.

– Я? Конечно... провожу.

Какой же я кретин! Простые слова из меня надо клещами вытягивать.

Она взяла меня под руку и повела в противоположную сторону моего дома. Так и думал, что она живет именно там, ведь мы не пересекались вне работы. Мы шли по аллее высоких берез и молчали. Я тревожно вслушивался в шарканье

ног по сырому асфальту. Что же рассказать? Ничего в голову не лезет. Тишина казалась утомительной. Завтра она на меня даже не посмотрит, после такого неуютного вечера. Она заговорила сама:

– Я давно хотела с тобой познакомиться и все не решалась подойти.

– Правда?

– Правда. Мне казалось, ты тоже хочешь познакомиться, но стесняешься. Ах, как красива ночь! Сегодня такой чудесный день.

В минуты, когда свет фонарей касался нас, я разглядывал ее лицо. С острым подбородком и таким же острым носиком, светло-серыми глазами, плавными линиями скул. На ее щеках пестрели веснушки, которые так неестественны в это хмурое время года. Ее длинные до бедер волосы свисали крупными волнами и тихо развевались на ветру. Когда мы покидали свет, я всматривался в гущу темноты. Изредка поглядывал на серебристую луну и вслушивался в нежный, певучий голос девушки.

– Мне так хочется уйти с этой работы, – сказала она. – Такая там бестолковщина!

– Правда?

– Правда. Мы живем лишь раз. Стоит ли так ничтожно растрачивать время? Нет.

– А что, если нам... – я не договорил.

Мы остановились перед домом. Бревенчатая одноэтажка

с чердаком. В окнах тускло горел свет.

Она стояла напротив и смотрела мне в глаза. Какая она красивая! И рядом со мной.

– Ты что-то говорил, – сказала она.

Я замешкался и закусил губу.

– Нет, ничего.

Она прильнула ко мне и украдкой чмокнула, оставив теплый и влажный след на губах. «Пока!» – сказала она, взбежала по ступеням и скрылась за дверью.

Я стоял не в силах шагнуть, точно захмелел. Приложил руку к губам, вытер. Посмотрел на ладонь, поднес к носу и вдохнул сладкий запах. Взаправду ли это? Опьяненный я поволочил ноги в сторону дома. В голове вертелись последние пятнадцать минут жизни. Пятнадцать минут, которые стоят дороже прожитых лет. Все пыль. Девушка сдула теплым дыханием с моих плеч годами оседавшую пыль.

Я проходил мимо завода со странным желанием скорее дожждаться завтрашнего дня. Скорее прийти на работу, где она. Так хочется верить, что она будет ждать. Она будет. Я торопился домой набить желудок и впасть в сон, чтобы скорее наступило завтра. За оградой работники второй смены и те, кто остался на подработку, выходят из курилки и неторопливо бредут в цех. Она права. Она видит суть этой мирской суеты, на которую не стоит тратить жизнь, ведь другой нет. Жизни после смерти нет, лишь бесконечные мгновения утраченного времени. Они на повторе крутятся перед смер-

тью, во время смерти и после.

Завтра, когда вновь ее провожу, откроюсь ей. Скажу все то, что так хотел сказать! Если она согласится быть со мной, то я сверну горы ради нашей жизни. И заживем мы словно в сказке, но наяву. Я ей откроюсь... Вот мой дом и мой очаг. Не помнится, когда в последний раз я засыпал с приятными мыслями о завтра.

Утром. За окном мерно плыл сизый туман и обволакивал призрачной дымкой окружение. И почему сон съедает воодушевление? Еще вчера как одурманенный я стремился к подвигам и безрассудствам. А сегодня голова распухла словно от похмелья. И внутри жжет раскаяние, что надавал себе обещаний, которых не выполню. Может, провести с ней еще пару вечеров, а там уж и открыться?

Я надел куртку, пристально всмотрелся в отражение зеркала и вышел на улицу. С каждым вдохом грудь наполнялась свежестью, очищалась от застоявшейся духоты. Если решил – выполняй. Я же знаю себя: помедлю и все испорчу.

Окрыленный я перескакивал слегка обледенелые лужи, которые оттают с первыми лучами солнца. Сегодня на работе все будет иначе. Наконец я чувствую, что живу не зря. Что вся эта чепуха, которая наполняет рабочее время, оправдала себя. Рядом будет она.

У пропускного пункта мерзнет кучка людей. Как и у меня, у них случились проблемы, и они пришли просить место. Только проблемы заставят прийти на этот завод в поисках

работы. Девушка из стоящих показалась знакомой. Это она! Неужто меня поджидает?

– Привет! – сказала она, – а я вот тебя жду.

– Привет, – сказал я неуверенно, – что-то случилось?

– Случилось. Давай не пойдем на работу?

Я опешил.

Я грезил о подобном и в мыслях согласился бы не раздумывая. Но когда это произошло в действительности, то погряз в сомнениях. Испугался чего-то непонятного. В любую минуту я сорвался бы и убежал с работы, но в то же время не хотелось терять место. Работа несложная, платят вовремя, добираться недалеко. Если я не выйду на смену, то придется искать новую работу и... черт, мне же хочется согласиться!

– Я говорю, давай не пойдем на работу? – сказала она и заулыбалась.

– Хм... как это... ну давай не пойдем.

Она радостно вскрикнула, схватила меня за руку и потащила прочь от ворот завода. Я не спросил, куда мы идем. Пускай ведет куда хочет. Пускай этот день пройдет безрассудно, пускай вся судьба будет в руках у этой девушки.

Мы торопились, отчасти из-за промерзлого воздуха, а отчасти из-за чего-то еще. Мы шли к ее дому. Она звонко что-то говорила, но я не вслушивался в смысл слов, я пьянел от самого звука ее голоса. Я не понимал ничего из сказанного, внутри теплилось приятное чувство безразличия, лишь бы все оставалось так же. Чтобы мы шли вдвоем и неважно ку-

да. И неважно, что во время работы, важно, что вдвоем.

Она остановилась у дома, прищурила глаза и испытующе посмотрела. Я растерялся и даже на полшага отстранился. Что она задумала? «Пойдем!» – сказала она и потащила меня за руку. Зайдя внутрь, она скинула куртку и стащила обувь. Я невольно стал подражать, но не понятно, почему мы спешим. Сбросив верхнюю одежду, она замедлилась и начала плавно расстегивать пуговицы на рубашке, лукаво поглядывая. Я замер. Она скинула рубашку и обнажила изящную грудь с розовыми сосками, прижалась ко мне и потащила вглубь комнаты. Я не успел осмотреться, как она повалила меня на диван и поцеловала.

Голые мы лежали на твердом диване с клетчатым пледом и разговаривали.

– А хочешь уехать отсюда? – сказала она.

– Хочу уехать в Северную Европу, чтобы плыть вдоль берегов Балтийского моря.

– Как это здорово! Ты отпустишь бороду и будешь курить трубку, как настоящий капитан. А я буду готовить завтрак из морской рыбы. Мы будем есть и наслаждаться видами бескрайнего моря.

Как она хорошо представила. Она согласилась на негласное приглашение. Вернее, она говорила так, будто это само собой разумеющееся.

– А ты хочешь куда-нибудь? – спросил я.

– А я отправлюсь куда угодно, – сказала она, – лишь бы

с тобой.

Я растянулся на диване. Правду ли она сказала? Сложно поверить, но так хочется. Неужели и вправду в жизни не только монотонный и бессмысленный труд, но еще и блаженная мечта наяву?

– Правда? – спросил я.

– Правда, – сказала она, нежно обняла меня и укусила мочку уха.

Я не задавался вопросами, что будет дальше. Не планировал будущее. Есть только настоящее. Я, она – мы в этом настоящем. Место на заводе больше не заботило. Да разве так важно: найду ли работу по душе или нет! На хлеб заработаю. Главное, что мы вместе.

– А катер мы украдем с работы! – сказала она и звонко засмеялась.

– Ах, ты какая!

Я подхватил смех и защекотал ее, а она отбивалась руками.

Не знаю, сколько мы лежали, но казалось долго. И мне хотелось продолжать. Хотелось весь день проваляться с ней на диване. Лежать и разговаривать о пустяках, мечтать о совместной жизни, о том, куда отправимся и чем займемся.

На стене висели часы, показывали половину второго. Она посмотрела на них и опустила глаза. Цокающий звук шага секундной стрелки наполнил комнату. И я начал думать, что...

– Своди меня куда-нибудь, – сказала она. – Давай прове-

дем этот день весело!

– Хорошо, – сказал я, – а куда ты хочешь?

– Неважно куда, важно с тобой.

Мы лениво поднялись и оделись. Неподалеку отсюда шоссе, которое ведет к столице. В поселке не повеселишься – едем в город.

Мы вышли на улицу. Обдало прохладным дуновением. Небо затянуто серыми облаками, а в воздухе витали крупинцы снега. Это первый снег после лета. Я смотрел, как она загадочно вглядывается в снежную дымку и счастливо улыбается. Кажется, что в беспорядочных движениях снежинок она видела будущее, и оно ей нравится.

На остановке. Она ни о чем не спрашивала, она доверилась мне. Мы стояли напротив друг друга. Она обнимала меня и в упор смотрела в глаза, а я невольно отводил взгляд. Становилось не по себе. Чувствовалась женская власть в ее взгляде. Когда я отворачивался в сторону, она подсмеивалась надо мной.

Подошел автобус. Мы сидели рядом и всю дорогу молчали. Мы не разговаривали, но тишина не смущала. Напротив, мы прижимались плечами и будто слушали биение наших сердец в унисон. Она сидела у окна, но смотрела не туда. Она не отводила глаз от моего лица. А когда я замечал ее пристальный взгляд, она мне улыбалась, и я улыбался в ответ.

Когда мы вышли на центральную площадь города, облака развеялись, а ярко-оранжевое солнце медленно спускалось к

горизонту. Мы пошли по проспекту, утонув в гуще людей. Чем нам заняться? Ничего в голову не приходило. Для меня гулять с ней вдвоем уже хорошо. Больше ничего не хотелось. Но что-то внутри съедало: ведь она просила сводить ее куда-нибудь.

– Смотри, вон милая кафешка, – сказала она. – Зайдем, а то я так проголодалась?

Мы сели за уединенный столик на двоих в конце зала. Она сидела напротив и украдкой поглядывала на меня из-за края меню, кокетливо хихикала и пряталась обратно. Как же давно я не ходил в подобные заведения, да еще и с девушкой. Не ляпнуть бы лишнего и не сделать. Веди себя естественно и непринужденно. Я поднял руку и защелкал пальцами, чтобы позвать официанта. Она нахмурилась и с укоризной глянула на меня. Я опустил руку и хотел провалиться сквозь землю.

Она заказала кусочек ягодного пирога и кружку кофе с молоком. А я заказал черный кофе и все.

– Я так люблю кофе, – сказала она. – Только не растворимый, обязательно свежемолотый.

– Правда?

– Правда.

Захотелось ласково назвать ее. Тут меня осенило: я не знаю ее имени. Мы столько раз виделись до знакомства, а после столько разговаривали, но даже не спросили имени друг у друга.

– А я ведь до сих пор не знаю, как тебя зовут, – сказал я.

Она держала кружку обеими руками и медленно вдыхала запах напитка. Она глотнула и хитро улыбнулась.

– Меня зовут Виолетта, – сказала она.

– А меня...

– А тебя зовут Женя, – оборвала она, – я знаю.

– Хм, откуда?

– Как-то раз я шла на перерыв, а ты стоял у входа в цех и любовался катерами, – она певуче рассказывала и накручивала прядь волос на палец. Глаза ее блуждали у висящих ламп на потолке. – Тебя окликнули. Твой перерыв закончился, а мой только начался. Вот так и узнала. И почему-то так врезалось в голову твое имя, даже не знаю почему... наверно, это...

– Что это? – спросил я и пристально всмотрелся.

– А тебе все скажи!

Она отломилла кусочек пирога и так шустро пихнула его мне в рот, что я не успел и слово сказать. Рот набился приторной сладостью.

– Я сейчас, – сказала она и встала из-за столика.

В кафе никого кроме нас. Я задумался о завтра. Она отошла, и настоящее уплыло вместе с ней, а я остался наедине с туманным будущим. Что же делать? Искать новую работу или соврать на заводе, что у меня снова умер родственник? Вряд ли мне поверят. Хотя я хорошо работал, не бездельничал, почему бы им разик и не закрыть глаза на мой прогул?

Она вернулась обеспокоенная. Я тут же очнулся от трясиных размышлений.

– Пойдем, погуляем, – сказала она. – Пока не стемнело.

Я так подорвался, что сшиб край стола, – звякнула посуда. Я бросился к вешалке, взял ее длинное пальто, расправил и заботливо надел ей на плечи. Затем обнял и нежно поцеловал в щеку. Она улыбнулась, беспокойство улетучилось. Я расплатился и собрался выходить, как внутри засвербило. Я оставил чаевые, будто у меня праздник и я делюсь им со всеми. Хотя этот день для меня и вправду праздник, но делиться с ним я не хотел.

На проспекте задул холодный ветер, а люди всё толпились. Виолетта взяла меня за руку и потащила в переулок. Как только мы спрятались, ветер стих, а городская суета осталась позади. Мы шли по узкому тротуару. Когда нам шли навстречу, мы прижимались друг к другу, пропуская пешеходов. Мы вышли на открытый дворик и остановились возле бюста видного человека. Хлопья снега медленно падали и шапкой ложились на бронзовую голову скульптуры. Мы молча обнимались и смотрели друг другу в глаза. Я дул на ее волосы, а они развевались и застилали ей лицо. Виолетта поправляла их и каждый раз после этого чмокала меня в губы.

– Молодые люди! – обратился к нам тучный бродяга, – а можете помочь мне?

– Вам денежку дать? – спросила Виолетта.

Незнакомец потупил взгляд и с согласием промычал.

Виолетта достала из кармана купюру и протянула. Бродяга взял деньги и сразу посветлел в лице. Он начал задорно поглядывать на нас.

– Господа, а хотите, я вам авторский анекдот расскажу? – сказал он.

– Ну давайте – робко сказал я.

– Значит так, – начал он, – заходит девушка в общественный транспорт и говорит молодому человеку: «Пропустите меня», – а он ей отвечает: «А сколько раз?»

На последнем слове он шумно засмеялся – тело громоздко затряслось. Смех этот оказался веселее, нежели сам похабный анекдот.

– А хотите еще один? – спросил он и, не дожидаясь ответа, начал, – значит лежит в постели любовница с любовником, а тут заходит муж...

– Ой, нет, спасибо! – прервала Виолетта и замахала рукой.

– Как знаете, барышня. Всего наилучшего, тьфу на вас.

Он побрел вразвалочку дальше по улице, а мы провожали его взглядом, пока он окончательно не скрылся.

– Ты такая добрая, – сказал я.

– Я так отношусь к деньгам. Зачем копить? Расставаться с ними надо легко. Если они задерживаются, то становятся мертвыми. А когда с деньгами расстаешься – они оживают и в конце концов возвращаются обратно.

Какая она умная и хорошая. Я прильнул к ней и нежно поцеловал в губы.

Стемнело. Мы шагали вдоль переулка. Дорогу освещал желтый свет фонарей, висевших на вороненых столбах. Небо застилала сизая дымка облаков, а под ногами таяли белые крапины снега. Хоть на улице и прохладно, внутри меня тепло. Грели чувства к Виолетте.

Ноги сами вели обратно к автобусной остановке. Надо возвращаться в поселок, а то ненароком останемся в столице без ночлега. Но мне все равно. Если Виолетта рядом – неважно, где я нахожусь и чем занимаюсь.

Ничего не замечал вокруг: ни проходящих мимо людей, ни городской шум транспорта, ни вечернюю прохладу – только теплоту ее руки в своей. Мы шли и мечтательно смотрели то друг на друга, то по сторонам. И только мы встречались взглядом, в голове проскальзывала мысль, что думаем об одном. Я подумал, как мне с ней хорошо, и она подумала, что ей со мной хорошо. Я подумал, хочется, чтобы этот день не кончался, и она подумала об этом. Я подумал, что никогда не был так счастлив, и она подумала так же.

Мы пропускали через себя поток пешеходов. Смотрели, как нас обволакивают по сторонам и уходят дальше убегающие женские и мужские спины.

Дошли до остановки и забежали в уже отъезжающую маршрутку. Повалились на сиденья и громко засмеялись. Я не знаю почему, но стало так радостно. Смех так безудержно вырывался изо рта, что на нас оглядывались. Но я не мог остановиться. И Виолетта смеялась вместе со мной. Я схва-

тился за живот от боли, так мне смешно, а у Виолетты побежали слезы. Это рассмешило пуще. Я успокоился, стало стыдно за этот переполох. Но теплый взгляд Виолетты растопил во мне муки.

– Ты такой забавный, – сказала она, – а над чем мы смеялись?

– Я не знаю. Я смеялся оттого, что ты смеешься.

Виолетта снова захохотала, а я зажал рот рукой, надрылся и издавал хлюпающие звуки. Завидев мои конвульсии, она захлопала меня по плечу и еще громче разрывалась смехом.

– Черт, что нам подсыпали в кофе? – сказал я.

– Счастья! – воскликнула она, схватила мою голову и припала губами к моим.

Маршрутка доехала до нашего поселения. Мы вышли и поплелись вдоль шоссе к ее дому. Не хотелось расставаться – я нарочно растягивал шаг. Виолетта не сопротивлялась. Она взяла мою руку и обняла. Она не хотела отпускать меня. И хотя мы оба понимали, что расстаемся ненадолго, это нисколько не обнадеживало. Завтра новый день, и мы снова увидимся, но отчего-то грустно.

Издали видно, как в окнах ее дома тускло светило.

«Ко мне сейчас нельзя», – сказала Виолетта.

Я не ответил.

Мы дошли. Я поднял голову. Фонарь у дома не горел – видно весь небесный купол, усеянный миллионами сверкаю-

щих звезд. Как красива ночь. Виолетта тоже подняла голову и всмотрелась в чарующую картину млечного пути. Нет завтра, только день сегодняшний. Завтра не наступит, а вчера и вовсе не существовало. Только сегодня. И сегодня я провел день с ней. И сейчас я заплачу любую цену, чтобы не расстаться с ней. Ведь завтра не наступит.

Ее глаза увлажнились. Она отвернулась и всхлипнула. Я крепко прижал ее к себе и зашептал на ушко: «Это ничего, ничего...»

Стало невыносимо тоскливо. Не знаю толком отчего. Ведь и вправду не в последний раз видимся!

– А ты знаешь, – повернулась и сказала Виолетта, – я целый день хочу тебе сказать.

Всего сжало после этих слов. Не то чтобы я ждал чего-то страшного или обидного, скорее наоборот, чего-то нежного и откровенного. Но все же ноги слабо стояли, а руки крепче стягивали ее в объятиях.

– Что? – прошептал я и приблизил ухо к ее рту.

Теплое и прерывистое дыхание обдавало мне щеку.

– Хотела сказать, что...

– Э, на камерах не стой! – ехидно сказал Сева.

Я очнулся.

Огляделся, сдул с плеч пыль и повез обрезки на пресс.

Я не упал. Она не подошла ко мне и не сказала: «Привет».

Когда смена закончилась, я поднялся в кадровый отдел, уволился одним днем, собрал вещи и ушел.

Котлеты из хлеба

1

В ту пору, когда яркие лучи солнца обжигают белоснежные сугробы, а птицы поедают вяжущие ягоды черноплодной рябины, из детского сада провинции Санкт-Петербурга вышла на прогулку вторая младшая группа «Зайчики». Вся гамма красок пестрела в их одежках: розовые комбинезоны и синие курточки, желтые штанишки и фиолетовые вязаные шапочки. Все это смешивалось, точно палитра художника на заснеженной земле. Из детских ртов вырывались визгливые и бессловесные крики, безудержная радость, озорство и беззаботность – все то, что так знакомо каждому ребенку, и давно забыто взрослым.

Группа разбрелась на прогулочной площадке и слилась с другими детьми, на щеках которых уже горели румяные яблочки. Воспитатель присоединилась к беседе коллег, которые уводили группы с прогулки. Каждый из них украдкой поглядывал на своих «пташек», «солнышек», «зайчиков», пересчитывал и сравнивал с числом детей на текущий день.

– Пташки! – пропел женский голос воспитателя, – строимся, идем в группу.

– Солнышки! – зазвучал голос другого воспитателя, –

идите сюда, уходим в группу.

Каждый малыш нашел себе пару и взялся за руку. Неуклюжими шажками они отправились в теплые стены детского сада, чтобы пообедать манной кашей и вздремнуть. Но тихий час нередко проходил иначе: дети будоражились и пропитывались приливом шалости.

– Аня, Аня, – с укоризной говорил воспитатель второй младшей группы, – не ломай лопатку.

– Нафтафья Валелена! – дергая за нижний край куртки, просил внимания малыш, – а там фидят и кулят!

Взор воспитателя впился в беседку, где сидели три щеголеватых подростка. Она задумалась на мгновение, затем улыбнулась и сказала малышу: «Иди, Миша, прогони их!»

Приободренный малыш помчался к неприятелям. Он подбежал, потупился и робко протянул: «Идите отфюда!» Подростки не прислушались. Один из них, щурясь от дыма сигареты, ехидно улыбнулся и жестом руки велел малышу уйти. Миша присел, зачерпнул лопаткой смесь грязи, песка и растаявшего снега и метнул на голубые джинсы обидчика. Подростки попрыгали с мест и выругались. Шматок грязи сполз и упал на белые кроссовки. Теперь двое из этой компании заливались смехом, а третий стал пуще сквернословить. На мгновение водрузилась тишина: они наблюдали, как малыш нагнулся и зачерпнул следующий снаряд. Но когда Миша поднялся, в беседке опустело.

От воспитателя раздался громкий и пронзительный смех,

который подхватили дети. Наблюдая, как подростки недовольно уходили, Настасья Валерьевна умилялась храбрости Миши и хохотала. А группа смеялась от заразительно смеха любимого воспитателя младшей второй группы «Зайчики».

– Ну вот, Аня, – сказала воспитатель, – сломала лопатку.

2

За оградой сада, вдоль деревянного зеленого забора, припарковался представительский автомобиль. Наполированный кузов авто никак не вписывался в окружение: монолитные пятиэтажки, деревянные домики и сельские магазины. Из салона вышла стройная и подтянутая девушка. Она накинула на себя меховой жилет, взяла кожаную сумку и пошла в сторону сада, впиваясь каблуками в присыпанные дорожки. Походка грациозна, а осанка горделива.

– Это же не вторая младшая группа? – спросила она у воспитателя и сняла солнцезащитные очки, оголив мелкие морщины на молодом лице.

– Здравствуйте, Ольга Петровна, – ответила воспитатель, – это мы. А вам заведующая не говорила, что занятие перенесли?

– И что? Мне теперь менять весь распорядок? Так, пускай дети идут переодеваться, через десять минут начинаем, – сказала Ольга Петровна.

– А как же? – опешила воспитатель, – у нас же по расписанию...

– Десять минут, – сказала Ольга Петровна, подняла указательный палец и поднесла к лицу воспитателя.

– Зайчики, зайчики! – воспевала Настасья Валерьевна, – собираемся в группу! Четыре, шесть, восемь, десять, двена-

дцать и тринадцать, все.

Внутри детского сада Ольга Петровна прошла по узкому коридору мимо кухонных цехов, откуда доносился запах вареной капусты и жареных котлет из хлеба. Она поднялась по кафельным ступеням на второй этаж, отворила белую деревянную дверь и зашла в комнату отдыха воспитателей. Там было пусто. Никого. Она повесила на плечики меховой жилет, тяжело выдохнула и села на детский стульчик. Пока растеживала молнию на кожаных сапогах, лицо ее напрягалось и корчилось от боли. Сняв один сапог, она переводила дыхание и собиралась с мыслями, чтобы приступить ко второму. Закончив и с этим, она надела балетки и прыжком соскочила со стула. Вытянула ногу назад, медленно всплеснула руками и закружилась. Но внезапно вскрикнула и упала на колени, опустив голову вниз. Вспышка боли сверкнула в ноге. Она всхлипнула, поднялась и пошла в группу проводить занятие по хореографии.

Дети наспех переодеты в спортивные костюмчики и чешки. Они еще не отошли от прогулочной беготни, не могли устоять на месте. Кто брался за руки и пританцовывал, кто кружился, а кто просто метался от стены к стене. Когда показалась Ольга Петровна, дети притихли и построились в неровные полосы рядов. Выделялась одна девочка. Глазам окружающих казалось, что с ней что-то не так. Непонятно, что именно, но точно что-то не то. Лицо не такое, как у всех детей, и поведение тоже. Девочка стояла в стороне с широко

раскрытыми глазами и наблюдала за уроком.

– А это что? – спросила Ольга Петровна у воспитателя, – я не детский корректор, я работаю только с нормальными детьми.

Слово «нормальными» она произнесла по слогам.

– Ольга Петровна, пожалуйста, пускай она тоже побудет, – сказала Настасья Валерьевна.

Ольга Петровна ничего не ответила, взмахнула руками, приподнялась на цыпочки и громко произнесла: «И раз, и два-а... и раз, и два-а... теперь развороты! и раз, и два-а...»

Приглушенно звучала фортепианная мелодия. Не для ритма, но лишь овеять романтикой. Маленькие девочки и мальчики незатейливо танцевали, кто как мог. Никто не ощущал стеснения и робости, все поглощены волшебным миром телодвижений. Хореограф отвлеклась на девочку, которая мялась в сторонке, подошла к ней и повелительно взмахнула руками. У девочки захватило дух. Захлестнуло порывом вдохновения. Вмиг она стала серьезной, повторила движение рук, поднялась на носочки и изо всех сил старалась удержаться. Ничего подобного девочка не переживала. Глаза заискрились, сердечко затрепетало.

Ольга Петровна надменно улыбнулась. Она упивалась в мыслях талантом преподавать.

– А как зовут эту, недоразвитую? – спросила она у воспитателя, – у нее не все так плохо, хотя настоящим искусством она все равно заниматься не сможет.

– Это Аня, – ответила Настасья Валерьевна.

Небесная синева сгустилась до вязкого и плотного цвета переспелой сливы. Детей вывели на вторую прогулку. Холодный ветер завывал, впечатления у младшей второй группы лучшего дня постепенно угасали. Но радость в нежных личиках загоралась вновь, когда приходили родители. Со сладостным звоном каждое дитя бросалось в объятия долгожданных и близких. И чем меньше становилось малышей из группы, тем сильнее обострялось ожидание. Каждый ребенок, наблюдающий картину воссоединения, мечтал о том же. Кто бы ни приходил: старая бабушка в дряхлой шубенке, усталый отец после работы, молодая мать, озабоченная бытом – у всех лица озарялись улыбкой. У родителей теплело на душе, стоит увидеть раскинутые в сторону руки бегущего к ним ребенка.

– Аня, время уже шесть, – сказала воспитатель, – кто придет за тобой?

Девочка подняла голову и с зубастой улыбкой крикнула единственное слово, которое знала: «Мама!»

– Пойдем, Аня, в группу. Холодно на улице.

В прихожей Настасья Валерьевна посмотрела на девочку, которая всхлипывала носом. Раздевать ли? Вдруг сейчас за ней придут. Со вздохом воспитатель принялась расстегивать разболтанные пуговицы на поношенном пуховике девочки. Аня пока не научилась раздеваться своими неуклю-

жими ручками. Когда сняли топорные зимние башмаки, девочка взглянула в глаза воспитателю и сказала: «А мама?»

Аню отвели за ручку в игровую комнату, и девочка бросилась к полке с куклами. Сначала воспитатели, а потом и дети, не позволяли ей брать игрушки: по своей неосторожности она их ломала. Но сейчас в группе никого, и девочка всласть тешилась ими, только она. Воспитатель с грустью смотрела, как Аня встает перед куклой и «учит» ее танцевать, а потом берет в руки и, как марионеткой, выполняет танцевальные движения.

Оставив девочку с куклами, воспитатель убежала к заведующей.

– Эльвира Эдуардовна, – сказала она, – у меня Анечка осталась. За ней никто не пришел.

– Родителям звонили? – спросила заведующая.

– Так у нее же только мамочка. И нет у нее ни домашнего телефона, ни мобильного.

– Бумажкина что ли?

– Да.

– Ах, точно, кто-то мне жаловался, – нахмурилась заведующая. – Так вызывайте полицию, пускай ребенка забирают, а вы заканчивайте.

Настасья Валерьевна переменилась в лице. В груди неприятно защемило.

– Нет, я еще подожду, – сказала она.

Но не успела отойти, как в дверях показался неряшливый

дворник. Он смущенно переглядывался то с воспитателем, то с заведующей.

– Что такое, Михал Кириллович? – выглядывая, спросила заведующая.

– Там это... – замямлил он, – женщина пришла.

На улице Настасья Валерьевна увидела женщину, которая стояла и раскачивалась на месте. Воспитатель вышла к ней. Лицо женщины перекошено, а волосы растрепаны. По щекам размазана губная помада, а ресницы жирно намалеваны тушью. Несмотря на холод, куртка женщины распахнута, под ней белая полупрозрачная блузка, заляпанная пятнами, а на груди просвечивал пестрый бюстгальтер. Из открытого рта оголены ряды желтых прогнивших зубов. Женщина дыхла на воспитателя дешевым алкоголем и с хрипотой сказала: «Я за Аней».

Эта дорога казалась в новинку для Ани. Начало дня протекало привычно: вспышка желтого света – это мама включила светильник, неприятный холод в местах, где одеяло коротко, слипшиеся глаза и легкий голод, который заглушился несладким чаем. Затем умывание, колючие щипки, когда заплетали волосы в косичку, утомительное надевание одежды и темная неосвещенная улица. А дальше все не то. Нет ни высокого дома номер пять, ни стоящего автомобиля без колес, ни зеленого забора вдоль детского сада. Только уличная остановка, где люди стояли штабелями и выдыхали кто пар, а кто дым. Шумный автобус и много людей внутри. И долгая поездка в неизведанные для девочки края.

Вошли в дом напоминающий сад, но вместо привычной улыбки воспитателя – заспанное и неприветливое лицо женщины в белом халате. Мама уйдет. Она всегда уходит, когда появлялась другая женщина, но всегда возвращается.

– Клава! – крикнула женщина в белом халате, – там малышку принесли, я пока оформлю, а ты прими ее.

Клавдия отложила книжку в мягком переплете, сняла очки и бережно положила в футляр. Она накинула голубой халат и пошла за девочкой. В приемной стояла нетрезвая женщина и малышка, которая пряталась за ногами. Клава нагнулась и постаралась улыбнуться, но вышло натянуто и даже

наигранно, поэтому девочка пуше зарылась в ноги к маме. С неприязнью Клавдия взяла маленькую и мокрую от слюней ручку Ани и повела за собой.

– Надо подписать документы, – сказала женщина в белом халате, – и хорошо бы вещи какие оставить.

– Я все принесла, – ответила мать.

Девочку ввели в просторный зал, где свисали обшарпанные обои, а поперек стен громоздились шкафы. Посреди зала растянута широкая вольера из сетки, в которой ползали дети. Такие же маленькие и напуганные, но и совсем другие – крепкие и бойкие. Девочку подняли за подмышки и перенесли в этот огороженный мирок. Все вокруг вызывало смещение: непривычные женщины, незнакомые дети, неудобная обстановка. На Аню с любопытством поглядывали. Она зажалась. Сидевшая неподалеку девочка поднялась, неловкими шагами приблизилась и ударила новенькую в лицо.

Клавдия вернулась к себе, в комнату для нянечек. Она схватила книгу и пролистала до закладки. Буквы расплывались. Она сощурилась и поняла, что на ней нет очков. Надев их, она выискивала то место, где оборвалось повествование. Улеглась на твердый диван, накрытый шерстяным пледом, и с жаром зачитала роман. Ей настолько нравилось забывать об окружении, что она с легкостью забывала и о себе. Фантазия писателя – единственное место, где она по-настоящему жива. А реальность – лишь дурной сон. Каждый герой повести – она сама. Вне романа ее нет. Вне романа только девушки.

ка без личной жизни, с испорченным зрением и проблемной кожей на лице.

– Зайчики! – воспевала Настасья Валерьевна, – строимся на прогулку, идем одеваться. Четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать...

Она нахмурила брови и задумалась.

Однообразие дней приедалось. Измени какую-либо деталь в монотонных делах, то засвербит, словно в мозаике не хватало детали, и картинка не собиралась. Перед тем как одеться, воспитатель зашла в раздевалку проверить все ли дети готовы. Она по привычке сказала: «Выходите пока, а мы сейчас...» – но оборвала себя на полуслове. Одевать некого.

День казался приятным и походил на те мимолетные будни садика, в которых воспитатели находили счастье. Однако для Настасьи Валерьевны что-то не то. Тот же детский смех, те же детские обиды, капризы и шалости. Все как прежде, но что-то еще. Нечто за пределами обычных дней. Она догадывалась о причине волнения, но не понимала, почему это так тревожит. Остаток дня она провела угрюмо и задумчиво.

Полчаса минуло, как забрали последнего ребенка, а Настасья Валерьевна все маялась и ходила по группе. Она прибрала вещи, накинула куртку, но тут же сбросила и пошла в соседний корпус. Спустилась, прошла по узкому и темному коридору, затем поднялась и трижды постучала в деревянную дверь заведующей.

– Настасья Валерьевна? – сказала заведующая, – что такое, снова за кем-то не пришли?

– Нет, Эльвира Эдуардовна, всех забрали, но вот Анечка...

– Это Бумажкина что ли?

– Да. Понимаете, сегодня третий день, как ее нет. И мамочка ничего не сообщила, и с ней никак не связаться.

– Так что же, позвоните участковому, скажите адрес, пускай сходит. Ведь у нас есть адрес?

Настасья Валерьевна отшагнула назад и пыталась нащупать что-нибудь рукой, чтобы опереться или ухватиться, но ничего не попадалось. Она отшагнула еще и прислонилась ладонью к стене.

– Да, есть адрес, – сказала она, – до свидания, Эльвира Эдуардовна.

– До свидания, Настасья Валерьевна, – сказала в след уходящему воспитателю заведующая. – Вот чудная.

Издали разрывался звонок телефона. Телефон беспокойно подергивался на тумбочке и вот-вот свалится, но Настасья Валерьевна бросилась к нему. Так странно, кто звонит в такой час?

– Вторая младшая, – подняла трубку и сказала воспитатель, – слушаю.

На том конце линии доносились беспорядочные звуки: пьяные крики мужчин, истерический смех женщин и приглушенная музыка. Шум заставил отнести трубку телефона

подальше от уха.

– Алло! – повторила Настасья Валерьевна, – слушаю!

Ответа не было, только лился безобразный гул. Захотелось бросить к черту трубку, пойти прочь с работы и забыть об этом дне и об этих пустых бессмысленных переживаниях. Но Настасья Валерьевна собрала волю в кулак и подавила в себе приступ гнева.

– Алло! – повторила она, – кто это?

– Алё, – раздался хриплый женский голос, – это мама Ани Бумажкиной, мы не будем ходить в садик, я отдала дочку в приют...

После короткого молчания звуки прервались – в трубке запищали гудки.

Настасья Валерьевна плохо различила слова, которые доносились сквозь шум, но смысл понятен. Она медленно опустила трубку телефона, оделась и ушла.

«Что это?» – нехотя отрываясь от книги, подумала Клавдия. Она приучила себя не отвлекаться на плач, грохот от игр и стычек детей, но сейчас что-то застало ее врасплох. Среди бетонного эха безобразных криков детей крайне удивительно услышать нечто музыкальное. Клава отложила беллетристику, небрежно накинула рабочий халат и нечаянно сбила стопку бумаг на столе. Она принялась собирать, но бросила и пошла выискивать источник этой выразительной мелодии.

Серый лист плавно раскачивался из стороны в сторону, падая на пол. Он шаркнул по раскоряченному паркету и приземлился. На листке выделялись темные пятна, круглые следы кружки и потертые края. На нем напечатана фотография малышки с редкими темными волосами, с карими глазами и пухлыми щечками. Под фото шли ряды напечатанного текста, строки которого иногда дописаны синими чернилами от руки.

Клава проходила по коридору мимо дверей и прислушивалась. Где играет музыка? Она прошла дверь яслей, младшей группы, средней и задержалась у группы пятилеток. Повременила минутку и медленно отворила дверь, чтобы остаться незамеченной. Чем шире открывалась дверь, тем отчетливей просачивалась мелодия, словно лился поток родниковой воды через желоб. Клавдия легонько зашла и удив-

ленно замерла. По центру комнаты взмахивала и медленно опускала руки, кружилась в танце девочка, развевая коротко остриженные черные волосы. Вокруг нее столпились детки. Они будто зачарованные наблюдали за выступлением. Танец с медленной музыкой и завораживал, и притягивал. Когда мелодия достигла кульминации, девочка подпрыгнула, вспорхнула ногами и мягко приземлилась на колени. Дети восторженно вскрикнули и тут же прижали руки ко рту.

Щелк! Музыка оборвалась.

Дети оглянулись в сторону проигрывателя, там стояла Клавдия и с любопытством рассматривала затрепанную аудиокассету. Девочка растолкала детей и подбежала к нянечке с криками: «Отдай! Отдай!» Но Клава отстранила ее в сторону и прикрикнула, чтобы она не забывалась.

– Ты хорошо танцуешь, Аня, – сказала Клавдия, – но ты не станешь балериной. И еще магнитофон трогать нельзя!

Няня ушла, а девочка все стояла и со злобой в глазах смотрела на деревянную дверь с жухлой краской. Ноздри раздулись от глубокого и напряженного дыхания, а руки сжались в кулаки. Никто из детей ее не тревожил. В ней кипела затаенная ярость, которая обрушится на любого. Несмотря на худощавость, она стала крепкой девочкой. Жизнь в приюте заставляла бороться за себя. Она получила должную закалку, и с ней рисковали связываться даже мальчишки. Гнев прорывался наружу. Аня подошла к магнитофону, швырнула на пол и с остервенением молотила его ногами.

Клава вернулась в кабинет. Она надменно посмотрела на кассету, прочитала: «Классика. Чайковский», – и положила на полку. Под ногами лежали разлетевшиеся листы. Клава нагнулась и принялась подбирать. Она подняла один, засмотрелась на фотографию и забегала глазами по графам печатных столбцов.

ФИО: Бумажкина Анна

Дата рождения: 28.04.1999

Пол: Ж

Мать: Бумажкина Е. И.

Отец: «прочерк»

Психодиагностическое заключение: Мать всячески избегала отвечать на вопросы. Говорила невразумительно и уклончиво. Призналась, что нечаянно уронила ребенка, когда та была совсем маленькой. С тех пор наблюдалось отставание в развитии. Отца ребенка не знает. Искать не решилась. До детского сада ребенок жил изолировано: гулять не ходил, ни с кем не общался кроме матери, все время проводил дома. Выявлены проблемы с социализацией: в детском саду ребенок ни с кем не игрался, шел на контакт исключительно с воспитателем. Наблюдается гиперактивность. При тестировании выявилось слабое развитие мелкой моторики...

Клава хмыкнула и положила лист в стопку.

– Тебе уже тридцать семь лет, а ты без мужа, без детей, гниешь в своем интернате для умалишенных! – слушала Клава в телефонную трубку и тяжело дышала, – и чего тебе не сиделось? Так хорошо было. Нет, тебе надо попробовать себя в литературе. Никогда ты меня не слушаешь, а я ведь ради тебя стараюсь!

– Мама, – прошипела Клава.

– Что мама?! Говорила я тебе ничего у тебя не получится, никогда ты не станешь литератором, так и останешься старухой ненужной на попечении у мамки своей. А как я умру, так и ты сразу с голоду подохнешь!

– Ма... – сказала Клава, чувствуя, как прыснули слезы.

– Что ма? Я тебя и на работу пристроила, и мужика тебе нашла, и деньгами обеспечила, а ты?! Что сделала ты?! Унизила меня, осрамила, сказала, что хочешь все сама! И вот, когда у тебя не вышло, я простила тебя и принимаю обратно, а ты мне так отвечаешь! Ты мне так отвечаешь!

– Ну мамочка...

– Она будет продолжать, будет пробовать еще. Я тебе говорю, ничего у тебя не получится. Никогда ты не станешь литератором!

Голос на проводе затих. Связь прервалась. Клавдия разразилась рыданием. Переживания настолько захлестнули, что

стало безразлично, услышит ли кто ее или нет. Она скрывала распухшее лицо в неженственных грубых руках и беспрерывно плакала, не чувствуя, как стекают слезы и капают на халат. Разрывала безумная жалость к себе. Она пыталась воскресить, вспомнить какой-нибудь отрывок из книжного романа, чтобы отвлечься, но тщетно. Она схватилась за волосы и попробовала выдернуть клочок волос. С криком от боли она посмотрела на копну блекло-рыжих волос в руке, вско-чила с места и вышла в коридор.

Жажда доставить кому-нибудь страдание душила Клаву. Неважно, какая жертва попадется, но хотелось отыгратсья на слабеньких. Она зашла в младшую группу, опрокинула на пол корзину с поношенными игрушками и с истерикой закричала на детей, указывая на устроенный беспорядок. Она хватала за шкурку попадавшихся под руку детей и швыряла их по сторонам, продолжая визгливо драть глотку. Шум привлек внимание детей других групп. На потасовку сбегались и подростки.

– Не трогай их! – сказала Аня.

– Убирайся к черту! – ответила Клава.

Аня вскипела от грубости, рванулась навстречу обидчице и толкнула ее в живот. Клавдия чуть не шлепнулась на пол. Она схватила юную защитницу одной рукой за ворот, а другой наносила удары ладонью по лицу. С каждым ударом Клава сквозь зубы цедила: «Никогда! Никогда! Никогда!»

Когда синяки на лице отошли, а царапины от ногтей затянулись, Аня смотрела из окна второго этажа, как распухшую от частых истерик Клаву уводили под руку из детского приюта №58. Никто не жалел. Никто не интересовался, что с ней случилось и что послужило поводом для нервного срыва и увольнения, ни дети, ни сотрудники.

– Зачем ты это сделала? – спросил Аркаша.

– Она убивала, – сказала Аня.

– Кого убивала? Тебя что ли?

– Ты все равно не поймешь, – Аня сомкнула руки на груди. – Не кого, а что. Она убивала мечты.

– Когда это ты стала такой умной?

– Уж поумнее некоторых!

Аня спрыгнула с подоконника и взяла подмышку книгу, которую стащила из кабинета Клавы. Она выходила из комнаты и ощущала теплый взгляд на себе. Это он, «тупица», как она называла его про себя. Он, как младший брат, которому нужно все разъяснять, когда он не понимал, жалеть – когда ударится, или наказывать – когда провинится. Хотя он и старше Ани.

Аня бежала по коридору и плавно прыгала с прямыми ногами, прямиком в библиотеку.

– Я книжку принесла, – сказала она, – вот, возьмите.

– Книжку? – сказала пожилая женщина в очках с толстыми линзами, – а где ты ее взяла?

– Нашла.

– Нашла, значит. Ну хорошо. Положи туда на полку.

Аня отыскивала свободное место в рядах книг и втиснула туда. Эти запыленные письма не вызывали любопытство. Казалось, есть занятия поинтересней, нежели чтение. Зачем придумывать какой-то мир, если вокруг столько неизведанного, столько необъяснимого, завораживающего и манящего? Девочка скользнула взглядом по корешкам книг и собралась уйти, как внимание привлек яркий переплет маленькой книжечки. Она достала ее и прочитала заглавие: «ДОБЕЙСЯ ВСЕГО САМ». Она открыла книгу и прищурилась: форзац исписан мелким почерком. Текст не разобрать, лишь отдельные слова и фразы: «изменило мою жизнь», «стал тем», «счастье», «не сдаваться», «вплотную к мечте». Аня исподлобья взглянула на старую женщину, которая копошилась в бумажках, засунула книгу под растянутую кофту и убежала.

Аркаша посмотрел в зеркало, почесал раздражение на щеке и пошел искать. Когда Ани нет поблизости, возникала зудящая тревога. Он по-детски привязался к ней. Аркаша тихо шагал по коридору и осторожно заглядывал за каждый поворот. Хотя он и желал находиться с ней рядом, но боялся столкнуться лицом к лицу и тем более остаться наедине. Он аккуратно открывал дверь в группу, окидывал всех взглядом и, если не находил ее, продолжал искать. Наконец он увидел

Аню на лестнице. Она сидела на ступеньках и читала книгу.

– Ты что? не понимаешь? – восторженно говорила Аня, – я стану танцовщицей!

– А ты умеешь танцевать? – сказал Аркаша.

– Да что ты знаешь обо мне, туп... – оборвала себя Аня, – если я решила, значит так и будет!

– У тебя нет образования, а со справкой детдома не поступишь.

– Это все неважно.

– И денег у тебя нет, а если устроишься на работу, то и времени не будет.

– Да это все неважно! Эти трудности ничего не значат.

Аня так порывисто говорила, что ее коротко остриженные волосы подпрыгивали и развевались, точно на ветру. Ее слова захлестывали и смывали унылые и серые тона приюта, за которыми таилась радужная мечта. В черных глазах искрилось воодушевление. Она не могла усидеть на месте, ею двигала жажда действовать. Аня хватала Аркашу за плечи и трясла, словно хотела выбить неправильный взгляд на жизнь. Хотела, чтобы он проникся этой силой, этим жизнеутверждающим настроем.

– А что тогда важно? – спросил Аркаша.

– Важно верить в себя! Верить в мечту.

– Нет, в жизни так не бывает.

– Много ты знаешь о жизни-то?

Аня бросила книгу и убежала. Потянуло в комнату в конце корпуса, которая пустовала. Она скрывалась от посторонних и тесноты, чтобы насладиться одиночеством и потанцевать. Нет чуждого интерната, нет тяжелого детства, нет прошлого, где остался лишь образ женского лица и чувство беззаботности, нет будущего, где только угнетающая неизвестность. Девочка забежала в комнату, закрыла глаза, мысленно включила музыку и окунулась в грезы. Гул в концертном зале затихает, люди перестают шептаться и поглядывают на сцену. Ансамбль заиграл вступление, занавес поднялся. Она выходит с сольным выступлением, рывком вздымает руки, плавно опускает и свершает множественные пируэты. Зал охвачен волшебством искусства. В минуту кульминации сердце зрителей замирает, а трагическое заключение сопровождается взрывной инструментальный аккорд. Занавес опускается под оглушительные рукоплескания. У женщин безмолвно стекают слезы по щекам. «Браво!» – кричат мужчины. Зрители повставали с мест и требуют вернуть на сцену ее, исполнительницу танца. И вот долгожданная минута увековечения в зале славы. Ее одаривают цветами. Она не смыкает красных губ, улыбается жемчужными зубами и кланяется.

– Аня! Ты где? – послышался голос извне, – тебя директор зовет.

Музыка перестала звучать, ликующие овации испарились.

Аня вернулась обратно, в приют.

Аня робко приоткрыла лакированную дверь кабинета, которая выделялась среди закоптелых стен. Никогда прежде она не была здесь. Каждый, кто проходил через этот кабинет, выходил либо радостный, либо несчастный. Это настораживало. Девочка осмотрела обстановку, представился директор: человек солидный и строгий. В комнате возвышались ансамбли сияющих шкафов, набитые книгами в жестких переплетах, рядом стоял огромный деревянный глобус, а стены увешаны пестрыми грамотами.

– Аня? Заходи, не бойся, – сказал старенький мужчина в затертом пиджаке с седой головой и жидкими усами.

Он сидел за письменным дубовым столом с резными рисунками. Его вид не вписывался в роскошное окружение кабинета, поэтому Аня замешкалась. Может это не директор?

– Проходи, садись, – сказал он, – не стесняйся, не съем я тебя.

Девочка запрыгнула на стул и сложила руки на коленях.

– Видишь ли, – сказал он, принимая серьезный вид, – надо поговорить о твоём будущем. Я понимаю, кажется, что до этого так далеко. Но не успеешь и глазом моргнуть, как тебе исполнится восемнадцать и придется покинуть наш дом.

Аня смущенно слушала и не прерывала. Временами хотелось что-то сказать, но, когда слова хотели сорваться с губ,

она впивалась ногтями в ладони.

– Не переживай, – сказал директор, – я просто хочу поговорить. Понять, чего ты хочешь, и направить тебя. Кем ты хочешь стать?

– Я хочу стать... танцовщицей!

Директор сощурил впалые глаза и усмехнулся. Но только увидел сердитую гримасу девочки, стянул улыбку и сказал:

– Господи, чего только не выдумают. Карьера в хореографии начинается с самого детства. Надо заниматься всю школу, а потом учиться в университете, а после выпуска не каждый пробьется на это поприще. Не сердись на меня. Я ведь о тебе думаю. Послушай, уже через два года ты сможешь работать на полставки. Пристроим тебя, куда скажешь. Можно к нам либо няней, либо поваром. Можно на швейную фабрику. Можно... Аня, куда ты!

Девочка выбежала, оставив распахнутую дверь. Она переполнялась жгучей злобой. Хотелось выплеснуть это чувство, навредить кому-нибудь или себе самой. Аня забежала обратно в отдаленную комнату, пала ничком и яростно замолотила кулаками по холодному полу. Нарастающая боль в пальцах плавно остужала пыл.

В комнату зашел Аркаша и сел рядом с ней. Она крикнула: «Убирайся!» Но он не сдвинулся. Аня шмыгнула носом и заплакала.

– Аня пропала! – дрожащим голосом сказала молоденькая няня, которая недавно заменила Клавдию.

– Беги к директору, – сказала заведующая, – я позвоню в полицию.

Мысли девочки путались. Когда интернат скрылся за густыми деревьями и бревенчатыми домами, она решила, что никогда по своей воле не вернется обратно. Теперь она идет навстречу мечте.

На железнодорожной станции Аня села в пригородную электричку. В пути не раз приходилось ухищряться и уходить из-под надзора контролеров. Она доехала до конечной и вышла на оживленном городском вокзале. Её подталкивало манящее чувство непредсказуемости. Девочка влилась в течение и предоставила вести себя толпе.

В сладком одиночестве Аня проходила по центральному проспекту и впитывала глазами окружение. Она любовалась на рекламные вывески, на тесные магазинчики вдоль дороги, на непрерывный поток автомобилей и на озабоченные лица прохожих. Аня замерла. Перед ней пестрела афиша: «Балетное Шоу! Премьера!» Подхватил восторг. Окрыленная она мнила, что это судьба. Провидение. Это уготовано свыше. Это то, чего она хотела и к чему стремилась. «Одним глазком увидеть, лишь одним глазком...» – думала она. Но как

туда попасть и где вообще выступление? Но это мелочи!

Аня вычитала адрес и без стеснения расспросила у прохожих, как туда добраться. И ей доходчиво объяснили. Удобнее всего на метро. На вопрос: «Можно ли дойти пешком?» – ей ответили, что можно, но будет долго. Что же делать? Денег на жетон нет. Ничего не придумав, Аня пошла к входу в метро с надеждой, что решение придет спонтанно.

Она топталась у турникетов и набиралась смелости, чтобы выклянчить у какой-нибудь незнакомой женщины мелочь на жетон. Аня боялась, что ее сдадут в полицию. От мысли, что придется вернуться в приют, пробежала дрожь. Тут она увидела, как подростки постарше перешептываются и суетливо поглядывают на сотрудника метрополитена. Когда он ушел на пост, молодняк кучей ринулся к турникету и разом перескочил. Никто не заметил, только Аня вспыхнула. Позже она вспоминала об этом и укоряла себя за бестолковость.

Сделав пару глубоких вдохов, Аня уличила подходящую минуту и рванула. Она подбежала и поняла, что не обязательно перепрыгивать: можно подлезть снизу. В сумятице она неуклюже и грохоча перепрыгнула железную балку турникета, чуть не упала и галопом побежала по ступеням эскалатора. Девочка убедилась, что за ней не гонятся, и оголтело засмеялась.

Добраться до нужной станции оказалось нетрудно. Вопреки ожиданиям на улице у входа в концертный зал никто не толпился. Видимо, уже началось. Аня побежала внутрь

и мысленно отмахивалась от вопроса: «Как туда попасть?» Она залетела в холл, увидела кассовую будку и смутилась: никого кроме нее здесь нет. С зала заиграла музыка. Она заволновалась и не знала куда деться. Может, с улицы проникнуть легче? Найти окно и пролезть.

Не глядя, куда бегут ноги, девочка выбежала и воткнулась в служителя правопорядка. И он, и его напарник ничего бы не подумали, не поведи себя Аня так глупо. Она закричала и в испуге бросилась наутек в арку дома, где уперлась в тупик. В полицию поступило сообщение о беглом ребенке с приюта. Полицейские задавали самые простые вопросы: как ее зовут, где она живет, почему закричала, – но девочка перепугалась и не выдержала. Призналась, что она та самая Аня Бумажкина.

Сотрудники отделения составили протокол и не задерживали девочку: отвезли обратно в приют. Зареванная Аня машинально выполняла все, что ей твердили. Полное безразличие к окружающему миру читалось в ее глазах, виделось в каждом движении. Она зашла к себе в группу, с ненавистью посмотрела на Аркашу и сквозь зубы процедила: «Предатель!»

Приютские дети не хотели взрослеть. Когда пройдет рубеж совершеннолетия, придется войти в пугающий мир, возложить ответственность за себя на неокрепшие плечи. Обычно выхода два. Одни дрейфовали в городской суете, а затем захлебывались и тонули в алкоголизме и наркомании, тушили судьбы, как окурки в плевательницу. Другие мирились с участью бесконечной кабалы трудовых будней и выходных, которые проводили в десяти квадратах с телевизором.

Он знал, что эту возможность нельзя упускать. Свое будущее Аркаша оценивал как худшее в сравнении с будущим других ребят. И когда директор предложил вакантное место в приюте, он согласился не раздумывая. Работа подмастерьем слесаря с перспективой на полноценную занятость с хорошим окладом и льготами.

Аркаша совершал ежедневный обход помещений в интернате. Со стремянкой в руках он высматривал перегоревшие лампочки, течь крыши и разбитые стекла, как почувствовал теплое прикосновение руки.

– Ты сделаешь это для меня? – сказала Аня, – без твоей помощи мне никуда.

Засунув руку во внутренний карман рабочей куртки, Аркаша вытащил небольшой сверток в целлофановом пакете.

Девочка с жадностью посмотрела на пакет и аккуратно вытянула его из рук Аркаши. Аня развернулась и хотела было убежать, но прильнула к нему и оставила мокрый след поцелуя на шершавой щеке.

В руках Ани лежал билет в мечту. Теперь она все тщательно спланирует и не допустит оплошностей. Теперь она старше и смелее. «Теперь все будет иначе», – мечтала она, держа в руках паспорт.

В темноте ночи Аня взглянула на ненавистные корпуса детского дома и презрительно плюнула в их сторону. Она поклялась, что лучше наложит на себя руки, чем вернется в эту богадельню. Но мысли о смерти не посещали, напротив, девочка рвалась увлеченно жить. Мысль о смирении отвратительна. Она не позволяла себе отступить от надежд, от мечты. Обстоятельства показывали: придется ждать своего часа, но не было и толики сомнения в его наступлении. Твердости ее веры мог бы позавидовать любой духовный наставник. Все трудности и невзгоды она проглатывала вместе с желчью укоров и двигалась дальше.

В холодную осеннюю ночь не хотелось гулять по городу и любоваться живописными набережными. Хотелось скорее дожидаться утра и разрешить вопросы с жильем и работой. По слухам Аня узнала о заведении, в котором могут пристроить бездомного: дадут нетрудную работу и выделят койку. Она пренебрежительно отмахнулась, когда впервые услышала об этом. И вправду, с чего такое благородство? Только если за-

ставят продавать свое тело, но рассказывали обратное. Делать нечего, оставалось разузнать самой. Ведь всегда можно сбежать, если что-то пойдет не так.

Укрываясь от ледящего ветра, девочка забежала в парадную монолитной многоэтажки. Она поднялась на последний этаж, залезла на подоконник в лестничном пролете, прижалась к еле теплой батарее и мерно задремала. В последнее время сны редко ее посещали. Сейчас же она заснула с щекотливым волнением и увидела в размытых красках сцену, зрительный зал, много людей, которые с жаром раскупают билеты на входе и с нетерпением ждут появления звезды, ее появление.

Аня проснулась с первыми лучами, которые прорезали стекло и слепили полузакрытые глаза. Голова затуманена, а на устах улыбка. Так блаженно провести ночь вдали от угнетающей обстановки детдома, хоть и на лестничном пролете. Она достала из саквояжа бутылочку воды, смочила ватный тампон и протерла лицо. Достала косметичку и разложила на подоконнике украденные у воспитателей огрызки косметики. Надо привести себя в порядок, чтобы показаться в полной красе будущему работодателю.

На улице вместе с морозным утренним воздухом Аня вдохнула влечение к жизни. До заведения идти прилично, деньги на проезд были. Но девочка предпочла прогулку по закуткам города, нежели будничную тесноту метрополитена. Она медленно шагала по проспектам, изредка сворачивала в переулки и рассматривала затейливые композиции архитектурных виртуозов, которые сотворили неповторимый город Санкт-Петербург.

Она дошла до нужной улицы, названной в честь именитого композитора, дошла и до нужного дома с номером «13». У входа висела вывеска: «Караоке-бар ПойДзен. Работаем с 12:00 до 06:00». Стрелки наручных часов показывали без четверти девять.

С той стороны улицы доносился приятный запах завар-

ного кофе и свежей ванильной выпечки. Аня сглотнула набежавшую слюну и подошла к распахнутому окошечку придорожной кофейни. Подсчитала, во сколько обойдется удовольствие легкого завтрака, вздохнула и отошла, чтобы не травить себе душу.

– Дочка, – сказал мужчина за прилавком, – возьми, я вижу, ты голодная.

Аня робко постояла в сторонке, не понимая, как отреагировать. Убежать? Как-то глупо. Стесненными движениями она приняла из рук незнакомца теплую булочку, завернутую трубочкой, и стаканчик с чаем, который клубился паром и пах малиной.

– Спасибо, – потупив взгляд, сказала она, – большое спасибо!

Аня перешла дорогу обратно, уселась на скамейку рядом с заведением, на которое возложены все надежды, и принялась растягивать удовольствие от еды. Ждать еще долго. Девочка увлеклась фантазией, так и время пролетело незаметно.

Немолодая женщина заскочила на ступеньки входа в бар и суетливо открыла входную дверь. У Ани заколотилось сердце. Уверенность в успешном собеседовании вдруг выветрилась. Перед глазами всплывали жуткие картинки, как ей откажут и придется бродяжничать по улицам, попрошайничать и воровать, в конечном счете угодит в полицию, откуда ее вышлют не в приют, а в колонию для малолетних. Аня встала со скамейки – ноги задрожали. Сделав шаг, она пошатнулась

и чуть не свалилась. «Возьми себя в руки, черт тебя дери!» – ругалась Аня. Она сделала пару глубоких вдохов, сжала руки в кулак и зашла.

Прозвенел колокольчик, подвешенный над входной дверью. Перед взором растянулась барная стойка, а за ней возвышались стеллажи, полки которого уставлены бутылками с цветными этикетками. Посреди зала сколочены подмости, вокруг которых черные стулья, расставленные амфитеатром. Женщина ходила и поправляла мебель. Она обернулась на звон и сказала:

– Мы еще закрыты, открываемся в двенадцать.

– Здравствуйте, – тихо сказала Аня, – я по поводу работы.

– Что? Работаем с двенадцати, говорю!

– Я пришла по поводу работы! – чуть не крикнула Аня, – мне бы очень хотелось у вас работать.

– Так чего ты сразу не сказала! Сколько тебе?

– Чего сколько мне?

– Лет тебе сколько?

– А, мне... – и тут Аня запнулась.

Соврать? Сказать, будто восемнадцать. Ане говорили, что она выглядит старше. Но попросят паспорт, а его обязательно попросят, и ложь мгновенно раскроется. Девочка сказала:

– Мне четырнадцать, но через месяц будет пятнадцать!

– О нет, нет, дорогая, – замахала руками женщина, – столько проблем с тобой будет! Нет.

Аня побледнела. Внутри что-то оборвалось. Из глаз брыз-

нули слезы. Она кинулась к ногам женщины, обхватила их, зарылась в них лицом и умоляла сжалиться над ней.

– Ох, ну что прикажешь с тобой делать! – сказала женщина, – жилье-то есть у тебя?

Не поднимая взора, девочка помотала головой.

– Ох, за какие грехи вы мне на голову! Ладно, пойдем наверх, покажу тебе комнату. Полчаса тебе на все про все, а потом спускайся убирать зал.

– Спасибо вам! – Аня схватила большие руки женщины и судорожно поцеловала их.

Никогда еще Аня так не уставала. Целый день она металась по залу на неудобных туфлях с каблуком и в туго затянутом вокруг пояса фартуке. Она представляла, как первый заработок потратит на пару удобной обуви. За окном смеркалось, и это придавало сил, словно перед последним рывком. Еще чуть-чуть и на отдых! Спросить, когда наконец закончится рабочий день, Аня постеснялась и решила терпеть до конца, пока хозяйка не объявит об этом.

Стрелка часов перевалила за полночь. Аня заклевала носом. Сон одолевает. Девочка собралась с духом и спросила, когда можно пойти отдыхать. И чуть не свалилась, когда услышала, что придется работать всю ночь до закрытия. В глазах помутилось, а во рту появилось неприятное послевкусие. Бедняжка пропустила и обед, и ужин, рассчитывая наесться после смены.

– Деточка, отнеси это туда, – сказала Клара Витальевна и показала рукой, волнуя пышное черное платье, – тому банкетному столику.

Трясущимися руками Аня взяла заставленный выпивкой поднос. Медленными шажками девочка несла и не отрывала глаз от нагромождения рюмок и стаканов. Клара Витальевна, хозяйка заведения, не чуралась прислуживать наравне с персоналом. Она часто выходила в зал, если набегало мно-

го гостей. Сюда заходили в основном постояльцы. Гостей узнавали, а хозяйка обращалась к ним по именам. Случайные прохожие редко заглядывали. Клара Витальевна стояла за баром и небрежно разливала крепкий алкоголь, а девочки металась по залу, как раздался сдавленный детский крик, а следом шквал звенящего стекла, которое брызгами разлеталось по полу.

Лицо Ани почернело, а волосы на руках распушились. «Это конец», – шептала она себе под нос, пока волочила ноги обратно к барной стойке. Девочка избегала взгляда хозяйки и виновато всхлипывала носом.

– Ну что, дорогуша, – сказала Клара Витальевна, – теперь ты точно будешь у нас работать.

Девочка подняла голову и увидела сочувственный взгляд хозяйки. Увидела снисхождение. Аня улыбнулась в ответ, утерла слезы и принялась разносить заказы по столикам. Радость затеплилась на душе. Так приятно сознавать, что ее не оставят на произвол судьбы, что о ней позаботятся добрые люди.

Оживление гостей потихоньку угасало. Сцена с микрофоном все чаще пустовала. За несколько часов до закрытия хозяйка разрешила Ане заходить за барную стойку и сидеть на стуле в перерывах между заказами. Девочка упала на жесткий табурет и не чувствовала ног, они словно онемели. Аня растирала голень в надежде, что это поможет. Когда столиков не осталось, она захотела стащить с себя каблуки, что-

бы помассировать стопу. Но только сняла туфлю, как в ноге стрельнула невыносимая боль. Аня решила дотерпеть.

– Ну как, деточка? – сказала Клара Витальевна, – не трудно работать? Справишься?

О, Аня так хотела поплакаться об этом тяжком дне. Жалоба так и хотела сорваться с губ. Но и это испытание нужно преодолеть на пути к счастью. Аня постаралась убедить себя, что день не так и ужасен. Подольше поработает и свыкнется. Пока непривычно.

– Нет, Клара Витальевна, – ответила Аня, – нетрудно. И мне так нравится у вас! Большое спасибо, что приютили.

– Вот и хорошо, – сказала хозяйка, – ты напоминаешь меня в молодости. Этот огонек в глазах. Он горел и у меня в юности, когда я жила одной только мечтой. Меня влекла страсть, и я голодная, босая, никого не слушала, отправилась покорять мир.

– И что было дальше?

– А дальше я спустилась на землю. Я воображала, что я первоклассная певица. Но жизнь заставила пересмотреть взгляды. Нужно что-то есть и где-то жить. Денег нет, знакомых нет, а мой талант усердно не признавали. В конце концов я стала здесь хозяйкой. Здесь каждый желающий может окунуться в сказку, в мир вокала. Приблизиться к мечте, но теперь уже без меня. Ну а ты, деточка, ведь не гредишь ничем таким?

Аня смутилась. Не хотелось расстраивать хозяйку своими

надеждами, но и врать не хотелось.

– Я хочу стать танцовщицей, – сказала девочка.

– Ох, дитя мое несчастное! Как же мне тебя... Ох, знаешь, голова моя вся протестует. Воскликает, что ничего не получится, что стать танцовщицей в таком положении невероятно. Но сердце говорит обратное. Для человека с высокой мечтой и стремлением нет ничего невозможного. Поэтому дерзай и борись до последнего!

Шесть утра – зал пуст. Радостная Аня кинулась с объятиями и прижалась к хозяйке, но тут же в смущении отпрянула. Она легонько поклонилась и убежала к себе. Наверху она медленно стянула одежду. Тело изнывало от усталости, а голова рисовала прекрасные картинки, как она заработает достаточно денег и снимет отдельное жилье. Как будет ходить на пробы и ее возьмут в труппу, как поедет в гастроль по России и даже за границу!

Тягостные годы Аня работала у Клары Витальевны в заведении, которое стало родным. Когда бар закрывался, она падала в теплую кровать и грезила мечтами. Ей чудилось, что все вот-вот сбудется, что счастье ждет за углом, осталось только дойти и схватить его обеими руками. Аня постоянно танцевала. Одевалась на работу и танцевала. Готовила зал к открытию, протирала столики, расставляла мебель и танцевала. Разносила заказы, забирала грязную посуду и танцевала. Уставшая девочка валилась с ног после интенсивных выходов с бесконечным наплывом гостей и пьяными песнями в микрофон, и она закрывала бар, выходила на сцену и танцевала.

Этот день отличался. Обнаженная Аня вертелась перед зеркалом и рассматривала себя со всех сторон. Молодой стан с плавными изгибами, видными округлостями и особенными ямочками привлекал. А чистое лицо дышало пылкостью. Черные волосы отросли до лопаток, она – темпераментная брюнетка. Сегодня ей восемнадцать. Она стала девушкой.

– Аня! – звучал голос молодой официантки снизу, – к тебе пришли!

Она надела платье, накинула легкий шарф, грациозно сбежала по ступенькам и увидела его. Небрежно подстриженный и наскоро выбритый: местами на щеках проглядыва-

валась щетина. Он неуклюже переминался посреди зала. Его широкие плечи туго стягивали осеннее пальто, из-под которого смешно торчали худые ноги. В руках он держал букет алых роз и коробку шоколадных конфет и все хотел куда-то примостить, но не знал куда.

– Здравствуй, Аркаша, – сказала Аня, – зачем пришел?

Вместо ответа он протянул букет и попытался улыбнуться, но вышло натянуто. Скованность выдавало волнение, которое, казалось, без очевидного повода. Аня не отработала и месяца, как Аркаша тайком наведывался и украдкой наблюдал за ней. Но за все время не обмолвился и словом. Даже не здоровался, будто приходил совсем не к ней.

– С днем рождения, – скороговоркой сказал он.

– Спасибо, Аркаш. Очень приятно, – ответила она и подумала: «Что за тупица!»

Они молча постояли. Аня тяжело вздохнула.

– Ладно, – сказала она, – мне работать надо.

– Я хотел тебе сказать, – выпалил Аркаша, будто наконец решился, – хотел сказать, что мне дали субсидию на квартиру, и теперь я живу один и, может, ну, это... – он запнулся и замямлил.

– Что?

– Может, ты не против переехать ко мне и... жить вместе, в отдельной квартире, а не на работе.

– Жить вместе, с тобой? – ехидно сказала Аня, – может, тогда сразу поженимся?

Он опустил голову, будто постыдился словам, но тут же выпрямился и посмотрел ясными голубыми глазами в ее карие, лукавые. Он чуть не пал перед ней на колени, лишь бы она сделала его счастливым. Лишь бы согласилась стать супругой. Аня разглядела растерянный порыв, по-дружески взяла за предплечье, прижалась грудью и шепнула: «Я подумаю».

Аркаша постоял в безмолвие секунду, развернулся и опрометью удалился под хихиканье девочек.

Приходилось отпрашиваться у Клары Витальевны на пробы, ведь Аня взяла за правило, хотя бы раз в неделю ездить в дом хореографии и стараться получить место в труппе. Задавали единственный вопрос, а она хотела раскрыть себя с иной стороны, но тщетно. Спрашивали: «Какое у вас образование?» И Аня с замиранием сердца отвечала, что у нее нет даже школьного аттестата, но в саду с ней занимались. После этого беседу прерывали. Когда же доходили до ее возраста, она искушала себя приврать, что ей четырнадцать-пятнадцать. Такая внешность в этом возрасте хоть как-то могла перекрыть неопытность. Так казалось. Но только ложь раскроется, рухнет и карьера. Аня с иронией припомнила, что не так давно эти же четыре года хотела прибавить к возрасту, а сейчас с радостью избавилась бы от них. Ирония возраста и только.

По возвращению в бар первое, что она встречает, – глаза коллег полные надежд. Как только Аня зашла, Клара Витальевна скользнула по ее лицу и вздохнула. Бедняжка, снова неудача. Остальные с нетерпением ждали, когда Аня сама все расскажет. Выслушав, девочки-официантки сочувственно утешали Аню.

– Ничего, – говорила она, – в следующий раз повезет.

– Деточка, – говорила хозяйка, – тебе надо чаще этим за-

ниматься, если ты хочешь чего-то добиться.

Клара Витальевна как всегда права: с таким продвижением не проявишь себя. Чем больше появляешься на пробах, тем скорее заметят способности.

Аня снова решила сменить жизнь. Она поднялась к себе и принялась собираться. Не верилось, что любимая Аня покидает заведение. Она настолько породнилась с персоналом, что сама хозяйка принимала ее за свою дочь. Волнующие напутствия слушала Аня, перед тем как попрощаться с любимыми, с семьей.

– Тебе всегда здесь рады! – сказала хозяйка, – не забывай нас.

Крепкие объятия сопровождались мокрыми щеками от слез, словами одобрения, лучезарным смехом и твердой верой, что теперь у Ани все получится.

Аня переступила порог заведения и выскочила на светлую улицу. Хотелось жить как никогда! Она ясно сознавала, что не заставит себя отступить и вернуться обратно, работать в бар, хоть и сожалела об уходе. Но жизнь не стоит на месте, она всегда движется вперед. Либо поспеваешь и летишь вместе с ней. Либо остаешься в стороне, чахнешь и довольствуешься меньшим из малого.

Предстояло совершить еще один рывок. Сложнее и душевно тяжелее, чем уход из заведения. Вернуться в прошлое и заглянуть в глаза страху. Аня отправилась в родной поселок навстречу с призраками детства.

Еще издали показался интернат для сирот, как Аня покорибилась и вовсе перехотела идти туда. Но отказываться от планов было против убеждений. Она зареклась никогда не сворачивать с намеченного пути. Аня зашла внутрь и замерла в недоумении. «Может, я перепутала?», – думала она, осматривая светлые, чистые стены коридора, новенькие двери в группы, ухоженный и расписной зал. В изумлении она услышала нечто, что никогда здесь не слышала. Детский смех.

Раззадоренный Аркаша вышел из группы с железными банками в руках. Он увидел Аню, остолбенел и выронил все из рук. Эхом раздался металлический грохот – яркая краска брызнула из банок. Цвета стекали, перемешивались и разрисовывали пол в чудные узоры. Аня не удержалась и захохотала. Вот неуклюжий! Аркаша пуще оробел.

– Я к тебе, – сказала Аня, – ты ведь не передумал?

О нет, разве он мог? День ото дня Аркаша порывался приехать и уговаривать ее, молить о согласии, но слишком боялся отказа, чтобы решиться.

Аркаша захотел броситься с объятиями, но мысль, что это отпугнет, отпугнула его самого. Он молча стоял в луже краски.

– Да не бойся ты, – сказала Аня, – где ты живешь?

Запинаясь, Аркаша объяснил, как добраться до квартиры. Он передал ключи от входной двери и с ужасом представил, как Аня зайдет и увидит его неряшливость. Увидит немытую с прошлого вечера посуду, засаленную раковину в ванной, грязный ковер в прихожей, не стиранные носки под кроватью и прочее... Но как же он мало знал о девушках. А тем более о той единственной, с которой еще в юности решил поделить жизнь.

Аня села в полупустой автобус, проехала мимо железнодорожной станции, рыночной площади, магазинов и аптек. Она уходила все дальше в закутки поселка, где находилось будущее жилье и само будущее. Чей-то пристальный взгляд обжигал – в нее тревожно вглядывалась непримечательная женщина за пятьдесят. Несмотря на навязчивость взора, где-то глубоко внутри Аня ощущала: ей не навредят. Женщина подошла поближе и неуверенно сказала:

– Аня? это ведь ты?

– Да, а вы кто?

– Я Настасья Валерьевна. Твой воспитатель в детском саду.

Аня всмотрелась в изборожденное морщинами лицо. В памяти девушки проглядывалось нечто похожее. Что-то связанное с материнской улыбкой, хотя внешность матери она не помнила. Поначалу Аня хотела осыпать воспитателя наболевшими вопросами, но как задумалась, оказалось спросить особо не о чем. Аня согласилась зайти в гости и тут же

поехала домой к старому воспитателю.

Они сидели на кухне, распивали теплый чай из маленьких кружечек и прикусывали печеньем. Изредка поглядывали друг на друга и улыбались. Беседа не вязалась. Настасья Валерьевна включила радиоприемник, и сквозь шипение и помехи доносилась приятная мелодия симфонического оркестра. Ее квартирка напоминала пристанище одинокой бабушки, где пылились старые комоды с книгами, где всюду разбросана пряжа, а в углу на кресле спит толстый кот в полоску. Она по-прежнему работала в том же детском саду, в той же группе и тем же чудным и добродушным воспитателем.

– Она недавно умерла, – прервав молчание, сказала Настасья Валерьевна, – твоя мама. Мы собрали немножко денег, купили надгробие и похоронили на сельском кладбище. Съезди туда, помяни маму.

В те дни, когда солнце сияло все меньше, а мрак ночи захватывал больше суточного времени, когда окружение окрашивалось в серые тона, Аня вышла из квартиры с намерением выполнить обязанность. Надо что-то купить, ведь так принято, но денег и на себя не хватало, а ей-то гостинцы за-чем? Как помнилось, матери все было безразлично, а теперь и подавно. Аня хлопнула стеклянной дверью цветочного бутика и с горечью отдала деньги.

Аня села в автобус и прикидывала, сколько займет ритуал, чтобы успеть на вечерние пробы. Теперь, когда она жила с Аркашей, свободное время проводила в доме хореографии. Жили небогато. Временами ели скудный куриный бульон, из которого Аня вылавливала куриные ножки, поджаривала на сковороде и подавала на второе с макаронами.

В окне автобуса мелькали затуманенные улицы поселка, которые съедали хлопья валившего снега. Аня плохо представляла, как бы поступила, что бы сказала, окажись мать жива. Мысли девушки блуждали. Она пыталась понять, какие чувства сохранились, и немного разобралась, но с каждым шагом все меньше хотелось пробираться глубже в воспоминания. «Пусто. Как же пусто внутри при слове мама!» — думала Аня.

Городской пейзаж скрылся. Автобус проходил по загадоч-

ной лесной чаще, где временами вдоль дороги появлялись одиноко стоящие будки. На одной из таких Аня сошла и направилась по узкой тропинке вглубь леса. Она дошла до широкой поляны, огражденной высоким вороненым забором, из щелей которого виднелись величавые монументы, обыкновенные христианские кресты и побеленная часовня. За оградой она справилась у могильщика о похороненной женщине с фамилией «Бумажкина». Старый и седой мужик в засаленном пуховике указал сторону и спросил денег на водку.

Аня отыскала место и всмотрелась в нищенский деревянный крест, воткнутый в кучку земли. Нет ни ограды, ни скамейки. Девушка кинула две красные гвоздики на место захоронения. Она порывисто дышала и переполнялась злобой. Цветы ярко выделялись с землистой грязью и свежим снегом, будто пятна алой крови. Аня с разбегу пнула могилу и что было духу крикнула: «Ненавижу тебя!» Упала на колени и судорожно разбрасывала руками землю под собой, словно хотела раскопать могилу. Она хотела. Раскопать, раздробить кулаками крышку гроба, схватить тело и плюнуть в эту женщину, мать ее не назовешь.

Аня образумилась, прижала грязные ладони к лицу и жалобно заплакала. Между всхлипами она повторяла: «Ненавижу... ненавижу...»

– Не кори себя, дитя мое, – прозвучал бархатный голос позади, – чем больше испытаний ниспослал человеку Бог, тем больше он его любит. Знай это.

Аня повернула голову и увидела старенького мужчину в черной рясе и в шапке монаха. Лицо его светилось добротой и сочувствием. Густая черная борода скрывала губы и шею, а позолоченный крест на цепи свисал до живота.

– Изволь ко мне в часовню заглянуть, – сказал он, – чайком попотчевать.

Он взял девушку под руку и неторопливо повел. Внутри часовни Аня глубоко вдохнула пропитанный ладаном воздух. Стало легче и спокойнее. Редкое потрескивание свечей раздавалось по залу. Света мало, лишь мерцание огоньков. Кругом стены увешаны святыми ликами. Священник взял руку Ани, сложил пальцы в крестное знамение и плавными движениями касался ее лба, живота, правого и левого плеча.

– Вот так, – сказал он, – благослови тебя Господь.

Священник указал девушке на умывальник и ушел в подсобку. Аня сполоснула руки, обдала лицо холодной водой и почувствовала себя так хорошо, словно вымыла грязь не снаружи, но внутри. Хотелось заботы и внимания. Неважно будет она говорить или с интересом слушать, важно лишь присутствие неравнодушного человека.

Сели за стол. Священник спрашивал, верует ли девушка в Бога или нет, крещеная она или нет. И Аня, хрустя сушками с маком и запивая крепким чаем без сахара, прятала глаза и мотала головой из стороны в сторону. Священник вздохнул и грустно улыбнулся. Он отошел, порыскал в небольшой шкатулке и долго всматривался в находку. Он достал отту-

да же толстую нить, с силой оторвал кусок и продел через предмет. Подошел к девушке и повесил на тоненькую шею серебряный крест с распятием. Аня недоуменно посмотрела на подарок, потом на священника. Она не считала себя религиозной, да и в Бога особо не верила. Но это духовное откровение пробудило нечто новое, ранее неведомую сторону жизни.

– Спасибо вам, – сказала Аня, – вы мне очень помогли.

– Дай Бог тебе, – сказал священник и перекрестил ее, бормоча под нос, – ... во имя святого отца и сына и святого духа. Подойди к Христу, нашему спасителю, пади ничком да помолись, а ежели чего в потребности, так попроси да не стыдись.

Растеряно Аня подошла к иконостасу, где пристальным взглядом взирал спаситель. Никогда она не молилась и не знала ни одной молитвы, но исполнила наказание священника. Девушка опустилась на колени, прижала лоб к холодному ковру и растянула руки перед собой. «Что же сказать?», – подумала она, но вопрос сразу вылетел из головы, в уши ударила тишина. Все вокруг исчезло, осталась только она и ее горе. И вдруг Аня ощутила, как внутренняя чернь образовалась в пустоту, и пустота эта наполнилась природным золотым свечением. «Я увидела! – восклицала она про себя, – спасибо тебе, Боже! Мне же только! Дай только шанс».

– Послушайте, эм... как вас еще раз зовут? – говорил постановщик.

– Анна.

– Да, Анна, вы ведь понимаете, что без опыта и без всякого образования трудно что-то предложить.

– Я готова выкладываться по полной, готова сутками репетировать, каждый день. Без выходных. Испытайте меня!

– Похвальное рвение, но образование...

– Образование, шмаобразование! Скажите, разве это главное в искусстве? Ваше образование ничего не стоит, если танцор не способен чувствовать, переживать, с корнями уйти в образ героя и донести тонкости страдания, радости, злобы и величия до зрителя! – Аня захлебывалась в словах.

Постановщик вжался в кресло. Он захлопал глазами, снял очки на тонкой оправе и стал протирать линзы, будто их оплевали.

– Как вы это выразительно, – сказал он. – Мне понравилось.

– Дайте показать, что я умею. Оцените меня!

Аня горячилась и взмахивала руками. Она не могла усидеть на месте, поэтому все время подскакивала со стула, но сразу садилась обратно, стараясь совладать с чувствами. Страсть закипала, настолько хотелось получить заветное

«Да».

Постановщик разглядывал ее и боялся решиться. Любопытно заполучить такую личность в труппу, но надо быть расчетливым и беспристрастным. Он опустил глаза на тонкую белую шею девушки, повел дальше по плечу, перебрался до самых кистей и пристально всмотрелся на грязь под ногтями.

– Что скажете? – сказала Аня.

Постановщик дернулся.

– Хорошо, Ань. Да, я дам вам шанс. Поезжайте домой и... – он показал неопределенный жест, – приведите себя в порядок, а завтра к девяти приходите на пробную репетицию.

Безграничное счастье сияло в глазах девушки. Никогда Аня не подбиралась к мечте так близко. Теперь все будет иначе! Самое трудное пройдено, дело осталось за малым, ведь она крайне талантливый танцор. Нет и капли сомнения: никто не оспорит ее дар, покажи она себя в танце. Годами добиваться славы на поприще – о нет, это не про нее. Ведь невозможно устоять перед совершенным явлением искусства, особенно если исполняет его сама богиня хореографии. А она считала себя таковой, ведь сам всевышний указал на этот путь. Обескураженная она вышла, забыв попрощаться. На улице она взглянула на пористые облака, достала крестик, нежно поцеловала распятие и прошептала: «Спасибо», – и крикнула на всю улицу: «Спасибо тебе!»

Аркаши нет дома. Ане захотелось и его порадовать. Не

лучшая затея отмечать событие, ведь в кошельке молодой пары завелась моль. Но Аня не удержалась и купила шоколадный торт, который он так любит и позволяет себе только раз в год, в день рождения.

Разбудил шум в парадной. Соседские мальчишки бежали на школьные занятия. Среди смеха и топота раздался звонкий треск стекла, детский крик и торопливый спуск по этажам. «Этот день», – говорила она с торжеством. Все лишения, трудности и невзгоды – все, что пришлось пережить, не напрасно. Этот день изменит жизнь навсегда. Этот день станет самым незабываемым. Этот день – воздаяние за боль и страдания.

Аня причесалась, уложила волосы и вертелась в ванной вокруг крошечного зеркала над умывальником, никак не налюбуется собой. «Как же я красива!» – думала она и улыбалась отражению. Она нанесла легкий макияж и вприпрыжку поскакала одеваться, не обращая внимания на изумление Аркаши. Он сидел на кухне и доедал остатки вчерашнего торта. Впервые после долгих лет он видел ее в таком приподнятом настроении. Невольно вспоминались дни в приюте, когда Аня трепетала мечтаниями, химерами о танцах, а он пренебрежительно сомневался. Он искренне не верил в осуществление этого. Но теперь он глядел на эту ангельскую фигуру и понимал, насколько ошибался.

– Пожелай мне удачи, мой милый! – сказала она, выходя в парадную.

– Удачи тебе! Моя милая Аня.

Перед тем как поскользнуться на первой ступеньке и кубарем полететь вниз до конца пролета, Аня заметила лишь осколки стеклянной бутылки. Все, что она припоминала после: встревоженные и бессодержательные слова Аркаши, неудобную лежачую позу на узких носилках и тягучий вой сирены.

Аня приоткрыла глаза, показалось, что она очутилась в приюте. Рассмотрела обстановку получше, оказалась палата больницы. Шевелиться больно, поэтому она бездвижно наблюдала за окружением. Наблюдала, как соседи медленно передвигаются по палате, еле встают с кроватей и шаркают тапочками по полу. Наблюдала, как врач в марлевой повязке обходил палату, останавливался у каждой койки и переговаривался с медсестрой. Врач остановился у кровати девушки, взял в руки рентгеновский снимок и рассмотрел на свету. Ничего не сказав, он удалился. Аня напряглась, подняла голову – увидела толсто замотанную в бинт ногу. Она расслабила шею, повалилась и захныкала.

Пришел Аркаша со связкой ярко-оранжевых мандаринов. Он сел к ней рядом на кровать, взял ее теплую руку и обнял. Его лицо выражало сострадание и сквозило чувством утерянной надежды. Она не смотрела на него, а он боялся встретиться с ней взглядом. Аркаша почему-то думал, что Аня уйдет.

В палату вошел врач, окинул больных взором и напрямик направился к ним.

– Бумажкина Анна? – спросил он.

– Да, – сказал Аркаша, – это мы.

– А вы получается... супруг?

– Я это... – оборвал себя Аркаша. – Нет, я близкий.

Он не понимал, как ответить.

– В общем, не все так плохо, – сказал врач. – На теле только легкие синяки и ссадины, но через недельку-другую пройдет. А вот с ногой посложнее.

Аня подняла голову, впиалась черными глазами во врача и вслушивалась. Аркаша стал тяжело дышать.

– У вас перелом голеностопа и весьма непростой, – продолжал врач, – в том смысле, что сращивание костей, как правило, приводит к деформации... ладно, это все ненужные подробности. После подобной травмы нужно шесть месяцев ограничить физические нагрузки на ногу. Спокойный и размеренный шаг к этому не относится, но никакого бега и вообще спорта. Это надо исключить!

– А что будет? – вяло спросила Аня, – что будет дальше?

– В смысле, в дальнейшем? Легкие нагрузки допустимы, но никакого фанатизма. Раз в неделю вполне можно заниматься легким спортом: зимой лыжи, а летом быстрая ходьба. Но ни в коем случае не каждый день. А что? У вас спортивная карьера?

– Я танцовщица, – с хрипом сказала Аня.

– Вот как. Значит лучше примериться и поменять профессию.

Развеивая полы белого халата, врач вышел. Остался горький осадок.

Монотонный шум больницы тонул в воздухе: кашель, шарканье ног, бормотание бессвязных слов. Но девушка ничего не слышала: в голове застрял вердикт врача. Как на проигрывателе, прокручивались эти слова. Снова и снова Аня вслушивалась в каждый произносимый слог, в каждое слово по отдельности. Только она доходила до слова «примириться», как больно укалывало в животе.

Хотелось откусить себе язык и захлебнуться в собственной крови.

Время шло. Дни походили на мерцание кадров в фотолен-те. Кадры проецировали на стену старого разваленного до-ма. Кадр – Аня мечтает, кадр – борется, кадр – она радует-ся, кадр – грустит, кадр – надеется, кадр – мертва. Как толь-ко позволили уйти со стационарного лечения, она вернулась уютиться в квартиру Аркаши. Аня больше не задавалась во-просом, зачем жить. Раньше и вопрос не возникал. Она зна-ла точный ответ. Но сейчас, когда самое время задаться во-просом, в голову врос самый неподходящий ответ. Незачем.

Мысль зародилась в ней, и Аня выращивала ее, как цве-ток, обильно поливая самоуничижением и удобряя безыс-ходностью. Цветок, который в конце концов вырастет и убьет девушку. Когда Аркаши не было дома, она перебирала вари-анты, как воплотить затею: прыжок с высоты, удушье, обна-женные вены... Ничего не выбрав, продолжала думать и вы-страивать цепочку действий. «Напишу записку... – думала она, – это так романтично. К черту романтику и к черту все!»

Аркаша старался реже оставлять девушку наедине. Каж-дый день он жалобно отпрашивался с работы и бежал со всех ног к ней. Казалось, потеряй он ее – потеряет и себя. Каж-дый раз он с судорожным волнением открывал дверь и мед-ленно, затаив дыхание, проходил вглубь комнаты. И когда видел, что Аня в порядке, радовался этому, как маленький.

Аркаша бережно ухаживал за ней: сам готовил, выискивал необычные рецепты в кулинарной книге, приносил еду в постель и кормил бы с ложечки, если бы она позволяла. Они не разговаривали. Аня как будто не замечала его, а он мирился с этим, правда изредка подходил и ласково поглаживал по головке.

– Аня, знаешь, я вот... – сказал Аркаша, не зная, как подступиться, – спрашивал о тебе в приюте, и мне сказали, что для тебя там найдут хорошее место. И знаешь, это так здорово!

– Иди ты к черту! – она оттолкнула его, – тупица!

Аркаша не огорчился. Он ожидал такого ответа.

Он медленно приподнялся, отошел в прихожую и вернулся с предметом. В руках Аркаша держал ту самую книгу, которую Аня запоем читала, будучи подростком. С тех пор книга обветшала. Он сел рядом и молча открыл на закладке, где на столбцах текста выделялась подчеркнутая строка. Аня взбудоражилась. Она удивленно посмотрела в теплый взгляд Аркаши, с улыбкой всхлипнула и осторожно переняла книгу.

На строке значилось: «Порой важно отказаться от того, что нравится делать, чтобы делать то, что надлежит».

– А где Анна Вячеславовна? – спросила заведующая у девочки из группы.

– Ей плохо, она в туалете, – ответила девочка.

– Ой, Анна Вячеславовна! – сказала заведующая, – что с вами?

– Ах, Мария Эдуардовна, – сказала воспитатель, – со мной все хорошо. Только отпустите меня быстренько в аптеку, хорошо?

В конце рабочего дня Аня отправила Аркашу домой одного. Сказала, что надо навести порядок в группе. Девушка всматривалась в зеркало, будто пыталась найти в отражении ответ на вопрос. Неужели? Она уединилась, спустя минуту вернулась и вновь посмотрела в зеркало. На лице озабоченность. «Так и есть», – подумала она. Догадки сошлись в единую картину. Она посмотрела на часы и засуетилась: хотелось непременно заскочить в одно место. Место, которое недавно навевало горечь, а сейчас же, напротив, вызывало благоговение.

Перед самым закрытием Аня вбежала в лавку и, заранее зная, где лежит необходимое, схватила это. Запыхавшись, она расплачивалась и прижимала товар к груди. Жизнь вновь преобразилась. Она вышла из лавки, за спиной замерцала и погасла вывеска: «Магазин. Все для творчества и хореогра-

фии».

Аня неуклюже ввалилась в квартиру и шумно разделась. А что скажет он? Она несильно переживала, ведь у Аркаши такая мягкая и сердечная натура. Она вошла в комнату и растерянно искала, за что бы ухватиться взглядом. Аркаша сидел на кухне, допивал чай и с улыбкой наблюдал за Аней. Они посмотрели друг на друга. Он увидел у нее в руках маленькие пуанты и недоуменно ждал разъяснений.

– Это для нашей девочки, – сказала Аня, – у нас будет ребенок. И я чувствую, что будет девочка.

Все сознание Аркаши перевернулось. Он и подумать не мог, что такое счастье припасено для него. За какие блага им совершенные? «Семья, теперь у нас будет настоящая семья», – только эти мысли и крутились в голове. Он так обмяк, что не почувствовал, как выпустил из рук чашку с остатками чая. Чашка с треском разбилась – осколки разлетелись по кухне. Полукруглая ручка покатилась и закружилась у ног Ани.

– На счастье! – сказала она и ощутила, как холодные слезы потекли по щекам.

Метаморфоз

Стадия первая: «Превращение»

«Эй, жирдяй, там гости ушли, иди, убирай!» – сказал стройный слащаво причесанный официант, и тот пошел.

Медленно он встал и короткими шагами, перекачиваясь с одного бока на другой, пошел в залу, где дым папирос стройных и щеголеватых людей причудливо завивался. Душно. Окон в заведении нет – спертый воздух оседал. Посреди одиноко висела тусклая лампа и освещала ряды обшарпанных и надломанных стульев и столов бордового цвета. Завсегдатаи, мужчины в узких брюках и пиджаках в вертикальную полоску и женщины с впалыми худыми щеками в черных платьях, пристально наблюдали и подсмеивались над тем, как «малый», как они его называли, неторопливо убирал грязную посуду и оплеванные пепельницы у соседних столиков.

Сопя носом, он с трудом нагибался. В одной руке он держал поднос, а другой небрежно собирал со стола тарелки с объедками. Он разогнулся и жадно вдохнул. Когда он нагибался, тучный живот сдавливал легкие. Он взглянул на нетронутый прожаренный кусок мяса и картофельный гарнир на своем подносе – во рту натекла слюна, которую он с отвращением сглотнул.

Ему хотелось доесть это блюдо, и он заготовил веское оправдание этому. Он вспоминал слова мамы, которые она произносила за завтраком, за обедом и за ужином. Слова, которые врезались в ум и которые приносят страдание в его жизнь. «Еду выбрасывать нельзя», – слышал он в голове нежный и заботливый голос матери.

Вперевалку он добрался до ширмы, которая отделяла зал и кухню. За спиной раздавался шквал грубого мужского хохота и пискливый истерический смешок женщин. Ему казалось, что смеются именно над ним. Он спорил с внутренним голосом: они могут смеяться над чем угодно! А голос отвечал: и дураку понятно, что смеются над тобой, будто сам не знаешь кто ты, каков ты и какое отношение к таким как ты.

И вправду, когда он устраивался в это злосчастное заведение, пропитанное запахом суррогатного алкоголя, дешевого табака и продажных женских духов, ему и место официанта не дали. Лишь по увещаниям дальних родственников, чьи гены благороднее, его устроили уборщиком столов.

С неким сожалением и грустью он высыпал остатки еды в мусорный бак и представил, как позже, когда заведение опустеет, он найдет тот заветный кусок мяса и съест.

Он не обделен пропитанием, не голодал и не чувствовал привязанности к еде. Но положение обязывало вести себя иначе. Проклятие или благословение Менделя, которое клеймит людей с младенчества и предрешает жизнь. Предрешает, как человек проживет эту жизнь. Одни упиваются рос-

кошью, не заботятся о деньгах, пребывают в сливках общества и только развлекаются, а другие услуживают им. Другие, чьи гены оказались хуже, пребывают в угнетении и позоре. Как помнится, такой порядок берет начало издревле, в глубоком прошлом зародились эти нерушимые устои, а значит и в будущем останется так же, неизменно. И только светится надежда, что где-то там, в начале генеалогического древа, найдется предок с лучшим телосложением, которое отойдет в наследство будущим поколениям. И только тогда оскверненная проклятием фамилия вновь обретет утраченное достоинство. Вновь смех и радость зазвучат на их улице.

«Ты хотел это доесть, да? – с презрением и ехидной улыбкой сказал стройный официант, – жирдяй!»

Склонив голову с сальными прядями, он угрюмо выдохнул и ничего не ответил. Все они отмалчивались на подобные упреки. Это стало частью жизни: для таких как он оскорбления – нечто должное. Будто низменные слуги, они выслушивали наказание хозяина божественного происхождения. Никто не перечил, ведь они считали это правильным. А значит протестовать – поступать наперекор себе же. Обе стороны согласны с такой манерой общения. Оставалось только мечтать, что для таких как он жизнь изменится в одночасье. Что однажды он проснется и без усилий встанет с кровати, свободно пройдет в узких местах, легко нагнется и разогнется, поднимется по ступеням и станет тем, кому всегда рады.

Гул гостей стих, музыка остановилась – время закрываться. Он собрал остатки посуды и пошел вывозить мусор. Собрал черные пакеты, завязал концы узлом и поволок к служебному выходу. Нагрузил тележку тарами с пищевыми отходами и покатил к уличным контейнерам, поскрипывая колесом.

Никого рядом нет, но все же он внимательно огляделся, всматриваясь во все стороны. С жадностью он разорвал помеченный в уме пакет и, вдыхая вонь гнилой еды, принялся есть. Он понимал, что мог бы отказаться от этого, но не пересилил и поэтому ненавидел себя. Сколько помнил, ненависть к себе – единственное, что он чувствовал не прекращая.

Он добрался до остановки. Родной дом неподалеку. Он знал, прогулка пойдет на пользу особенно регулярная, но все равно стоял и ждал автобуса. Порой приходилось пропускать подошедший и ждать очередной: влезть в транспорт было невозможно. Он уже дошел бы пешком и отдыхал после трудного дня. Пойди он сейчас, все равно пришел бы раньше, но все больше пропитывался к себе неприязнью и стоял на месте, ждал.

Переехать бы на этаж повыше! Ведь на третий этаж лифт не ходит. Временами на него находило воодушевление: он искренне верил, что способен изменить жизнь, что ненавистное клеймо с рождения – миф и не более. В подъезде он сжимал руки в кулаки и зарекался каждый день подниматься и спускаться пешком, по лестнице. Никакого лифта! Он во-

ображал, как однажды после долгих тренировок поднимется на десятый этаж, до самой крыши. Но ступив на первую же ступеньку, он холодел: ужас неминуемого провала овладевал им. Он так боялся не дойти до квартиры и застрять на лестничном пролете, что на вторую ступеньку так и не ступил.

Он протиснулся в прямоугольный куб с загаженными стенами и услышал, как кто-то зашел в подъезд и издали крикнул, чтобы не отправлялись, подождали. Но кроме него в лифте никто не поместится. Он судорожно долбил кнопку четвертого этажа, надеясь, что двери скорее закроются, что он не застанет отвратительную картину: когда человек с презрением оглядывает его и говорит, что поедет на следующем. Поднявшись, он короткими шажками спускался до третьего этажа. Он попеременно ставил обе ноги на каждую ступеньку и, держась за поручень, отдыхал в пролете. Нет, пока рано подниматься, ведь даже спуск дается так тяжело.

Хлопок входной двери привычно сопровождался легким голодом. Только он приходил домой, как мама усаживала его за стол и кормила за весь день. Ей казалось, что на работе он голодает. Хозяин заведения, в котором он работал, прослыл скупым на нужды работников, особенно для таких как они.

В тусклом коридоре показалась округлая женщина, которая так радовала его глаза. «Саввушка, уже все остыло, разогреешь сам», – сказала она, медленно развернулась и скрылась, шаркая ногами.

Савва стянул куртку и повесил на крючок. Затем пова-

лился на пластиковый табурет и принялся расшнуровывать ботинки. Кряхтя, он рывком нагнулся до обуви, дергал за шнурок и старался ослабить затяжку. Савва выгнулся обратно и перед очередным рывком вдоволь отдышался. Он снял один ботинок и долго сидел, уткнувшись взглядом в пустоту о чем-то думая. Мысли вертелись, он забывался. Через четверть часа Савва стащил второй ботинок и не спеша поднялся, упираясь руками в колени. Облизывая губы, он пошел на кухню.

Жареная картошка с хрустящей корочкой, гуляш из свиной печени, маринованные огурчики, консервированный горошек, стакан холодного молока и ломоть ржаного хлеба – все это только для него. За столом он рассматривал это съестное блаженство и по-детски не решался начать. Что же попробовать в первую очередь?

Ему было до невозможности лень жевать пищу, так устал. Зачастую он глотал непрожеванные куски пищи, которые с трудом проваливались через пищевод в растянутый желудок. Покончив с ужином, он сложил тарелки в раковину, в которой громоздилась стопка немойтой посуды. Керамика заскрежетала – выбежали тараканы и скрылись в сливе раковины.

Савва не умывался перед сном. Чрезмерная гигиена для таких как он ни к чему. Резкого запаха тела нет – остальное неважно. Крошки перхоти на голове и желтизна на зубах, загноившиеся глаза и неподстриженные ногти – все это мело-

чи для таких как он. Верно, если бы положение было иным, то он бы тщательно следил за внешностью, а так... ни к чему. Да, очередное оправдание, прикрываемое положением. Оправдание своей никчемности и праздности, но как-то утешительно врать себе подобно остальным.

Он раскрыл форточку в комнате, впустив уличную прохладу, и повалился на мягкую двуспальную кровать. Откинул одеяло на пол: духота душила. Он лежал на спине и тяжело дышал, словно через тонкую трубочку. Нащупал пульт и включил телевизор. Под монотонное бормотание и мерцающую рябь телеэкрана он прерывисто захрапел.

Обычно снов Савва не запоминал. Но часто поутру, открывая глаза, он ощущал тревогу, будто ночью снился кошмар. Ему снилась работа, непрерывные придирки официанта, злобная ухмылка хозяина заведения, пристальный и насмешливый взгляд посетителей. Снилось, как один из упреков стал последней каплей, и он бросался на обидчика и молотил круглыми кулаками. Он разъяренно бросался на официанта, на хозяина и посетителей, а после с окровавленными руками еле волочился домой, чувствуя непреодолимый страх за себя и за мать. Но по пробуждению оставались лишь легкое дрожание рук и неприятный осадок во рту.

Утром он сползал на край кровати, тер руками глаза и вздыхал. Меньше всего Савва ждал новый день, а порой хотелось, чтобы он вовсе не наступал. Новый день значил повтор дня вчерашнего с ненавистным трудовым днем, с уни-

жениями и угрызениями совести – со всем тем, от чего Савва страстно желал избавиться. Но наступит день, когда все изменится и перевернется с ног на голову. Наступит ли такой день? Никто из таких как он не задавались этим вопросом: не было сомнений, что наступит.

Он обрызгал лицо водой и сощурил глаза, всматриваясь в отражение. Затекие пухлые щеки, нагроможденный слоями подбородок, заплывшая шея и обвисшая женская грудь. «Вот жирдяй!» – прошипел он.

Нахлынула горечь, которая внезапно сменилось возмущением и желанием побороться за счастье. Да, все в его руках! Он возьмется за себя и изменит жизнь наперекор предрассудкам. С этого дня никакого транспорта! Впредь добираться на работу и домой только на своих двоих. И спустя месяц-два он забудет о лифте, он поднимется к себе на третий этаж по лестнице. Воодушевленный он впопыхах собрался и вышел навстречу своей мечте.

Он медленно спускался по лестнице и отдыхал в пролетах. Жить бы на этаже повыше, и эта невыносимая мука со спуском исчезнет. Ничего, скоро он доедет до работы, и пока нет посетителей, и не видит хозяин, откинется на стуле и вдоволь отдохнет. Но нет же! Он зарекся идти пешком. Как же он устал, только спускаясь с этажа, а еще и пешком идти до работы. Может, не сегодня, а начать с завтра? Ведь все нужно делать постепенно и особенно таким как он. Сегодня решился, а завтра и начну! Нет, нет, если зарекся – исполняй.

Савва с волнением минул остановку и зашагал дальше.

Он раздумывал вернуться обратно на остановку, пока не ушел так далеко. А как вернется, сразу сядет в автобус, придет и отдохнет. Когда он представлял это – шаги непроизвольно замедлялись. Ноги так и норовили развернуться, но Савва пересилил себя. Чем дальше он заходил, тем медленней и неуверенней становилась походка. А что, если он не дойдет? Что тогда? Страшна сама неизвестность. Эта немая глухота после вопроса: «Что будет?» Обливаясь потом, он достал из кармана штанов платок и промокнул испарины на лбу, волосы сбились и стали влажные.

Неподалеку возвышался широкий столб, на верхушке которого горел громадный щит с призывом. На изображении величаво стояли мужчина и женщина. Оба стройные и оба в черных купальных костюмах. Тела их выдавали легкую худобу и жилистые мышцы. Взгляд мужчины притягателен и строг, взгляд женщины игривый и в то же время надменный. Взгляд обоих казался тем или иным в зависимости от смотрящего. Над их головами бегала строка: «Им дозволено все!» – а снизу, у самых ног, иная: «А ты, знай место!»

Савва поднял глаза по столбу, растягивая шею с неприятным сжатием в затылке. Он не рассмотрел изображение целиком и прочитал лишь нижнюю строку. Внутри обожгло завистью. Возникла ненавязчивая симпатия к людям с изображения и ненависть к себе. Кого обвинить в этой мирской несправедливости? Себя? Да разве он виноват, что таким ро-

дился! Ведь говорят – с этим ничего не сделать. Почему одним все, а другим ничего? И за какие грехи его зачислили в ряды неудачников, обреченных всю жизнь страдать?

Опустив взгляд, Савва заметил объявление на том же столбе. На нем значилось: «В рамках проекта “Подними статус” 24 мая в 10:00 проводится массовое взвешивание. По итогам лучшие получают призы». Таких как он и близко не подпускают к подобным мероприятиям, ведь цель этого показательного извращения – усугубить положение таких как он, уплотнить неприязнь.

Давно минула точка невозврата: когда идти до остановки стало дальше, чем до работы – но и тогда ему хотелось вернуться. Может, он надеялся, что по возвращению ему станет плохо, и придется идти домой, но тогда его наверняка уволят.

Взгляд коснулся угла здания, в котором он работает. Почти дошел. Еще чуть-чуть и обещание сдержано! Кажется, что труден только первый шаг, а последующие прогулки будут легче. Стоит только разогнаться, так и не остановишься. Нужно только разогнаться, а там и новая жизнь замаячит.

Проходя мимо книжного киоска, он исподлобья поглядывал на нее. Раздирала двойственность. Он хотел заговорить с ней, спросить о делах или рассказать о себе, похвастаться сегодняшней победой над собой. Ведь они знакомы друг с другом. А еще хотел презрительно смерить ее взглядом, сморкнуться и плюнуть ей под ноги сопли, рассмеяться в лицо и

орать на всю улицу: «Смотрите, какая жирдяйка!»

Ее звали Жанна. Она ровесница Саввы, но крупнее. И хотя у нее милое лицо с нежными карими глазами и природно-красными губами, она скрывала его под длинной челкой, опуская голову вниз, из-за постоянных издевок. Изредка, когда к ней обращались, она слегка приподнималась.

Савва хотел и подойти к ней, и сторониться ее. Это противоречие мешало определиться, чего же он на самом деле хочет. Он не подходил, но старался не выказывать презрения, по крайней мере, когда проходил мимо.

Отчего они не общаются? Разве общие проблемы не сближают? Похоже, не в этом случае. Таких как он сторонились и стройные люди, и свои же. Как это глупо! Человек человеку волк. Те, кого сторонятся, сторонятся и самих себя. И нет выхода из этой ловушки. И всех это устраивает. С такими и разговаривать нечего. Общение – радость. А радость – удел стройных. Для остальных это под запретом. И запрещает это себе каждый сам.

«Ты опоздал, жирдяй!» – сказал стройный официант и замахнулся на него.

Савва отшатнулся и чуть не упал, закрывая лицо руками.

«Ну, подожди! Я подчистую выложу про тебя начальнику!» – говорил стройный официант.

Савва что-то мямлил в оправдание. Вместо слов у него вырывались непонятные звуки. Услышав это, официант исторически засмеялся и сказал: «Да у него уже язык жиром

заплыл, нормальные слова сказать не может!»

С горечью внутри Савва поплелся в служебный туалет. Он хотел сказать стройному официанту, что шел пешком и намерен измениться, стать лучше, сменить положение. Савва надеялся на понимание и, быть может, поддержку в стремлениях, но в этот раз услышать очередное оскорбление казалось неожиданным. Он посмотрел в отражение и с силой захлопал ладонями по щекам, нервно приговаривая: «Жирдяй! Жирдяй! Жирдяй!»

Снова проклятый день начался. День трудового унижения, осознания своей никчемности и в конечном счете неминуемого примирения с участью. Савва увидел плетеный стул в углу и почувствовал облегчение. Сейчас посидит, задумается и мысленно уйдет от этого гнилого мира. Он с нетерпением повалился на стул, растянул ноги и стал глубоко дышать – это успокаивало. Послышался знакомый грубый голос. Савва не успел очнуться, как из-за ширмы показался стройный хозяин заведения. Хозяин строго глянул на него, а Савва подорвался с места, но не устоял и плюхнулся обратно на стул. Одна из ножек стула с хрустом надломилась – Савва плавно накренился набок и упал вместе со стулом.

Раскатистый хохот начальника послышался ему с затоптанного пола, а следом фраза надменным голосом: «За мебель вычту из зарплаты».

Только Савва приподнялся, как шлепнулся обратно: руки соскользнули с кафеля. Помог бы кто. Но какими упре-

ками покроют, попроси он помощи. Пыхтя, надрываясь, он поднимал тушу и непрерывно моргал, оттого что пот застилал глаза. Когда он встал, перед ним возник стройный официант, который чванливо осмотрел его и кивнул в сторону зала. Савва взял поднос и, припадая на одну ногу, поплелся подбирать объедки.

Он подошел к столу, уперся в него руками и попробовал отдышаться. Голова кружилась, казалось, он упадет и потеряет сознание. Безразлично на сидевших за соседним столиком посетителей. Мысли путались, глаза затуманились пеленой.

«Что это такое?» – сказала женщина визгливым голосом. А может, это только послышалось?

«Эй, малый, поди сюда», – сказал мужчина где-то сбоку.

Он закусил губу, собрал посуду и подошел к соседнему столику, где сидели мужчины в костюмах в вертикальную полоску и женщины в черных платьях. Они стройны и привлекательны. Они выпивали дорогие горячительные напитки. Мужчина в фетровой шляпе, который сидел среди них, поднял руку и поманил Савву. Его взгляд отличался: он не презрительный, не надменный. В нем проглядывалось что-то близкое, братское. Такое называется состраданием, но здесь никто и никогда не чувствовал подобное.

Незнакомец в шляпе сунул Савве в карман сложенную купюру и сказал: «Держи, малый, купи себе пышек».

Гулкая тишина ударила в уши. За столиком замолкли

и переглянулись, словно ждали какого-то сигнала. Наконец мужчина в шляпе громко рассмеялся на всю залу, и хохот, как волной, подхватил остальных. Они смеялись и корчили лица от спазмов в животе, а он стоял в недоумении. Как ответить на эту подачку? Придя в себя, он развернулся и похромал в служебное помещение. За спиной раздался возглас: «Можешь не благодарить!»

Он вытряхнул еду в мусорный бак, достал смятую бумажку из кармана и пошатнулся. Поднос выпал из руки и грохнулся об пол – зазвенели и разлетелись осколки посуды. В руке он держал месячную зарплату. На сумятицу примчался стройный официант и всплеснул руками. Он ожесточенно вскрикивал, но Савва не слушал. Он спрятал купюру в карман и с наслаждением ощупывал.

«В последний раз это! В последний раз!» – обрывками доносились слова официанта. Так хотелось ответить на это дерзостью, впервые высказаться вслух.

Не помнится подобного дня. Он пешком дошел до работы и целый день отстоял на ногах, ведь стул сломался, сидеть теперь не на чем. К концу рабочего дня он постоянно прижимался к стене, чтобы ненароком не упасть. Ведь если упадет – вряд ли поднимется сам, а помощи ждать не от кого. Из последних сил он вытаскивал мусорные мешки с отходами и волок до тележки. А там, где никто не видит, он терзался желанием отыскать что-нибудь уцелевшее и поживиться этим. Но как же гадко представлять, что он вновь роется в

мусоре и пожирает объедки. Нет, он начал новую жизнь, а в ней нет места таким поступкам. С титаническим усилием он прикусил желание, опрокинул тары в контейнер и гордо ступил прочь.

Проходя мимо книжного киоска, он остановился и нащупал рукой в кармане сложенную купюру. Подойти?

Пухлыми руками Жанна неторопливо поправляла товар на стеллажах и закрывала окна решеткой. Савва неуверенно двигался к ней. Не возникало вопросов, как начать разговор, да и вообще о чем говорить. Ведь обычно на него даже не смотрят. Но терять нечего. Не заговорит и ладно! В оцепенении он встал перед ней и молча разглядывал ее вздутые вены на ногах. Она покоробилась. Рабочий день окончен: она свободна от общения с людьми.

«Привет, Жанна, – начал он робко, – я сегодня столько денег получил и...» – он поднял голову и столкнулся с бешеным, озлобленным взглядом. Ее лицо покраснело, руки затряслись в судорогах. С губ срывались какие-то слова, но она так вскипела от злобы, что не могла их выговорить.

«Ах, ты! Жирдяй! – вырвалось у Жанны, – убирайся отсюда, жирдяй!»

Ошарашенный он хотел пуститься в бегство, но от усталости ноги не слушались. Он развернулся и поплелся прочь. За спиной разрывался злобный смех. «Это над тобой, слышишь? Точно над тобой», – говорил внутренний голос, и Савва не спорил.

Хотелось тут же удавиться. Он доковылял до автобусной остановки. Нахмурил лоб и старался всеми силами отогнать навязчивые мысли. Он зарекся идти пешком, но стоит и ждет автобуса. Он хочет измениться, но дает слабину в первый же день. Он раскис при малейшей неудаче и опустил руки, даже не поборовшись.

«Прочь, мысли! Прочь!» – думал Савва и заглядывал вдаль в надежде, что автобус вот-вот появится. Если он нарушит обещание – мысли перестанут терзать, вместо этого он привычно пристыдит себя. Легче согласиться с порядком вещей, нежели его изменить.

Подошел автобус.

О, как же он хотел зайти в него, но хотел и найти силы идти пешком. Он зашел и суетливо пробрался к свободным сиденьям. Хотел подумать, что ненавидит себя, а подумал, что ненавидит судьбу. В голове стало тихо, но неприятно засвербело в животе. Это не голод. Так проявлялась его ничтожность. Через пыльное окно автобуса он смотрел на серые панельные дома, на стройных людей, которые весело ходили по зеленым лужайкам. Смотрел, как они грациозно расхаживают, будто им в удовольствие. Смотрел, как они игриво бегают, будто им это приятно, и не понимал ничего. Но хотел так же, как и они, свободно передвигаться и радоваться.

Третий этаж. Он и не посмотрел в сторону лестницы. С полным безразличием вызвал лифт, поднялся на четвертый этаж и прихрамывая спустился к себе. Из кухни доносился

ароматный запах ужина. Но есть не хотелось. Даже слегка подташнивало. Однако ноги сами привели на кухню, а руки брались за столовые приборы и пичкали рот едой.

Он не доел. Никогда такого не было, и он испугался: вдруг увидит мама, она ведь заставит доесть, заставит через силу пропихнуть еду в глотку и проглотить. Мельком поглядывая на дверь, Савва сложил остатки еды в пакет и выбросил в окно. Выбросил и почувствовал, как жжет презрительный взгляд матери. Он с ужасом обернулся, но никого не оказалось.

Он улегся на кровать и впервые за долгое время не ощущал тяжести в животе. Удивительно! Он будто преобразовался, но как? Может, прогулка так действует? Или загруженный рабочий день? Или то, что он не переел на ночь? Вместо тяжести появилась незнакомая легкость. Как же она приятна! Воодушевление вновь нахлынуло. Все-таки это правда, а то ложь. Моя жизнь в моих руках, а не под властью злого рока. Он заснул в бредовых мечтаниях, не включая телевизор.

В слипшиеся гноем глаза засветило солнце. Савва лежал и не мог пошевелиться. Болезненная ломота пронзила, словно острые пики впились и сковали тело. Он забеспокоился, не заболел ли? Он попытался встать, но в конечности врезалась нестерпимая боль. Вскрикивая сквозь стиснутые зубы, он приподнялся, сел на край и нагнулся к полу. Ныли ребра, но согнув тело, дышать стало легче. Он не понимал,

что с ним происходит. Сквозь боль он собрался и пошел на работу. Пока он спускался и корчился от жутких спазмов в ногах, терзался сомнением: пойти ли ему пешком или сесть на автобус? При таком раскладе он с чистой совестью себя оправдает.

На остановку подъехал автобус и остановился. Он как бы подзывал Савву к себе. Будто автобус подначивал смириться, сесть внутрь и ехать до работы в удобном сидении. Савва опустил руку в карман и нащупал купюру. Вспомнилось лицо того незнакомца в фетровой шляпе. Непонятно почему, но в этом лице Савва черпал вдохновение. Ему захотелось стать таким же, надеть костюм в вертикальную полоску и помогать обездоленным людям. Он сжал купюру, пропустил автобус и отправился пешком.

Он шел бодрым шагом, не оборачивался и старался затушить ломоту в теле. Только мысли увлекали: ведь предстоит целый день простоять на ногах – как он тут же пресекал эти жалости к себе.

Савва не остановился и даже не взглянул на книжный киоск, а скользил мимо Жанны самодовольной походкой. Стройный официант при встрече хотел бросить язвительный упрек, но скривился и промолчал. Он увидел в глазах Саввы то, чего доселе не замечал. Уверенность.

Рабочий день пролетел в мгновение. Над ним почти не насмеялись, или он просто не заметил. Все мысли Савва концентрировал на работе и внутренней цели, а не на привыч-

ных желаний поскорей закончить и не проснуться следующим утром. Он погрузил тары пищевых отходов на тележку и, заметив, как в сознании появились низменные желания, укусил указательный палец до крови.

Савва вдоволь надышался свежим воздухом, выпуская из груди прокуренный осадок. Он готов повалиться на асфальт и тут же уснуть, но, еле ступая, с гордостью оставил автобусную остановку позади.

В подъезде дома он почувствовал нечто, что казалось давно утраченным. Помимо щекотки в животе, он чувствовал животворящую радость. Как она проникает сквозь него и выплескивается фонтаном наружу. Туловище содрогнулась, будто в безмолвном смехе, а глаза увлажнились. Захотелось заплакать не от горя, но от радости. Он посмотрел на лестницу, глубоко вдохнул и направился к ней. Савва поднял ногу на первую ступень, держась обеими руками за поручень, рывком закинул и вторую. Постоял минуту, закинул ногу на следующую ступень и поднялся. Сегодня он не ездил на транспорте, не сидел на работе и преодолел страх, взойдя на вторую ступеньку. Да, он чувствовал, что уже завтра поднимется пешком на свой этаж. Завтра, но не сейчас. Сейчас он точно свалится.

Савва поднялся на лифте, зашел в квартиру и увидел ее. Скорбными глазами мать осмотрела его снизу вверх и с грустью сказала: «Савва, ты похудел».

Стадия вторая: «Имаго»

Близился тот день, когда жизнь изменится. Это чувствовалось так явственно, как всякий вдох. Савва пробудился с этой мыслью. Он встал с кровати. Боль в теле заметно утихла, а руки и ноги стали упруги и крепки. Он стал сильнее. И физически, и духом. Вера в себя укрепилась. Теперь он твердо знал, что способен добиться всего.

Он потянулся и промычал от удовольствия. Лучи солнца проникали сквозь окна и касались лица, где красовалась улыбка. Ему хотелось жить. Идти на работу, чтобы просто идти. Работать, чтобы не сидеть, а стоять. И снова испытывать себя на твердость, чтобы валиться с ног от усталости и при этом идти пешком. А в завершении дня осуществить мечту: подняться на третий этаж по ступеням. Он предвкушал, как новенький костюм в вертикальную полоску сядет на его стройное тело. Как в заведение он придет как посетитель, а не рабочий, и будет распивать горячительные напитки в компании с другом в фетровой шляпе. Как официант будет прислуживать ему, а хозяин заведения заискивать.

Пока собирался он вспомнил, что вчерашний ужин не съел и не выбросил, а упрятал в целлофановый пакет. От него нужно избавиться. Но сделать это незаметно: вряд ли мать поймет его стремления, во всяком случае, не одобрит. Ладно, он оставит пакет здесь, а вечером что-нибудь приду-

мает. Он тихо ушел, надеясь, что запах не выдаст тайну.

Даже не задумываясь, он равнодушно прошел мимо остановки.

Вдали толпились люди, над которыми возвышалась трибуна. Похоже, массовое взвешивание началось, но что-то не то. Множество рук указывали вверх, Савва поднял голову и отшатнулся. Что это? Что-то взвешиваемое и угрожающее. В небе висела огромная перевернутая воронка, нижнее отверстие которой заполнено темной густотой. Выглядело зловеще: на голубом безоблачном небе будто проткнули черную бездонную дыру. И она словно готовилась засосать все живое или, напротив, выпустить нечто разрушительное.

Он заметил, что среди массы людей полно таких же как он, поэтому ободрился и подошел ближе. На трибуне висели приветственные лозунги, а под ними выстроился ряд стройный людей в парадных костюмах тройках. В середине стоял глава города, высокий с зализанными волосами. Он широко улыбался и точно с нетерпением ждал чего-то, поглядывая на воронку. Остальные из делегации заметно тушевались.

Савва не понимал, что здесь происходит, а спросить не решился. Урывками он что-то разузнал из чужих разговоров. Но вместо целостной картинки выходила путаница. Целый месяц власти города ждали этого. Все скрывалось тщательным образом. А воронка появилась этой ночью, и, возможно, это событие изменит жизнь.

На небе, из черной дыры, засветились фиолетовые вспыш-

ки. По толпе пронеслась волна восхищения и легкой тревоги. Из воронки появился металлический диск, на поверхности которого стояли три человекоподобных создания. Чем ниже спускался диск, тем отчетливее различались иноземцы: крупные, с рельефными мускулами. Кожа их темна, а с лица свисал короткий хобот. Из одежды на них висела лишь набедренная повязка. Диск приземлился на трибуну – воцарилась мертвая тишина. Никто не шел на контакт первым.

Наконец глава города шагнул навстречу иноземцам: с протянутой рукой и улыбкой он направился к центральному. И хотя среди делегации глава самый рослый, этим существам он приходился по пояс. Существо пренебрежительно взглянуло на главу города и легонько отодвинуло его, отчего тот опешил. Затем пристально посмотрело на остальных делегатов, развернулось лицом к толпе людей и кого-то высматривало. Обнаружив искомое, оно спрыгнуло с трибуны, прошло мимо расступившихся людей к невозможно тучному мужчине, указало на него и мерзким голосом сказало: «Эта-лон!» Оно протянуло громоздкую руку, вручило мужчине блестящий предмет и вновь выискивало.

Савва увидел, что идут к нему, и оцепенел. Он подумал сбежать, но стыдно показаться трусом. Существо вручило ему небольшой завернутый в фольгу шар и вернулось на трибуну. Оно что-то невнятно проговорило делегации и улетело на диске обратно в темень. Глава города помрачнел.

Савва очнулся от замешательства и ощутил всю тяжесть

подарка. Он точно держал в руке пудовую гирию, хотя предмет умещался на ладони. Он бережно развернул фольгу – в руках засиял терпко-желтым цветом гладкий шар. Окружающие обомлели. «Золото, настоящее золото высшей пробы!» – раздавалось вокруг. На трибуне обсуждали событие: одни из делегации ходили кругами и рьяно размахивали руками, другие же молча стояли в негодовании.

Непонятно, что за этим кроется. Медленно, пошатываясь из стороны в сторону, Савва побрел на работу.

Стало сложно разобраться в желаниях. Савва будто все перехотел. Нет, он как бы хотел измениться, вернее, изменить жизнь. И тут он задумался: что, в сущности, он хотел изменить? Себя или жизнь? Вязкое раздумье слиплось в голове: продолжать ли ему? А почему нет, ведь он зарекся. Непонятно почему, но теперь все будет по-другому.

Все как-то не так.

В служебном помещении появился новенький стул. Ему безумно захотелось сесть. Он не устал, просто голова шла кругом. Савва медленно сел и растянулся, будто погрузился в горячую ванну.

Раздался голос хозяина – Савва чуть не подорвался, но усмирил себя и потихоньку встал, держась рукой за стену.

«А-а, Савва, не вставай, теперь ты официант. Гриша убирает столы», – сказал начальник и ушел к себе в кабинет.

Савва плюхнулся обратно на стул и недоуменно хлопал глазами. Не причудилось ли? Хозяин никогда не называл его

по имени. Удивительно, что хозяин вообще знает его имя. А назначение в должность официанта, ведь об этом и мечтать нельзя! Гриша, стройный официант, теперь убирает столы и выносит мусор. Неужто изменения, о которых он грезил, свершились? Он всего пару дней ходит пешком, столько же старается не переедать и уже? Нет, слишком наивно. Но если так, то это лучший день в жизни!

Он стоял в зале и представлял, как высокомерно обслужит завсегдатаев, а на просьбу прибраться, подзовет стройного Гришу и тыкнет пальцем на желание гостей. Но никто не заходил. За день ни одного стройного гостя, а завсегдатаи будто в воду канули. Савва простоял смену и с разочарованием побрел домой.

Киоск Жанны закрыт, а на автобусной остановке толпилось неестественно много люда. Он не остановился. Иди пешком, и жизнь преобразуется. Но минуя остановку, он поймал неодобрительные взгляды, а за спиной услышал фырканье. Хм... да они завидуют! Ведь он стал лучше, чем они.

Без усталости Савва добрался до своего дома и зашел в подъезд, чувствуя себя победителем. Сегодня он сделает еще один шаг навстречу мечте. Он возбужденно подошел к лестнице, взобрался на первую, вторую, третью ступень и сходу на четвертую – половина пролета позади! Он отдышался, с улыбкой спустился и вызвал лифт.

По привычке он потянул руку к кнопке с цифрой четыре,

но в замешательстве остановился. Он пристально всмотрелся. На панели вмонтированы дополнительные кнопки с цифрами два и три. Неужели это правда? Он нажал на кнопку – двери лифта закрылись. Тело притянуло к полу: лифт поднимался. Он вышел на своем этаже и долго осматривался. Не верится. Он посмотрел на красную цифру три – номер этажа, на входную дверь своей квартиры и на двери соседей. Теперь незачем переезжать на этаж выше: лифт ходит и на третий. Но и подниматься по лестнице теперь не нужно.

Нет, он не изменит намерение. Это лишь еще одно испытание, которое нужно преодолеть. Да, лифт поднимается на его этаж, но он продолжит ступать к мечте. Савва ободрился. Он вновь не переест на ночь и с блаженством уснет. В воодушевлении он открыл дверь. На пороге стояла мать. Она огорченно всмотрелась в сына. В ее руке висел целлофановый пакет с едой. Савва потупился. «Еду выбрасывать нельзя!» – строго и надменно сказала она.

Помимо сегодняшнего ужина пришлось съесть и вчерашний. Мать невозмутимо надзирала, как Савва давится, заталкивает в рот куски еды и проглатывает. Есть не хотелось, но пришлось. Мать не поймет и не одобрит его стремления. Доедая остатки второго ужина, он еле сдерживал спазмы в животе. Казалось, вытошнит прямо на стол.

«Саввушка, знаешь, – с нежностью сказала мать, – они нас озолотили! Представляешь, только нас, а их нет!»

Он ничего не понимал, да и не хотел понимать. Ему было

плохо. Опираясь о стену, он дошел до комнаты и повалился навзничь, не снимая одежды. Нашупал пульт, включил телевизор – экран зарыбил. Он тяжело дышал. На выдохе кололо в груди, и дыхание прерывалось. А на вдохе тянуло живот. Говорят, примерно это чувствуют люди, которые задохнулись во сне. Не хочется умирать. Только не сейчас, когда мечта становилась жизнью. Минувшие события дня крутились в голове. Он ворочался, постанывал и уснул в тревоге.

Пробудился от судорог в руках. Он поднес кисти к лицу – они безобразно тряслись. Савва попытался вспомнить сон, вспышкой проскочила картинка: добела испуганная мать и окровавленные кулаки. Но не было ни официанта, ни хозяйина во сне.

Он встал и собрался. Вытащил из куртки золотой шар и убрал в ящик стола. Непонятно что с ним делать. И матери пока не рассказал. Он опустил руку в карман брюк, сложенная купюра по-прежнему лежала. Вспомнился незнакомец в шляпе и почему-то стало грустно. В подъезде он замешкался: спуститься по лестнице или вызвать лифт? Идти до работы пешком, поэтому он вызвал лифт.

Поток транспорта шел не прекращаясь. Один за другим останавливался автобус и забирал стоящих на остановке горожан. И вновь эти презрительные, с укором взгляды провожали его, когда он проходил вдоль остановки. Все как обычно, только наоборот: та же неприязнь, но, когда он садился в автобус, а не пропускал мимо.

Савва прогуливался мерным шагом. В мысли закралось подозрение. Взгляд блуждал и наткнулся на широкий столб. Савва приподнял голову и оторопел. На щите с призывом изображена та же молодая пара, но и не та. Оба в купальных костюмах, но светлых, и оба донельзя тучные. На их лицах выпирали пухлые щеки и неисчислимые складки под подбородком. На теле обвислая грудь, а с овального брюха свисали стянутые плавками бока. Ляжки их ног слипались одна к другой. И оба похожи друг на друга. Женщина отличалась лишь пышной прической, а мужчина отсутствием бюстгалтера. Под их ногами светилась надпись: «Эталон». Появилось легкое отвращение, но как-то навязано. И оно мгновенно сменилось гордостью и величавостью оттого, что он сам походил на них. Но и здесь навязчивость. Что-то смущало. Внутри колебался диссонанс, будто на вершине горы столкнулись два человека, чьи взгляды непримиримы.

Он опустил голову. Висело знакомое объявление с подправкой. Он подошел. «В рамках проекта “Подними статус” 24 мая в 10:00 проводится массовое взвешивание. По итогам лучшие получают призы». Внизу приписка: явиться всем эталонам. Двадцать четвертое мая уже завтра.

Терзала неопределенность. Так не хватало чьего-нибудь совета, чьей-нибудь подсказки о происходящем в городе и в нем самом. Он собрался идти, но отдернул себя. На столбе висела скалистая куколка шелкопряда. Она шевелилась, нижний край расплетался. Из расщелины показались то-

ленькие лапки, а затем белесая и пушистая бабочка. Она встряхивала крылышками и пыталась вспорхнуть. Он с ней чем-то схож. Савва в задумчивости отошел.

Он проходил книжный киоск, непроизвольно взглянул туда и встретился взглядом с Жанной. Ее лицо не зашторено волосами, напротив, открыто и неестественно приветливо. Она улыбнулась ему, а он смутился и торопливо ушел.

Что-то не то.

Внутри заведения Савва столкнулся со стройным официантом, то есть с мусорщиком. Гриша отшатнулся и извинился. Ни колких замечаний, ни угроз, а извинения да ни за что.

Зал наполнился посетителями, но нет привычных худощавых лиц и строгих женских платьев. Те же пьяные крики, истерический смех, звон бокалов со спиртным и вонь табачного дыма, но вместо стройных фигур пошатывались нагроможденные тела. На мужчинах топорщились костюмы в горизонтальную полоску, а на женщинах колыхались светлые платья. Все смеялись и громко разговаривали.

«Эй, малый», – обратился кто-то за столиком.

Савва повернулся, но обращались не к нему, а к Грише, который убирал соседний столик.

Савва услужливо разносил напитки и справлялся о желаниях гостей. Один посетитель разгорячился и настойчиво предложил Савве присоединиться к застолью. Вряд ли это дозволено. Он постарался вежливо отказаться, но посетители вспыхнули, словно охапка спичек. Теперь вся компания

не просила, а возмущенно требовала этого. На шум выбежал начальник, и разгоряченный посетитель крикнул ему:

«Эй, тощий, давай обслуживай нас. Ик, а паренек с нами посидит. Сегодня ты наш офцант!»

Начальник потупился и молча обслуживал столик. А Савва подсел к компании и выпивал за их счет.

Он опрокинул стакан белой жижи, вонявшей перегноем, – горящая смола растеклась по пищеводу и обожгла желудок. Он так мечтал об этом: сам хозяин заведения обслуживает его, а стройный официант подбирает за ним грязную посуду. В дни бесконечных унижений Савва представлял, как в будущем забавляется над теми, кто его недооценил. А они станут проглатывать его надменность и пресмыкаться перед ним. Но наяву все не так. Нет радости смотреть в глаза хозяйина полные смирения и покорности. Нет торжества над Гришей, который ходит в смятении и страхе. Нет счастья в этом, лишь стыд.

Гости разошлись. Савва принялся помогать с уборкой столов, но Гриша побледнел, вскрикнул: «Я тощий!» – и со слезами выбежал из зала. Вышел хозяин заведения и опасно глянул на Савву. Извиниться бы перед хозяином за выходку гостей, но хозяин извинился сам. Савва стоял в недоумении и смотрел, как хозяин собирает посуду и относит на помывку.

По привычке он прошел через служебный выход и увидел Гришу, который копошился в мусорном баке. Савва разгля-

дел, как тот жадно рвал черные пакеты, доставал объедки и небрежно поглощал, капая жиром на белую официантскую сорочку. Отвращение мгновенно сменилось жалостью. Савва видел в Грише себя прежнего. Даже захотелось подойти к нему и ободрить парой слов. Сегодня выдался тяжелый день. Не для Саввы и не для таких как он, но для них. Тощих.

В книжном киоске стояла не Жанна, а стройная девушка. Голова ее опущена – волосы свисали и закрывали лицо. Как странно. Они всегда казались жизнерадостными. Поникший хозяин заведения, Гриша, глотающий слезы, и эта девушка, которая скрывает лицо без улыбки – все это небывалое.

Стояли две остановки вместо одной привычной. Но для него это неважно: он добирается пешком.

В подъезде Савва равнодушно взглянул на лестницу и вызвал лифт. Он ждал, что почувствует жгучее взывание совести, но внутри опустело. Он не укорял себя за слабый характер, не оскорблял обидными словами, он спокоен. Он уже получил то, о чем грезил, без всякого удовольствия. Себя он изменил, или сама жизнь изменилась – неважно. Он получил желаемое. Но что именно он хотел?

На этаже пахло съестным. Савва торопливо отворил дверь, скинул куртку, стащил ботинки, не расшнуровывая, и неуклюже зашел на кухню. У плиты стояла мать и впопыхах готовила, хотя стол заставлен всевозможной едой. Миска супа с кусками разваренной говядины, запеченная курица с золотистой корочкой, отварной картофель, усыпанный

свежим укропом, нарезка колбас и сыров, а венчал это пиршество бисквитный торт с шоколадным кремом.

«Кушай, Саввушка, – говорила мать и гладила по его волнистым и сальным волосам, – тебе завтра понадобится».

Он закончил с едой, отмахнулся от навязчивых мыслей и тяжело побрел на покой. Но только повалился на кровать, как стал икать и думать, что плохо поступил с собой: наелся до отвала еще и на ночь. Но приторная сладость во рту успокаивала и даже убаюкивала. Он вспоминал детство, как лежал в маленькой кроватке, рассасывал арбузную карамель и засыпал.

Савва проснулся среди ночи, схватился за горло и содрогаясь закашлялся. Не хватало воздуха. Глаза вывернулись наружу, кожа на лице посинела. Вокруг только темнота. Это конец. Невыносимая тоска одолела им. В голове мерцали картинки ничтожно прожитых дней. Стало жалко себя и отвратительно от этой жалости. Почему он сразу не взялся за себя? Почему сдавался и шел на поводу низменных желаний? Час расплаты настал.

Он отхаркнул обильную слюну, вдохнул полной грудью и растянулся в постели. Припадок стих. Он остался жив.

Наутро разболелась голова. Может, и славно умереть сегодня, чем продолжать это бестолковое существование. Из кухни доносился грохот посуды: мать готовила завтрак. Но сейчас меньше всего хотелось есть. Савва открыл ящик стола – шар на месте. Сунул руку в карман и нащупал сверну-

тую купюру. В прихожей он тихо расшнуровывал ботинки и надел. Вышел, притворил за собой дверь и суетно затыкал кнопку вызова лифта.

Савва спустился и почувствовал облегчение: не пришлось заталкивать в себя еду. Мама стала пристально следить за питанием. Мама всегда с излишком заботилась о нем, но теперь что-то не то. Не материнская любовь движет ею, что-то иное.

На улице он окунулся в жидкий туман, который с каждым шагом рассеивался. Нет настроения на пешую прогулку. Он безотрадно встал на остановке и залез в подошедший автобус. Сунул деньги водителю, но тот не взял и проговорил что-то невнятное. Савва только прошел в салон, как перед ним подпрыгнула худая старушка, стесненно уступая место. Он сел и пустым взглядом смотрел в окно. Что еще удивит?

Сквозь редкие волны тумана проглядывалась трибуна, вокруг которой скопление людей. Массовое взвешивание началось. Подобные мероприятия вызывали у Саввы неприятную дрожь. Хорошо, что он минует это сумасбродное сборище, этот маскарад, который лишь увеличивает угнетения между людьми. Хм, с каких пор его беспокоит угнетение людей, а не таких как он?

Он дошел до заведения и дернул ручку. Дверь осталась бездвижна. Он дернул еще раз – ничего, дверь заперта. Может, он приехал слишком рано? Нет же, как всегда. Может, еще никто не пришел? Нет же, заведение открывают раньше,

кто-нибудь да пришел! Он отшагнул назад и хмыкнул: как же он сразу не заметил это. На двери висел рваный тетрадный лист, приклеенный на скотч. На нем начиркана надпись: «Закрыто по техническим причинам». И никто не сообщил. Да и как бы ему сообщили? Возможно, через день-другой придет письмо. Еще недавно он бы забеспокоился: работы больше нет. Но теперь с инопланетным подарком он спокоен.

Савва развернулся и поплелся на остановку. Шум с трибуны нарастал, любопытство подтолкнуло украдкой подсмотреть. Как странно видеть всюду таких же как он в таком возвышенном настроении. И как странно не видеть всюду стройных и подтянутых. На трибуне не стояла знакомая делегация с рослым главой города, вместо них громоздились полные люди с обвисшими животами и в пиджаках в горизонтальную полоску. Там стояла и она, Жанна. Она взошла на весы – на табло высветилась цифра: 164. Шквал бурных рукоплесканий заглушил ее восторженный смех. Жанне торжественно вручили грамоту и знакомый круглый подарок в фольге. Она отошла и встала рядом с другими, у которых те же призы и такие же выдающиеся объемы.

Савва ничего не понимал. И не хотел понимать. Он сковыривал ногой землю и вдумывался в происходящее, но не выходило. В голове ни единой мысли, ничего. А рядом с ним шептались: «Почему он не идет?.. вот смешной... ему бы тоже награда досталась...» – но Савва не слушал.

«Привет, Савва! – послышался знакомый голос, но звучал

он иначе, с нежностью, – давай сходим куда-нибудь?»

Он поднял голову – на него смотрели влекущие глаза Жанны. Локоны ее волос развевались на ветру и обдавали Савву мускусом. Он зажался и сглотнул слюну – кадык нервно приподнялся и утонул в заплывшей шее. Жанна улыбнулась и сказала: «Не съем я тебя!» Неожиданно для себя Савва рассмеялся.

Они договорились встретиться сегодня вечером в кафе, неподалеку отсюда. Опьяненный Савва думал, как скоротать время, чем заняться? Единственное, что пришло на ум, поехать домой. Вновь заискрилась эта блаженная радость, вновь захотелось жить! Жить счастливо вместе с Жанной.

Он встал на остановке. С площади, где стояла трибуна, убегал стройный человек, которого преследовали тучные ребята. Последние не пытались догнать стройного и вряд ли смогли бы. Вместо этого они выкрикивали вслед: «Тощий! Смотрите, тощий пришел! Тощий!» Стройный человек пытался скрыться, но куда бы ни сунулся, окружающие тут же подхватывали оскорбления. Человек добежал до остановки, повалился на землю и укрылся измазанным плащом.

Загнанный он боязливо поднял голову. Савва разглядел его и отпрял. На незнакомце та самая фетровая шляпа. Те самые глаза, но теперь на мертвецки бледном лице. Глаза, в которых недавно лучилось сострадание. Теперь в них только скорбь. Савва нащупал купюру в кармане и без промедления протянул мужчине в фетровой шляпе. «Вам нужнее», – ска-

зал он и, не дожидаясь автобуса, побрел домой.

В подъезде он украдкой взглянул на лестницу и отчего-то погрустнел. Он осмотрелся и шагнул на первую ступень. Казалось, это было так давно. Что с тех пор, как он зарекся ходить пешком и взбираться по лестнице напрямик на свой этаж, прошла уйма времени. Но это было пару дней назад. Он еще раз осмотрелся и поднялся на вторую ступеньку – голова закружилась, он обеими руками схватился за поручень. Как же он соскучился по этому! Как же вернуть все обратно! И пускай над ним насмехались, зато он своими силами боролся за лучшую долю в жизни. А сейчас... сейчас все стало праздно и приторно. Сейчас все есть, и одновременно ничего и нет. Может, она скрасит унылость нынешних будней? Жанна.

В квартире никого нет, только молчаливое бездушие. Савва подозревал, что мать подрабатывает мойщицей в общественных туалетах, но до конца старался не верить в это. К тому же теперь это ненужно. Где же она? На кухне стояла молочная каша в тарелке, посыпанная тертым шоколадом. Он поколебался, но сел и стал уплетать остывшую клейковину. Он отрыгнул, разозлился на мать и нарочно не убрал тарелку со стола.

В комнате он открыл ящик стола, как желудок сжался: шара нет на месте. Он порывисто запихал массивную руку вглубь ящика и судорожно ощупывал содержимое. Наткнулся на похожее, вытащил и с облегчением выдохнул. Это он,

золотой шар. Озабоченно Савва вертел и выискивал царапины, но шар остался идеально гладким.

Тоскливо сидеть дома в одиночестве, наедине с собой и с этими противоречивыми мыслями. Пускай он придет раньше, но не будет давиться затхлым воздухом старой квартиры. И не наткнется на мать, которая вернётся и наврет о своих делах. Он зашел в ванную и всмотрелся в лицо. Оно показалось таким милым и симпатичным. Жанна не откажет ему. «Нет, такому парню как мне, да и таким как я не отказывают», – говорил он в отражение.

Он прохаживался по пустым улицам и вертел в кармане золотой подарок. Мимо проезжали автобусы, из окон которых Савва замечал негодующие взгляды. Но ему все равно. Он шел на свидание с прелестной девушкой, и ничто не омрачит его настрой. Неподалеку возвышался щит с изображением тучной и одноликой пары. Савва глянул на них и возгордился. Он – эталон. Настало время беззаботной жизни и развлечений. А тем, кому повезло меньше, черед обслуживать. Черед стройных и худощавых прогибаться под такими как он.

На площади безлюдно. Только украшенная трибуна посреди навеивала мрак. Что-то изменилось тут, но непонятно что.

В условленном кафе тоже пусто, только старик за прилавком. Савва сел за столик, полистал меню и глянул на часы, висящие на стене. Оставалось немного. Он заказал сливоч-

ное мороженое с клубничным сиропом, которое намеревался быстро съесть до прихода Жанны. Подобный десерт – роскошь для него. Любая сладость воспринималась чем-то вроде праздника. А сейчас и сама жизнь стала праздником. Принесли стеклянную креманку с белоснежной горой. Савва наворачивал на ложку тягучее мороженое, опускал в рот и смаковал.

С назначенного времени прошел уже час. Савва успокаивал себя: все девушки опаздывают на свидание, вроде бы. Но ее нет подозрительно долго. Он высидел еще немного и почувствовал себя обманутым. Не хотелось мириться с мыслью, что его надули. И он фантазировал, что она попала в какую-нибудь передрагу. В конце концов, она сама захотела встретиться!

Савва попросил счет, но старик заискивающе сказал, что ничего не нужно.

«Такие как вы здесь желанные гости», – добавил он.

Где Жанна?

Савва понуро волочился куда глаза глядят, ноги сами куда-то вели. Так он дошел до трибуны, рядом с которой повис иноземный диск. Он служил некой переправой до воронки. Савва с трудом поднял голову, наморщив складки на шее у затылка, – воронка с поглощающей тьмой так и висела на небе. Он поднялся на трибуну и разглядывал диск. Подошел ближе и услышал электромагнитное гудение. Он прикоснулся рукой к диску и тут же отдернул: острый холод обжег кон-

чики пальцев. После нескольких глубоких вдохов и выдохов, точно собиравшись нырнуть, он шагнул на диск и взобрался на него. Диск остался неподвижен.

Разочарованный он хотел уже спуститься и дальше бродить по городу, как заметил полусферическую выемку. Он всмотрелся в отверстие, достал золотой шар и аккуратно вставил в паз – диск пришел в движение. Страх переполнял Савву: диск возносил его все ближе к темному отверстию воронки. Он приблизился, проскочил внутрь и оказался в громадном помещении. Фиолетовая жижа обволакивала тело, словно он погрузился в вязкую воду и вышел из нее с липкой пленкой на коже. Вокруг металлическая рябь и холод. Из рта выплескивался густой пар. Он ступил на железный пол – ботинки покрылись инеем. Не слыша своих шагов, он блуждал по купольному залу, стены которого вздымались ввысь.

Савва прошел через арку в комнату с невысокими потолками, где пахло мертвечиной. Вдоль стен выстроены ряды железных кушеток, на которых навзничь лежали голые умерщвленные люди, такие же как он. Среди всех он узнал ее, Жанну. Из ее опорожненного живота, складки кожи которого свисали, шла трубка в прозрачную тару. Она до краев наполнена густой телесной жидкостью. Савва поморщился и отвернулся. Позади стояли стеллажи, битком набитые такими же тарами.

«Нас растят на убой», – сказал Савва вслух.

Кичка балерины

1

Теперь смотрю на нее другими глазами.

Я вспоминаю день, когда между нами вспыхнуло влечение. Я вошел в старое кафе и увидел ее. Она там работала, но в этот раз была не на смене. Я замешкался. Заказал кофе и сел за бар, а она стояла в двух шагах и болтала с официанткой. Они громко шутили и истерически смеялись. Я не отрывал от нее взгляда, лишь когда она ко мне поворачивалась. Ее глаза обжигали.

Я искал поводы для знакомства. А теперь раскаиваюсь. В тот день я купил алую розу и пришел за ней. Так умиляло ее смущение. Мне казалось, она сама невинность. Дурак.

– Так что было дальше с мальчиком по имени Артем? – сказала она.

– Армия, шарага, работа – ничего интересного. – А что было с девочкой по имени Даша?

Темной ночью мы шли по заснеженной улице. По белым сугробам вдоль затоптанной дорожки. Падали редкие хлопья снега. Она несла в руке цветок. Ярко-красный бутон розы напоминал ее манящие губы.

– А я не поступила, пришлось работать. Мне здесь нра-

вится: коллектив хороший. Для меня это главное, – сказала она.

– Так, сколько тебе лет?

– А ты сам как думаешь?

Она лукавила. Но тогда я не заметил.

Я раздумывал. Стоит ли начинать? Возможно, я меркантилен в этом плане. И когда на третий день мы поцеловались, то почувствовал себя в ловушке.

Через месяц в холодный день зимы мы искали уединения. Сосед по комнате уехал за город и оставил нам квартиру. По пути мы не разговаривали, но наши мысли кричали желанием согреть друг друга. Когда мы вбежали в парадную и поднимались на лифте – мы шутили и смеялись. Но в квартире охватило смущение. И тогда я ей поверил.

– Трудно себя вести, когда знаешь, что еще увидишься, – сказала Даша, – куда проще что-то делать с мыслью, что никогда больше не встретитесь.

Обнаженная она лежала и волнительно посматривала черными глазами. Ее дыхание прерывалось, а голос подрагивал.

– Хочу, чтобы ты знал правду...

Слова оказались обнаженнее тела. Я ничего не сознавал. Нежность к девушке затмила размышления. Поэтому смысл правды я упустил. В ту минуту. Но спустя день я сидел опустошенный и мучительно перебирал в голове оправдания. Прошое человека неважно. Я не сужу по прошлому.

И тогда я посмотрел на нее другими глазами.

Даша заметила во мне перемены и стала тревожной. Она видела, как меня тяготит ее правда. Когда повисала тишина в разговоре, становилось гулко, будто что-то всплыло. Что-то невоспитанное и срамное. Я отводил глаза. А она старалась заглянуть в них. Стоило поймать мой взгляд, так я забывался. Все перетекало обратно в русло.

В то время постоянной работы не было. Либо я сидел дома, либо разгребал строительный мусор в новостройках. А вечером отправлялся к ней. В общем, весь день проходил в ожидании, что я встречу девушку с работы.

Темнело рано. Долго выбираться из дремучей окраины. По пути я миновал парк. Он как звено в цепочке воспоминаний. Я часто ходил по его брусчатым дорожкам с разных мест и с разными намерениями. Однажды я засмотрелся на обледенелую ветку дерева и поймал себя на мысли, что счастлив. В другой раз повстречал незнакомок, которые шли навстречу и заигрывали. Но я прошел мимо. Кажется, это было так давно, что усомнишься в правдивости. Было ли это на самом деле?

В кафе Даша временами встречала меня холодным взглядом и работала дальше. А временами бросалась на шею, словно только меня и ждала.

– Привет! – сказала она, – кофе будешь?

Сегодня что-то среднее.

– Буду, только если приготовишь ты.

Я приходил и ждал закрытия. Раньше я захаживал сюда,

чтобы насладиться крепким кофе, перекинуться парой слов с официантками и понаблюдать за гостями. Теперь я здесь за другим. И это смущало. Но несильно. Обычно обслуга со мной разговаривала, интересовалась мной, теперь никто не подходил. Теперь подойти – означало бы вмешаться в личное. В мои отношения с Дашей.

Принесли кофе. Я медленно насыпал ложку сахара в кружку. Гранулы растворялись в терпкой гуще. Я размешивал и вглядывался, как рисуются картинки на пене. Иногда я видел гривастую морду льва, иногда улицы промышленного города. Лишь в кружке кофе.

Только я оставался один, то уходил в раздумье. Голова нагромождалась образами. Но встряхну голову – взгляд коснется ее лица. Немного раскосые карие глаза смотрели из-под тонких линз очков в черной оправе. Грубый нос придавал особый шарм. Длинные русые волосы завернуты в кичку балерины. Перед уходом Даша распускала ее, и это завораживало. Ее руки медленно разворачивали пончик, голова наклонялась, а глаза задумчиво рассматривали пустоту. Волосы постепенно распускались, а уголки губ грустили.

Взгляд касался ее лица, и снова скрежетало в душе.

Кафе закрывалось. Я смотрел вслед уходящим работникам. Подошла Даша с рюкзаком. Иногда я помогал ей надевать куртку, а иногда нет. Миновал ритуал с распусканием волос. Мы попрощались с остатками сотрудников и вышли на улицу.

Даша глубоко вдохнула морозный воздух и растянула красные губы в бледноватой улыбке. Наши руки сжались в замочек. Ноги повели к ее дому.

– Все хорошо? – сказала она.

– Да, – я кивнул.

– По тебе не скажешь. Ты как-то изменился. Тебя что-то тревожит.

Даша не спрашивала, но утверждала. Она легко различала содержание слов от формы. Я говорил: все хорошо, – но имел в виду, что не настроен на долгий разговор. Она понимала. Становилось страшно, что ничего не скрыть от нее. Хотя я и не собирался. Но страшно, что нет самой возможности утаить переживания. Она все читала с лица.

Мы шли мимо девятиэтажных коробок по широкой тротуарной дорожке. Я рассказывал истории из прошлого, а она тихо прислушивалась. Иногда казалось, что ее увлекает не сам рассказ, а только звучание голоса. Мы виделись каждый вечер, и каждый раз она слушала мой голос. Голос стал настолько привычен, что идти и не слушать мой баритон неудобно.

Я смотрел на усеянное звездами вязкое небо и вздыхал. А Даша ловила мои вздохи и недоумевала.

– Почему ты со мной? – говорила она.

– А почему мне не быть с тобой?

– Ответ на мой вопрос, хитрюша.

– Мне с тобой хорошо. Нравится быть с тобой. Я бы не

приезжал, будь иначе, – я пустился в рассуждения. – Меня влечет к тебе. Я смотрю на тебя и не могу оторваться. Как мне не быть с такой девушкой?

Я улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

Вот только если бы не одно НО. Все так, только единственное НО. Из-за него я мучаюсь. Оно гложет и выворачивает наизнанку. Я всеми силами отгоняю мысль: кто Даша на самом деле. Не выходит. Это всплывает слишком часто, чтобы не считать это важным. Еще как важно. Почему я не могу отпустить прошлое? Оно не касается меня, не принадлежит мне. Я слишком боюсь. Страх наполняет, что это станет известно. А среди знакомых появятся и те, кто замешен в этом прошлом.

Я считал себя другим. Может, потому что не сталкивался с подобным. Человек складывается из настоящего. Прошлое остается в прошлом. Тогда почему я презираю ее? От этого я начал презирать и себя.

Мы дошли до парадной дома. Постояли и поговорили о пустяках. Я крепко поцеловал ее в губы и пожелал спокойной ночи. Дорога домой проходила в отрешении.

В электричке я писал ей сообщение, которое обычно оставалось без ответа. «Я встретил девушку, которая осталась в моем сердце. Эта девушка – ты!» – писал я. Перед тем как отправить, я задумчиво заглядывал в окно и рассматривал темень. Отправлено.

На соседнем ряду сидела молодая пара. Между ними сто-

яла коляска. Ребенка не видно, но девушка нежно покачивала коляску. Я сидел в наушниках, слушал прелюдию к четвертой сюите Баха и поэтому не слышал их разговора, а он весьма оживленный. Со стороны парня. Он морщил выбритое лицо и что-то злобно высказывал девушке. Сначала я подумал, что он рассказывает о ком-то неприятном. Но внезапно он набросился на девушку и стал душить ее. Девушка резко оттолкнула его. Все произошло настолько быстро, что я ничего не успел сделать. Я только снял наушники и промазывал в голове действия на случай, если выпад повторится. Но парень стих. Он сидел со скрещенными руками и прятал лицо в воротнике куртки, только изредка выглядывал и осыпал бранью девушку. Она оставалась невозмутима. Видимо, для нее это не ново. Гнев внутри нарастал. Я хотел размозжить этому парню голову. Я вбиваю в его лицо всю злобу на тех, о которых ничего не знаю. Лишь то, что они есть. Я знал, что их шестнадцать.

Шестнадцать, а я семнадцатый...

– Так, сколько тебе лет?

– А ты сам как думаешь?

– Ты закончила школу, не поступила, а теперь работаешь в кафе. Лет двадцать? – сказал я.

– Мне семнадцать, – ответила Даша.

Повисла тишина. Я не придавал значения ее возрасту. Ведет она себя намного старше. И в этом нет ничего такого. Она молодая и такая взрослая. Мне повстречался любопытный

человек. Черт возьми.

– Хочу, чтобы ты знал правду...

Я смотрел на ее обнаженное тело и ждал.

– У меня было шестнадцать партнеров...

Ее глаза увлажнились. Даша со страхом ждала ответа. А я ничего не понял. Тогда не осознал ее слов. Понимание пришло позже, наедине с собой. Я обнял ее – она успокоилась. А я незаметно затревожился. Шестнадцать партнеров. А я семнадцатый... Сказала именно так: партнеров. Сказал бы я, кто они, а кто ты! И кто же теперь я?

Вечером того дня я понял всю горечь открытой мне правды. Еще долго я сидел перед пустым столом, освещенным желтым светом настольной лампы, и думал: как мне поступить. Ведь я не привязываюсь к прошлому, я не сужу людей по прошлому. Раньше меня это не касалось. Теперь я засомневался в убеждениях. Я буду прав, если останусь невозмутимым. Но что-то нестерпимо давит. Даша ничего осудительного не совершила. В то же время она не тот человек, с которым надо быть. Я разрывался от противоречий. Я понял только то, что моя девушка – шлюха.

2

Почему он меня не бросает? Не понимаю.

На работе тоскливо – мы решили составить список людей, с которыми переспали. Лиза еще та подстилка. Ее послужной список будет куда обширнее. Все-таки когда я вспоминала все приключения, в душу закралось сомнение. Я надеялась, оно улетучится, когда мы озвучим списки. Увы, что-то пошло не так.

Я еще припоминала все игры с мальчиками, и когда они поддавались на мою прихоть, а Лиза уже закончила. Она хорошо знала своих, у нее нет однодневных, разовых. Лиза показала пронумерованный список имен в столбик. Последнее число девять. У меня больше. Даже немножко приятно. Это как своего рода превосходство. В ее списке имена только мужские. Чертовка, она не вписала женские. Она явно спала и с девушками.

– Только не рассказывай об этом Артему, – сказала Лиза, заглянув в мой листок.

– Не хочу начинать отношения с вранья, – сказала я. – Пускай узнает, а дальше будь что будет.

Лиза закатила глаза. Весь вечер она гадала с официантками, через сколько мы с Артемом расстанемся.

Тот день, когда я все открыла, казался последним в наших отношениях. Но Артем выслушал и обнял меня. Только я

заговорила – горечь подступила к горлу, ладони вспотели, а на глаза наворачивались слезы. Мы лежали голые в квартире его приятеля, который впустил нас только, чтобы мы... Артем приподнялся и сказал что-то невразумительное на мое признание. Он обхватил большими и грубыми руками мою шею, согрел теплом своего тела. Следом все расплылось, как водянистая акварель на бумаге.

Артем все заумно рассуждал. Он будто уговаривал себя, что все нормально и даже хорошо. Он говорил: прошлое человека неважно – но разве так бывает? Я замечала в его разговорах колебание. Он поменялся. И все же, как обычно, провожал меня до дома.

– Ты точно хочешь это знать? – сказала я.

Мы сидели на лавочке в торговом павильоне неподалеку от кафе. В последнее время он был достаточно радостный. Похоже, все у него в голове устаканилось. Ну почему он задал этот вопрос? Все же было хорошо.

– Расскажи уж, – сказал он.

– Да, у меня был анальный секс, – сказала я. Мои щеки начали гореть.

– И как? – он немного отстранился. – Наверно, не очень приятно? Для девушки.

– Почему же, многим девушкам нравится, – сказала это оттого, что не знала, как еще ответить.

Артем задумался.

Боже, теперь он снова подумает обо мне что-то ужасное!

– А ты хотела бы секс втроем? – спросил он с озорным блеском в глазах.

– А у меня был секс втроем! – восторженно сказала я. Вот я дура.

Он немного опешил. Я пустилась в неловкие объяснения.

– Это было последнее до того... ну... до тебя... и потом я поняла, что дальше так не может продолжаться.

Мы дошли до моего дома. Он всеми силами делал вид, что не огорчен. Холодно поцеловал меня, попрощался и побрел домой. Эх, Артем, зачем?

Старая и запыленная квартира на окраине – единственное прибежище, где мы уединялись. Двушка, где вечно стоял нафталиновый запах ковров и изношенной одежды. Когда она пустовала, Артем приводил меня туда на ночь. Мне нравилось засыпать в его объятиях. Слушать, как он желает спокойной ночи и говорит приятные слова. Когда я так засыпала, не чувствовала одиночества. Выпадали редкие выходные, и нам обоим никуда с утра не надо. Я высыпалась, он бывал в хорошем настроении. Особенно, если у него возникало желание прикоснуться ко мне.

Никогда не могла приготовить еду. Хорошо, что он умеет делать это сам. Я вообще не приспособлена к быту. И как-то же надо готовить ему потом, когда будем жить вместе. Если будем. Вот ведь гадость, надо учиться для него готовить. А может, пускай он сам, а я исключительно для любви. Меня бы это устроило. Так и скажу, мол, давай-ка ты зарабатывай,

и обедать мы будем только в ресторанах, или же готовь себе сам! Выгонит меня к чертям.

Мы столько месяцев провели вместе, но между нами что-то пролегло. Он давно не смотрит на меня презрительным взглядом. А я давно спокойна за его нестабильность. Раньше я все списывала на то, что мы только начали. Теперь мы столько времени провели вместе и столько раз были в постели, что это смущает. Он хитрец: говорит все так, как я хочу услышать. Но глаза видят больше.

– Артем, – сказала я, когда мы лежали в постели.

– Что такое? – он растянул улыбку.

Я выдержала паузу. Как бы лучше сказать?

Он ощупывает меня, гладит мне ноги и сжимает грудь. Кажется, что он так хочет взять меня. Но только я поднимаю глаза, то читаю в лице отрешение. Будто он думает о пост-модернизме в живописи, а руки машинально поглаживают.

– Мне иногда кажется, что тебе хочется просто секса, а не меня, – сказала я.

Он замялся.

Я попала в точку, но лучше бы промахнулась.

Мы возвращались с оперы под открытым небом на дворцовой площади. Сидели в электричке и обнимали друг друга, не разговаривая. Еще долго я вспоминал те мысли, которые посетили вовремя пения дуэта цветов оперы «Лакме». Я сжимал руку Даши и под божественный вокал наполнялся ярким свечением. «Это оно!» – подумал я тогда. И мне стало легче.

Подъехали к ее станции, попрощались. Даша украдкой посмотрела на меня через стекло электропоезда и не дождалась, когда я отъеду, ушла. Когда-то я встречал этот взгляд. Не то в ней недавно. Не то вовсе в другой и давно. Грустный, опечаленный взгляд полный безысходности. Полный скорби и смирения, будто хочется жить по-другому, но иначе никак. Ее чувственные карие глаза полны этим содержанием.

Я не придавал значения этому взгляду. Хотя внутри заерзало. Но я отмахнулся, ведь меня переполняло откровение. Ее прошлое – это подарок. Да, подарок. Это осознание пришло внезапно. Оно долгое время накапливалось, но только теперь вырвалось наружу.

Стало спокойнее.

Время шло. Теперь я встречал ее с работы без внутреннего гнета. Все равно на остальных – я приходил к ней. Я называл ее любимой и не смущался перед работниками кафе.

– Знаешь, я спрашивала по поводу вакансий админом, – сказала Даша и зажалась.

– Мне кажется, из тебя получится хороший администратор, – ответил я. – У тебя выходит руководить официантами и выполнять поручения директора. У тебя получится.

И ее повысили. И перевели в другое кафе. Теперь приходится ехать дальше.

Как-то я зашел к ней днем. Зашел и растерялся. Даша сутелась: рассчитывала гостей, отдавала напитки и следила за порядком в зале. Кажется, она себя изводила. Хотя и говорила, что кайфует от этого. Она действительно там хорошо смотрится. Даша младше всего персонала, но видно, что ее уважают. Ее внешность завлекала. Немного откровенное черное платье сжимало грудь и обнажало упругие ноги. Волосы, скрученные в кичку, и ярко красные губы.

Я застыл на месте. Официанты шныряли по залу. Даша взглянула на меня не то иронически, не то насмешливо. Я уселся за стол. Подожду, пока она освободится.

Минут через двадцать она с задором чуть ли не подбегает ко мне.

– Ты чего такой? – звонко спросила она.

– Какой?

– Такой грустный.

– Ничего я не грустный.

Она стояла рядом. Мы молча смотрели то друг на друга, то на проходящих людей. Она здоровалась с вошедшими го-

стями и посматривала на бар.

– Я сейчас, – проговорила она и метнулась к стойке.

Обычно она мне что-нибудь предлагала, и я просил кофе. Но сейчас все как-то не так. Наверное, слишком замоталась.

Даша освободилась и вернулась ко мне раздраженная.

– Давай отойдем? – сказала она.

Я встал. Мы отошли в спокойный угол. Она вздохнула, скинула брови и сказала:

– Ты меня вообще любишь?

– Конечно, люблю, – сказал я и замешался.

Она успокоилась.

Постояли еще немного, поболтали о чепухе и попрощались. Под палящими лучами солнца я пошел домой. В автобусе я морщил лоб и думал. Что она хотела узнать этим вопросом? Люблю ли я ее. А что хотела сказать? Я отмахнулся от этого, как от нерешаемой загадки.

Я приехал к закрытию. Мы решили сразу поехать на квартиру. Я давился пережаренным кофе, пока Даша заканчивала. Больше смотрел в кружку, чем пил из нее. Смотрел в ней свою жизнь. Последние гости ушли, и официант метнулся к столу. Он проверил все ли уплачено по счету и начал небрежно складывать посуду на поднос. Свет в зале потух – в глазах засверкали неприятные пятна. Даша весело переговаривалась с официантом, брякала ключами от кассы, шуршала купюрами и звенела мелочью. Много раз мы уходили из кафе под эти звуки, теперь же закрытие смены оставалось за нами.

– Пойдем? – весело сказала она.

– Пойдем.

Мы вышли на свежий прохладный воздух. Начало августа. Тихий летний вечер. И хотя днем палило солнце, к концу дня остывало. Даша захлопнула дверь, обернулась и как-то с сожалением посмотрела мне в глаза. Я подошел и обнял ее. Она обняла в ответ.

– Вызывай такси, – сказал я.

Даша достала телефон и вбила адрес в приложение. Она не успела подтвердить вызов, как на экране высветился входящий звонок. Она отвернулась и отошла в сторону. Сдавленным голосом она проговорила: «...да... со мной... да,

сразу поедем... скажу». После вздоха Даша подошла и грустно улыбнулась.

– Кто звонил?

– Это мама.

Я познакомился с ее родителями после новогодних праздников. Даша обижалась, когда я называл их колобками. Они их очень напоминали. Как зять, я с ними не очень-то ладил. Ведь я только будущий зять. Даша рассказывала, как родители без злого умысла подтрунивали надо мной. И я им отплачивал той же монетой.

– Что там с машиной?

– Через четыре минуты будет, – сказала она, глядя в телефон.

Я снова притянул ее и обнял.

– Расскажи, как прошел день? – сказал я.

И она рассказывала о необычных гостях, которые затесались в кафе. Она то игриво хохотала, пока описывала странного парня на высоких платформах и обтянутых кожаных штанах, то с жаром раскидывала руки, возмущаясь пьяным мужиком, который приставал к ней. Я слушал и в нужных местах поддакивал. Мне не слишком интересно. Однако мне нравилось, что она захвачена рассказом о рабочем дне, как ребенок рассказом о приключении. Мне нравилось, что ей нравится работать. Ведь мне известно, что такое приходить на работу, как на каторгу.

Подъехала машина. До места недалеко. Фонари туск-

ло освещали пустую немного влажную дорогу. Приехали к блочной пятиэтажке времен расцвета коммунизма. Поднялись на четвертый этаж в квартиру номер 29. Распахнули дверь – в лицо ударила затхлость. Запах старости пропитался в стены.

Даша пошла в душ, а я проветрил комнату и расправил кровать. Я рассматривал набитые книгами полки, ждал, когда Даша выйдет из ванны. Это единственное, что мне нравилось в квартире. Длинные книжные ряды. Нравилось просто рассматривать их. Каждая книга – целый мир. Бывает, я брал одну из них и читал, чтобы скоротать время. Я взял сборник рассказов Платонова и открыл где-то в середине.

Звякнула щеколда – Даша вышла. Я отложил книгу и пошел умываться. Когда вернулся в комнату, она лежала готовая ко сну. Обычно мы сразу не ложимся.

– А что, у нас ничего не будет? – смущенно спросил я.

– Это не от меня зависит, – сказала она и сверкнула глазами.

Я поприставал к ней и все случилось.

Даша повернулась спиной. Она тихо лежала, а я обнимал ее плечи и что-то рассказывал. Мне нравилось поговорить перед сном. Ночью становишься откровеннее и рассказываешь то, что никогда бы не рассказал при дневном свете. Я увлекся и не заметил, как Даша засыпает.

– Спокойной ночи, Даша. Я люблю тебя, – нежно поцеловал ее в голову.

Я закрыл глаза и начал проваливаться сквозь туманную дымку сна. В полудреме я слышал, как она прошептала: «Спокойной ночи, и я люблю тебя...» Мне показалось это каким-то шаблоном, но я уже спал.

Жутко ночевать в этой запыленной квартире. В конце комнаты окно с деревянной рамой, через которое виднелись мрачные ветки, а в форточку завывал ветер. На полу стояло круглое зеркало. Я все смотрел в него и ждал, пока кто-то или что-то в нем отразится. Позже я перевернул зеркало, чтобы не нагонять страху. Но утром все развеивалось. Когда свет приникал в комнату – жуть улетучивалась.

Я проснулся раньше. Мне стало скучно, и я разбудил Дашу. Я немного шутил, мы просто лежали рядом. Она внезапно отвернулась, будто пыталась скрыться. Я увидел, как по ее щекам текут слезы. Что случилось? Все ведь хорошо!

– Ты чего, Даша? – сказал я и нежно погладил ее по плечу.

– Мне кажется, – сдавлено и приглушенно сказала она, – я тебя разлюбила.

Я оторопел, но и засомневался.

Мы молчали. Надо спрогнозировать события, но голова опустела. Прошло пятнадцать минут или секунд, я не знаю. Все вокруг отяжелело и потащило куда-то в сторону.

– Ты нашла себе другого? – со смешком проговорил я.

– Нет.

Она смотрела в сторону.

– Ты ведь знаешь, что обратного пути нет? – сказал я и

насупился.

– А что, это настолько принципиально?

– Дело не в принципах!

Горечь подкатила к горлу. Тошно. Я сглотнул и шмыгнул носом.

– Артем, – жалобно сказала она и потянулась ко мне.

Я вскочил с кровати и начал нервно одеваться.

Возьми себя в руки! Все кончено. Это точно. Я пошел на кухню и поставил кипятиться воду. Спросил ее про чай, она согласилась. Дальше все накрыло пеленой. Даша попыталась спровоцировать сору, но я не поддался. Я старался казаться равнодушным, но не выходило. Острая печаль резала меня. Я уже не чувствовал, как слезы медленно вытекают из глаз. Я утирал щеки и делал вид, что ничего не происходит. Она заговорила, но я не отвечал. До невыносимости захотелось одиночества.

Уже одетая Даша стояла в прихожей и заглядывала в комнату. Я вышел ее проводить. Мы стояли напротив друг друга. Каждый с красными опухшими глазами. И оба в смятении.

– Я не хотела, чтобы все так вышло, – сказала она.

Я пожал плечами.

Даша ушла. Я прикрыл дверь, но не запер. Я страстно хотел, чтобы она вернулась обратно.

Я повалился на пол и надрывно расплакался.

Она не вернулась.

Пробка

Черная пелена заслонила взор. И все же она отчетливо различала сколоченную коробку из струганной доски. Глаза опухли. Уголки рта нервно подергивались, как только она вспоминала тот день.

– Не, це невыносимо! – говорила она в телефонную трубку. – Представляешь, на весь дом храпу дает, а мне всяка ночь и глаза не сомкнуть!

– Ага-ага, – раздавался женский ответ с той стороны.

– Вся ночь не спала. А дитя як сбросит одеяло, так и кричит. Сама встану, схожу, одеяло поправлю, так она и заснет сном сладким.

– Ага-ага.

– А я шо? Ворочусь, як пну в спину аль в живот увальня своего, чуть не проснется, пробормочет шо поднос. Ну, гляди и засну. И знаешь шо? Перевернется на другой бок и опять храпит!

– Ага-ага.

– Да шо ты все гакаешь да гакаешь! Як понимаешь ты аль нет, я уже полгода не могу нормально спать!

– Так чего мне. О, Зинка, знаешь, ты это, беруши надень.

– Шо за ерунда? Шо за беруши?

– Такие, которые в уши вставляешь и ничего не слышишь.

– А шо? Чего только не придумают. Ну ладно, Галка, у

меня суп кипит, завтра позвоню.

Зина не дождалась ответа – сбросила.

Она уставилась в окно, которое выходило в загаженный двор, и задумалась. Проволокой сплетались мысли. Шо за беруши якие? В кастрюле на конфорке пузырилась жижа с коричневой пеной навара. Пена выплескивалась из-под крышки и с шипением гасила огонь на плите. «Ах, божешь мой!» – вскрикнула Зина и всплеснула руками. Она подбежала и убавила газ. Из ящика стола достала ложку и судорожно замешала суп, вылавливая пену и стряхивая в раковину.

Только суп перестал волноваться, так и Зина успокоилась. Утерла лоб и вспомнила о берушах. Как это они вставляются? И как выглядят? Уши-то у нее большие, вдруг вываливаться будут. А вечер наступит, так и в дрожь бросает: опять всю ночь мучиться. Нет, провалюсь, но раздобуду эту вещицу.

Зазвонил телефон – и как дернулась Зина, что ложку выронила. Захлопала по карманам. Да где ж этот чертов телефон! Чуть не до истерики она вертелась на кухне в поисках. И в морозильник заглянула – нету. И хлебницу открыла – нету. Где же он трезвонит проклятый! Выдвинула ящик – лежит там и грохочет среди вилок и ножей. Тьфу ты, окаянный!

– Маруся! – закричала она, недоуменно глядя на телефон, – Маруся, шо це таке?

К ней подбежала маленькая девчушка трех лет с блондинистой головкой и стрижкой под мальчика. Она взяла из рук телефон, нажала кнопку и вернула обратно.

– Це будильник, – шепеляво сказала девочка и убежала.

– Будильник? А на шо мне он? – проворчала женщина. – Эдак и спятишь без сна-то.

Появление темноты за окном сопровождалось легким ознобом. Когда солнце зашло за горизонт, а синева неба загустела, Зинаида нервно поглядывала на часы. За целый день она старалась себя вымотать. Только поднималась на ноги и не отходила от плиты: готовила на неделю вперед. А в перерывах брала швабру с тряпкой и намывала все углы.

К вечеру Зина валилась от усталости и готова пасть мертвым сном. Но поддайся она на уговоры тела, то к ночи проснется, и очередная бессонница обеспечена. Поэтому она пышно сервировала стол, лишь бы чем-нибудь заниматься, пока не пройдет время.

В прихожей слышался хлопок входной двери и неудержимый кашель. «Приперся увалень. Хорошо це кашель только днем, а то бы удушила поганца!» – подумала Зина.

После ужина она изрядно клевала носом и встряхивала головой, чтобы взбодриться. Лицо ее растягивалось в улыбку. Этой ночью она выспится за все недели и месяцы.

– А что это ты, не высыпaeшьcя? – сказал муж, отирая усы расписной салфеткой.

– Шо, шо, – гневно сказала Зина. – Я б выспалась. Как

вставлю кое-кому пробку в одно место, чтобы воздух туда-сюда не свистел.

Муж нахмурился и не ответил. Он встал и пошел на улицу выкурить папиросу. Зина убрала со стола, перемыла посуду, взбрызнула остатки воды с рук и пошла укладывать дочь.

– Матрена, а Матрена, шо ты всё ворочаешься? – сказала она, укрывая девочку одеялом. – Может тебе этого молочку теплого с печеньем таки слаще спать будет?

Маленькая головка высунулась из-под одеяла, сверкнула глазками и утвердительно закивала.

– Ляжи, ляжи, мама тебе принесет.

Ночь. Наконец-то долгожданная ночь! Зинаида укуталась в теплое одеяло, накрыла голову подушкой и прижала ее края к ушам. На пожелание спокойной ночи мужа она пробормотала что-то недружелюбное. Свет погасили, и сон мгновенно улетучился.

Через минуту наступило то неприятное, чего она так ненавидела. Громогласный храп эхом раздался по комнате. Зина стащила с головы подушку, перевернулась на спину и уткнулась взглядом в потолок. «Тварь эдакая!» – прошипела она. Набрав воздуха, она медленно выдыхала ртом со сложенными в трубочку губами.

А сколько лет прошло! Слово картинки мелькали в голове отрывки воспоминаний. Двор, усеянный цветущими одуванчиками. Запах печного хлеба. Смущение и мокрый след поцелуя. Крепкие объятия и задушевные мечтания. Свадеб-

ный венец, а следом горькое разочарование. Слезы и истерики. Тоскливый быт, который помогал забываться. И чудо! Появилось живое чудо, которое сгладило неурядицы семейной жизни. Чудо, которое перевернуло понимание сути и смысла жизни. Которое дало силу и счастье.

Раздалось похрюкивание со звонким свистом, что Зина чуть с кровати не свалилась. Мысли выветрились, осталось только раздражение. С размаху она ткнула локтем мужа, на что последний хмыкнул и медленно перевалился на другую сторону.

«Увалень! – прошипела она, – хоть бы от чего проснулся!»

Отлежала бока и всплеснула руками. Никак не уснуть. Зинаида поднялась – заскрипели старые пружины в матрасе. Легонько подошла к комнате дочери, подкралась к ее постели и с душевной теплотой рассматривала короткие золотистые волосы. Матрена, курносая моя. Рядом на тумбочке рассыпаны крошки и стоит опорожненный стакан с белой каемкой на дне. Вот молодец, съела и крепче заснула. Ай, и мне поможет?

Зина прошла на кухню, открыла холодильник и зажмурилась от желтой ряби. Схватила картонный пакет – кончики пальцев обожгло холодом. Она выпила стакан залпом и сморщилась: молоко свело горло. Поставила стакан на столешницу и, медленно переставляя ноги, пошла обратно. Туда ей вовсе не хотелось. Из-за переживаний спальня стала невыносимым местом. Оттуда хочется сбежать и не возвра-

щаться.

И снова мерещилось прошлое. Одержимость в покупках детской одежды и волнительное предвкушение. Чувство единения с нечто живым. Первые толчки в живот, и безграничная любовь. Осознание, которое выходит за границы слов. «Я – мама».

Когда веки потяжелели, а ресницы вот-вот сомкнутся, за окном всплыли первые лучи солнца. Сейчас усну. И зазвонил будильник.

Зина дернулась и вытаращила глаза. Сон как рукой смахнуло. «Ах ты, чертовщина эдакая!» – завопила она и затрясла мужа, на что он только промычал и вяло отмахнулся. «Да проснись же ты, увалень!» – говорила она ему в ухо. Стукнула по часам – звон утих. Теперь она точно не уснет. Еще один день жить в мучениях. Еще одна ночь миновала без сна.

Пока супруг одевался, она планировала работу на день. Надежда угасала, и все же домохозяйка стремилась выбиться из сил. Может в этот раз повезет.

День прошел. И когда Зина услышала в прихожей кашель, то помрачнела и хотела придушить кого-нибудь. Она не поздоровалась с мужем, только язвительно взглянула. Он улыбался чему-то, и это еще больше раздражало.

– Чяго ты лыбу давишь, шо, поддал на работе с дружками? – сказала она.

– Вот, смотри, что я принес, – тихо сказал он и протянул пакетик с чем-то непонятным.

– Шо це таке? – она взяла и закрутила пакетик, – тьфу, что за чертовщина!

– Это беруши.

Снова появилась вера. Сегодня она ляжет пораньше.

Зина быстренько умыла Матрену, уложила и принесла печенье и стакан молока. «Спи крепко, моя сладкая, – сказала она, – мама сягодня тоже будет крепко спать».

Закуталась в одеяло, смяла беруши и засунула в каждое ухо. Беруши глухо расширились. Она испуганно выпятила глаза. Хотела вытащить и отшвырнуть их прочь, но совладала с собой. А когда перестала слышать шорохи и вздохи мужа – несказанно обрадовалась.

С улыбкой на устах Зинаида проснулась этим днем. Пощупала пустоту вокруг себя: муж ушел. Солнце пробивалось сквозь полуоткрытые глаза. Она сладко потянулась, захрустела суставами рук и ног. Помяла постель еще полчаса и поднялась. Надо маленькую покормить.

Зина заглянула в детскую, надеясь застать малышку еще в кровати, но все перевернулось. Во рту стало сухо, в глазах потемнело. Внутри что-то оборвалось. Ее горло разрывалось криком, но уши не слышали.

В глазах застыла картина опрокинутой кружки, скрюченного бездыханного тельца на полу и крошек у рта девочки.

Последняя запись

16 октября

Не знаю, чем еще себе помочь. Вроде бы я нахожу какую-то отдушину в этих излияниях. Мне хотелось разорвать и сжечь предыдущую запись, но я только вырвал ее из тетради, смял и положил в ящик. Вряд ли она ее найдет, хотя тетрадь лучше прятать. Сегодня она спокойнее чем...

Не хочу вспоминать тот день.

Когда я говорю «она», то имею в виду свою мать. Забавно, что я разъясняю, будто заранее знаю, что это прочитают.

Мать говорит, что в жизни надо уметь две вещи: складывать числа и связать удавку. Насчет первого можно поспорить, но насчет второго нет. Я пишу в этой тетрадке, а сестра меня отвлекает. Она выглядывает из-за дверного проема и озорно улыбается. Только я повернусь и встречу взглядом, она убегает. Вроде бы ничего и не случилось, но эти синяки... Сложно описать, что происходит внутри меня, когда случается это. Я цепенею, будто зверек в присутствии хищника. А потом мучаюсь и не могу уснуть. А теперь можно скоротать время за ручкой и тетрадкой, пока не задремлю.

Сестре три года. Она пока плохо говорит. Но если так и будет продолжаться, то лучше не станет. Наоборот. Она

уже заикалась после этого. Черт! Не могу вспоминать... Я злюсь. Хочу вырвать и этот лист. Будто начну писать заново и вычеркну прошлое, перепишу саму жизнь. Как бы хотелось, чтобы жизнь была подобна блокноту с записями. Темные страницы из прошлого сожгу и вместо них напишу добрую историю. Моя сестра – невинная душа. Я бы переписал и твое прошлое.

Мне непонятно, почему люди так поступают. Я не переношу насилия. С детства возмущали побои слабых ребят. Мне доставалось самому, но помимо телесной боли я чувствовал стыд. Мне стыдно за людей, которые избивали меня или еще кого. Вместе с разодранными ссадинами я страдал и вопросом, ответ на который не нашел.

«Подставь другую щеку», – говорю я себе. Ведь я должен отличаться от этих людей. И пока я поступаю иначе, то не стану таким же. Хочется верить, что все изменится. Но пока не вижу и лучика надежды в конце этого длинного овечьего мраком тоннеля. Где-то я слышал, что стоит заканчивать на положительной ноте. Ну что же, я жив и здоров, хотя предпочел бы быть неживым или хотя бы нездоровым. День закончился без неприятностей. Только этому уже стоит радоваться.

18 октября

Это снова случилось. Вечер. Наташу укладывали спать. Она немного вредничала, и маму это раздражало. Я понимал, что сейчас начнется, и заперся в комнате. Когда я был уверен, что все обошлось, то услышал хриплый вскрик мамы, резкий хлопок, будто ударили в ладоши, и пронзительный визг сестры. Моей бедной и несчастной сестры.

Когда все спали, я тарасился в стену с напряженным гнетом внутри. Холодная и бездушная стена походила на мою сущность. Стена ничего не сделает. Она не поможет, если в этом нуждаются. Стена служит опорой, но я прогнившая стена, которая обвалится на всякого, кто прислонится. Я ворочался в кровати и корчил лицо от неприятного чувства в животе. Не спалось, поэтому я встал и записал эти мысли. Открыл тетрадку, ручка зацарапала по листу. Я нервно бросал взгляд сквозь открытую дверь в темноту. Боялся, что мама проснется. Или проснется Наташа, и мама пойдет успокаивать ее наставлениями. «Наташа, почему ты не спишь?! Давай спи! Хорошие девочки ночью спят! Ты ведь не хочешь рассердить маму...»

Мне кажется, мама в ловушке. Она привыкла приказывать, а не просить. И все выполняют то, что она говорит. Она не хочет как-то увлечь человека, мотивировать что ли. Зачем? Достаточно грозно произнести просьбу, и ее выполняют.

Я бы назвал это ловушкой авторитарного управления, будь я психологом.

19 октября

Я так и не заснул прошлой ночью. В полудреме я вспоминал те дни, когда избегал встречи с ними. Я был еще подростком, когда меня отвели за гаражи и начали бить по лицу. Я не столько испугался, сколько впал в недоумение. За что со мной так, ведь я не сделал ничего плохого? А если и сделал, то зачем сразу бить? Разбили губу – во рту заструилась солоноватый вкус крови. Они вдоволь наигрались мной, пригрозили следующей расправой и ушли. После этого я не мог спокойно выходить на улицу. Еще издали увидев подозрительную компанию, я пятился, словно рак. Иногда было не сбежать, и я откупался деньгами, которые давали мне в школу на перекус. И вместо ран телесных я получал раны душевные. С одной стороны, я закипал от несправедливости и порывался пустить в ход кулаки. С другой, я затухал от говорившего внутри голоса: «Подставь другую щеку». И голос побеждал.

Наташа играла с мамой, я слышал только смех. Внезапно мама упала на колени. Она сидела на полу и всхлипывала. Наташа испугалась и убежала. Я хотел было помочь, но мать отмахнулась и сказала: «Уйди!»

Она скрывала это, а теперь домыслы подтвердились. Она нездорова. Когда мы остались без отца, мать взвалила на себя все заботы. Она изнашивала себя без перебоя. Я и рань-

ше замечал в ее походке нечто болезненное. Временами она забывала о недомогании, и мое беспокойство притуплялось. Каждый день она уходила на работу и простаивала по 10 часов у кухонной плиты. А по приходу готовила и дома. На выходных устраивала уборку и стирку. Когда же боль в ногах возвращалась, сил хватало только доползти до кровати.

Мать сегодня изрядно устала, еще это падение. Все обошлось, но если она еще раз ударит Наташу, то я должен... что я должен? Я должен как-то помешать. А что я могу? Мне хочется сделать с ней то же, что и она с Наташей. Пускай почувствует, насколько это приятно. Сколько удовольствия получит, и сколько оно будет напоминать о себе, а если я увлекусь... что я несу? Это же моя мать! Черт. Чем глубже я копаюсь в мыслях, тем страшнее открываются стороны. Раньше я не задумывался о переживаниях. Они просто копились. Теперь их слишком много, чтобы носить с собой. Лучше я выплесну все на бумагу, чем сделаю достоянием своих будней. Емкость для сточных эмоций рано или поздно переполнится, и будет утечка со всеми вытекающими. Я говорю о взрыве. Он случается, когда люди держат все в себе.

20 октября

До сих пор чувствую себя подвешенным за нити. Будто мной управляет неведомый кукловод. Помню, солнце светило ярко. Лучи просачивались сквозь окна и озаряли летающие пылинки. Наташу не видно, но ее шепелявый голос отчетливо слышался рядом. Мама стояла за плитой и мешала деревянной ложкой в огромном металлическом чане. Я подошел. В таре кипела и пенилась коричневая вода. Летящий в лицо пар обдавал запахом грязных половых тряпок. Когда пена отступила, на мгновение показались очертания маленького и обваренного детского тела. Я отшатнулся и спросил: «Что это?» Мама весело посмотрела на меня, сказала: «Твоя сестра!» – и залилась хриплым смехом. Все звуки пропали, слышен только нагнетающий смех.

На столешнице лежал незнакомый кухонный нож. Я только на секунду задумался, откуда он у нас, как ощутил холодную сталь рукоятки. Выпад был быстрый. Я даже не почувствовал, как острие входит ей в живот. За одним ударом шел следующий. Я словно разрезал воздух, настолько движения плавны и беспрепятственны. Глаза впились в ее лицо. Оно выражало дымку боли, которая сменилась легким удивлением. Ее бледные губы что-то шептали. Мне показалось, это слова благодарности. Лицо пропало. Послышался глухой стук, будто упал мешок с песком. Я поднял руки и

разглядывал, как на ладонях размазаны красные пятна крови. Я побежал в ванную. Думал, что если отмою руки, то отмою и совесть. Намыливая ладони, я посмотрелся в зеркало и оцепенел. В отражении на меня смотрело старое морщинистое лицо, в очертаниях которого я узнавал мать. Я сдавленно крикнул и понял, что сплю.

Разомкнув ресницы, я глубоко вдохнул и сжал простыню в кулак. Лоб покрылся испаринами холодного пота. Несмотря на испуг, я ощущал какое-то странное удовлетворение. Жутко признаваться, но я был счастлив, когда убил мать. Целый день я сторонился и маму, и сестру. Как только становилось тихо, я подрывался и искал Наташу. Найдя ее, успокаивался и снова прятался в комнате. Этот день был спокоен для Наташи, но не для меня.

23 октября

Ненавижу ее! Эту тварь! Я снова беспомощно свернулся в калачик, пока с комнаты доносились глухие шлепки, от которых воротило. Она истерически вскрикивала, а сестра взахлеб плакала. Это заходило слишком далеко. Я вышел, чтобы прекратить это. Но увидел очертания ее массивной спины и окаменел. Ее рука вздымалась и опускалась со шлепком, вздымалась и опускалась. Наташа бросалась ей в ноги и заливалась слезами. Мать замахнулась еще раз, сама отчаянно взревела и рухнула на пол. Наташа в испуге отбежала. «Так тебе и надо!» – подумал я, взял сестру за руку и отвел в другую комнату.

Этот приступ был сильный. Она медленно подползла к краю дивана и неуклюже забралась. Переводя дыхание, она пристально смотрела мне в глаза и пыталась что-то сказать. Я подошел. Она прошептала: «Ничтожество!»

Сложно припомнить, что было дальше. Помню слабость в ногах, как я поплелся к себе и заперся. Снаружи все стихло. Вмиг наступила ночь. Все легли спать, а я измученный мыслями не смыкал глаз. Я встал и под блеклый луч настольного светильника выплеснул желчь.

(Написано позже)

Хорошо, что Наташа спала. Скорая приехала быстро. Вообще все стало протекать быстро. Чувство времени искази-

лось. Это было ночью. Я ворочался и проваливался в сон, как услышал стук. Я думал посмотреть, что это, но не уговорил себя. Может, все могло быть по-другому, если бы я поднялся. Под утро я проснулся от странного шороха. Я встал и заглянул в комнату мамы, ее постель смята и пуста. Наташа мерно посапывала. В туалете горел свет. Я пробормотал на подобии: «Мама, ты там?» – но ничего не услышал в ответ. Шорох доносился оттуда. Сквозь приоткрытую дверь я увидел, как старые в коростах пальцы ног трутся об опущенную крышку унитаза.

Санитар снял ее, обрезав веревку. Он ослабил узел и стянул петлю. Я увидел рваные синяки на горле и плетеный узор удавки вокруг шеи. Санитар что-то спрашивал, а я отстраненно отвечал или нет. Не помню. Пришла мысль о посмертной записке, и я осмотрел туалет. Ничего не было. В спальне тоже ничего. На кухонном столике я нашел оборванный листок и ручку. На листке ничего не написано, лишь бессвязно нацарапаны буквы. Видимо, ручка не писала.

Не знаю, как жить без мамы и что сказать сестре. Но я уверен, что эта запись была последней.

13 октября (запись вклеена)

Я не знаю. Не знаю. Черт. Хочу искусать ногти до крови, потому что разрываюсь. Колотит это чувство. Как поступить?! Не выдержал и решил покаяться в тетрадку. Она била ее так сильно, что я вздрагивал с каждым ударом. Я хватался за голову, хотел рвать на себе волосы. Сестра кричала. Эти крики царапали когтями внутри. Сердце бросало в конвульсии. Удар, крик, удар и снова крик. Я кусаю пальцы, чтобы боль заглушила тревогу.

Я порывался остановить это. Нельзя бить сестру! Нельзя бить вообще никого! Но она ведь моя мать. Я не могу перечить той, которая кормила и вырастила меня. Это понятно, Наташа вредничает, детей надо воспитывать. Мама тоже права. Права? О чем это я? Она поступает жестоко и несправедливо. Почему она это делает? Почему не поступает по-другому?

Потом все устаканилось. Я потихоньку отошел. Но когда увидел сестру, то стал полым без всякого содержимого. На ее личике проявились два синяка: один над бровью, другой на щеке. Нос припух, а справа над ухом не хватало пряди волос. Я заморгал, глаза заслезились. Она растрогалась, подбежала ко мне и сказала своим шепелявым голосом: «Не плачь, братик».

Неудачник

1

Глаза закрыты – пахнет спиртом и резиной от перчаток. Глаза открыты – слепящий свет лампы и она.

– У вас прекрасные зубы, – сказала молодая врач, – и понятно почему, вы так часто приходите. Кстати, сколько раз? Два? Три?

– Мм, – отрицательно промычал пациент на кушетке.

– А сколько? Неужели четыре?

– Угу, – глухо подтвердил он. Его язык прижат стоматологическим зеркальцем.

– Вы, наверно, мой лучший пациент! – сказала врач и растянула медицинскую маску в улыбке. Он улыбнулся в ответ.

– Кстати, – сказала она и посмотрела на вазу с полевыми цветами, – это очень неожиданно.

Он поднялся с кресла, вытер рот носовым платком и стоял, нервно постукивая носком об плитку кафеля.

– Что-то еще? – сказала она.

– Нет-нет, – замешкался он, кивнул и вышел из кабинета.

Он снял с вешалки потертое пальто и втянул худые руки в растянутые рукава. «Может, все-таки сказать?» – подумал он и посмотрел на дверь. Он потянулся к дверной ручке и

услышал с той стороны заливающийся женский хохот. «Как это глупо!» – подумал он, шаркнул источенным каблуком и ушел прочь.

Дорога усеяна желтыми опавшими листьями. Вспоминая свою трусость, он с размаха пинал охапку листьев и бормотал ругательства. Иногда он останавливался и рассматривал узорчатое полотно под ногами. Он переводил взгляд с осенних разлитых по дороге красок на изношенные ботинки. Он несчастно вздохнул и посмотрел вверх. Голые ветви деревьев под куполом серого неба. Он достал пачку сигарет, жадно распечатал и помедлил. Убрал обратно не закурив. Всю дорогу от поликлиники до общежития он упрекал себя в тщедушности.

Он поднялся по бетонным ступеням с каменной крошкой и вошел к себе в комнату. Скрипнула кровать: встал коренастый грузин с волосатой грудью.

– Сказал? – проговорил он твердым грузинским голосом.

– Нет.

– Эх, Митя, а цветы подарил?

– Подарил.

– А она?

– Ничего.

Остаток вечера Митя мелкими глотками потягивал грусть. Друг грузин старался растормошить его, но тщетно.

Завтра ждал остаток скучной трудовой недели. Митя порывался сбежать от рутины. Сбежать от переписывания на-

кладных, расфасовки входящей корреспонденции, заполнения бланков и прочей бумажной волокиты. Подальше от офисной духоты и бюрократических проволочек. Но Митя, словно канцелярская скрепка, заперт в комод письменных, печатных и режущих бумагу принадлежностей. Он, канцелярская скрепка, скрученный и изогнутый ходит по коридору, а на встречу шагает важный мистер дырокол, а следом изящная мисс ножнички. Скрепка заглядывает в кабинет, где за столом сидит расфуфыренная перьевая ручка. Ручка отчитывает антистеплера. Последний часто бывал на ковре. Скрепка добирался до стола, где высота бумажных стопок не равнялась заработку.

Митя всунул ноги в резиновые шлепки и пошаркал по линолеуму в ванную. Он кривился и хмурился перед зеркалом: выискивал шероховатости и недочеты. «Надо было лучше бриться», – подумал он. Митя почистил зубы – в глубине рта неприятно дернуло. Он напряженно осмотрел и ощупал языком каждый зуб. Ничего. Она ведь смотрела, значит все в порядке.

Осталось начистить обувь. Митя взял ботинок, протер влажной тряпкой затверделую кожу и сощурился. Показалось? Дремота улетучилось. Внутри противно заскрежетало. На носке ботинка нарисовалась дырка. Митя отвел глаза и наткнулся на новенькие туфли Арсена, друга грузина. Митя опустил башмак рядом со вторым. Он ушел в комнату, так и оставил один ботинок намытый, а другой в грязи.

– В картишки? И этого? – сказал Арсен и кивнул на бутылку вина.

Митя понуро прошел мимо вопроса и плюхнулся на железную кровать с дряблым матрасом. Тело раскачивалось вверх-вниз – пружины разрывались скрипом. Митя повернулся к стенке и укрылся пледом, от которого пахло пылью. Накатила жалость – Митя закусил губу. Холодный и острый нож режет руку – физическая боль заглушает душевную. Он решился бы на это, будь немного смелее. Тряпка! Глаза увлажнились. Он еще раз закусил губу и шмыгнул носом.

– Э-э-э, Митя, – осторожно сказал Арсен, – ты не заболел?

– Мм, – отрицательно раздалось в ответ.

– Не убивайся ты. У нас на сэле говорят: чем больше стараешься, тем больше ноги устают. Не понятно? Давай разъясню. Ты вот когда на дискотеку приходишь потанцевать, что делаешь? Правильно! Приглашаешь девушку на танец. А если девушка скажет нэт? Что тогда? Правильно! Разворачиваешься и уходишь домой.

Митя поерзал, скрипя пружинами.

– А вот и нэправильно, – продолжал Арсен, – еще у нас говорят: на шесть категорическое нэт есть одно категорическое да! Так что идешь и приглашаешь еще. Но девушек надо тасовать. А то, кто знает, где окажется пиковая дама. Да знаю я, что ты не веришь в это. Понял?

Митя уже изрядно провалился в сон и вместо ответа неясно пробормотал. Веки слегка подергивались, а озябшие но-

ги согревались. В полудреме он представлял ее. Стройную в летнем сарафане. Она идет навстречу, развевая локоны волос. Ее кожа смуглая от жаркого солнца, а волосы золотистые. Пестрый платок на шее трепыхается, как воздушный змей на ветру. Она подходит и берет его за руки, а он поднимает их и целует. Но сказка незаметно ускользнула, перед глазами замельтешили бумажные листы с печатями и искривленным почерком.

2

– Митя! – сказал Арсен и толкнул в бок, – что с тобой?

– Что? – Митя отмахнулся.

– Да ты стонешь бэз умолку.

С этими словами половину челюсти свело от боли. Митя откинул плед на пол, прижал щеку ладонью и мучительно простонал. Он рассеяно смотрел на друга. Боль застала врасплох. С ранних лет Митю приучили следить за зубами. «Смотри! – говорила его мать, – и у тебя будет так же, если не будешь следить за зубами!» – и Митя смотрел в рот отцу. Смотрел на прогнившие пеньки, которые торчали на расслоившейся блекло-розовой почве. Черные пораженные острым кариесом зубы пахли разложением.

– Таблэтку съешь? – сказал Арсен.

Митя затряс головой в знак согласия.

– Сейчас, погоди, – Арсен вышел из комнаты.

Минуты тянулись в ожидании друга. Митя старался отвлечься от судороги в левой половине рта. Губы подергивались, словно в них пускали электрический разряд. В темной и прохладной комнате общежития, которую Митя делил с Арсеном, предвиделся отрезок жизни. Митя видел молодого и амбициозного студента, который заканчивал юридический факультет, и временную работу, чтобы набить опыт – это сейчас. Прошрое не интересовало. А что потом? Та же

работа только постоянная, та же комната только в одиночестве. Митя видел не себя, он видел отца – покинутого и безнадёжного.

Митя зажмурился и тряхнул головой, как бы вышвыривая мысли. Он вылечит зубы. Сойдет с натоптанной тропы отца.

Вошел Арсен и мягко притворил дверь.

– Как оно? – сказал он.

– Болит.

– Таблетки нэт, но есть капли, сосед одолжил, – Арсен открутил пластиковую крышку на флаконе и промочил клочок ваты. – Приложи.

От ваты пахло валерианой. Митя пропихнул клочок вглубь рта и прикусил. На язык разлилась морозящая жидкость. Митя представил, как розовый шероховатый язык покрылся инеем. Боль медленно притупилась. Митя накинул на себя остывший плед. Глаза завернулись за веки.

3

– Вата! Везде Вата! – кричал перьевая ручка и тыкал острием пальца в кипу бумаг на столе.

– Вата? – как бы переспрашивал Митя. Он переминался с ноги на ногу. Ступни вдавливались и проминались, будто уходили сквозь красный узорчатый ковер на полу.

– Убери это и переделай!

– Вата, – сказал Митя, взял кипу и виновато понес к себе. Стопка бумаги увеличивалась на ходу и закрывала голову. Руки слабели. Митя пошатывался, идя по коридору. С верхушки слетали листы и медленно приземлялись на дощатый пол. Было безразлично на протоколы и деловые письма, которые оказались под ногами. Хотелось скорее дойти и освободить онемевшие руки.

– Как это возможно?! – крикнула изящная мисс ножнички из-за угла. – Это недопустимо!

Важный мистер дырокол провожал Митю презрительным взглядом и неодобрительно хмыкал.

– Ах, мистер дырокол! – говорила мисс ножнички, – сделайте же что-нибудь! Он затопчет все документы!

Важный мистер дырокол стал презрительнее всматриваться и громче хмыкать.

– Вот дает! – потешался антистеплер. – Так и надо, Митя!

Митя опустил кипу на стол – странная вялость и напряженность рук сохранилась. Он плюхнулся на стул, который всегда был жесткий, но теперь казался мягким, как кресло. «Вата», – подумал он и скривился от странного чувства во рту. Язык нащупал нечто бесформенное и шаткое. Он потрогал пальцем странную штуку, ухватился и вытащил изо рта. Большой белый зуб. Неприятно кольнуло в животе. Язык ощущал пустоту и гладкую десну. Митя посмотрел на ладонь и отстранился: теперь лежало два зуба. Он судорожно пересчитал зубы – еще одно пустое место. Он поперхнулся горечью, которая осела в глотке.

Митя рассматривал зубы. Они неестественно большие и не могли помещаться во рту. Митя сжал пальцами зуб, он оказался мягким и как бы пружинистым, а форма напоминала больше шар, чем форму зуба. Это похоже на...

– Вата! – доносился крик перьевой ручки. – Это все вата!

Глухо зазвенел будильник – Митя подскочил.

– Да тихо ты, – пробурчал Арсен, – сейчас выключу.

Щелчок – звон прекратился, еще щелчок – комната наполнилась желтой рябью. Митя закрыл лицо локтем и простонал.

– Слушай, сходи-ка еще раз к ней, – сказал Арсен. – Не ходи на работу. Скажу, что ты приболел.

Митя нащупал во рту кусок ваты и выплюнул. Он пробежал языком по зубам и облегченно выдохнул.

Утром привычный солдатский завтрак: кофе и сигарета. Только без кофе.

Митя зашел в холодный и тусклый холл поликлиники. Пришел на следующий день после осмотра. Как бы объяснить? Кабинет номер «9», рядом табличка: «Стоматолог Шапкина Анна Марковна». Митя неспешно потянулся к двери, позади нервно кашлянули. Спину прожигали взгляды заspanных пациентов. Пробежал холодок от мыслей: придется говорить, что ему только спросить, или корчить лицо, изображая острую боль. Но дверь внезапно открылась и ударила по руке. Митя покраснел и прижал губы.

– Ой! – раздался голос за дверью пожилой медсестры в белом халате, – а вы что тут делаете?

Митя что-то пролепетал.

– Что? зуб болит? – сказала медсестра, – а чего вчера молчали? Ах, этой ночью заболел. И сейчас болит? А, хотите, чтобы посмотрели, – она захлопнула дверь. – Горохин снова пришел, – слышался приглушенный голос за дверью, – говорит, зуб болит.

Дверь открылась. «Подожди, мы тебя пригласим», – сказала медсестра.

Испепеляющий взгляд пациентов смягчился, когда Митя Горохин покорно сел на лавку.

Утренняя суета отвлекла, но сейчас Митя уткнулся в ожидание. Вернулась ноющая боль в челюсти. Горохин вспомнил о флаконе с вонючей жидкостью и машинально похлопал по карманам. Оставил дома. Сколько придется ждать?

Левая часть рта пульсировала, словно биение сердца. Горохин постукивал передними зубами. Бам! Будто игла пронзила десну и внутри что-то разорвало. Плечо дернулось, а рука подпрыгнула и прижалась к щеке. Горохин жалобно простонал. Кто-то возмущенно вздохнул. Митя встал и подошел к двери. Хотелось попросить таблетку или что-нибудь в этом роде, но как-то стыдно.

Звук бормашины прекратился. Из двери вышел тучный мужчина. Он отирал салфеткой подбородок и губы. Высунулась медсестра и сказала:

– Горохин, заходите!

Он зашел – дверь захлопнулась. Ноги ели волочились к креслу, а глаза опустились в пол.

– Что случилось? – спросила стоматолог нежным голосом, – неужто три месяца прошло?

– Да, – сказал Горохин и почувствовал себя идиотом. Она посмеялась.

– Так, правда, что?

– У меня это... зуб, – Горохин судорожно показал пальцем в рот.

– Так, ложитесь, – сказала она и взяла инструмент.

– Слева там...

– Молчите, – перебила она, – так болит? – она постучала по зубу, – нет? А так? – он дернулся и простонал. – Ага, левая нижняя шестерка. Нужно вскрыть пломбу и посмотреть, что там, делаем? – Горохин утвердительно покачал головой. – Шире рот, – сказала она и вставила насадку в бормашину.

Она цокала языком и неодобрительно вздыхала. Прядь ее волнистых волос свисала из-под белой шапочки и ложилась на прозрачные очки. На секунду она отвлекалась и поправляла прядь. Она увлеченно продолжала добираться до источника неприятностей, временами меняя насадку и всматриваясь в рот. Она опустила руки на Горохина и задумалась. А когда выпала из думы, вновь принималась ковырять зуб.

– Нет, – сказала она, – не выходит.

Она еще помучилась и окончательно сдалась.

– Не получается пройти каналы, – сказала она, – нет у меня нужного инструмента, – она выдержала паузу. – Вам нужно в платную клинику, там сделают. Понимаете, у них специальная машинка есть. Надо все каналы прочистить, чтобы зуб спасти, – снова пауза, – правда, стоит это будет так... – и Горохин услышал свой месячный заработок, помноженный на два.

Горохин шел по разбитой дороге и щурился от летящего в лицо первого осеннего снега. Ветер задувал, и снежинки резали глаза, как стеклянные осколки. Он закрывался рукой, но снег все равно залетал. Ресницы так часто моргали, что в размытом свете фонарей не различить дорогу. Изредка проезжал автомобиль и освещал путь к автобусной остановке. Скверно на душе. Ноги вяло шли в контору. Ждала бессмысленная и угнетающая работа, фырканье канцелярских принадлежностей и жалкая оплата за отработанные часы. Единственное, что хотелось – добраться до койки и упасть в забытью.

В номер проезжающих автобусов было не всмотреться. Горохин тормозил каждый автобус и махал руками, если тот был не его. Первый проехал мимо, второй мимо, третий, четвертый... «Если так пойдет, то я к чертям развернусь и попрусь в общагу!» – подумал он и подъехал номер «39». Его номер. Свободных мест нет – Горохин выругался и встал по центру прохода.

Снегопад закончился. Горохин шел по слякоти и вертел стальной зажигалкой в кармане. Временами он доставал сигарету, крутил в руках и напряженно засовывал обратно в пачку. На подходе к складским ангарам и офисному домику, где он работал, вышел навстречу Арсен.

– Будь осторожнэй – сказал он, когда поравнялся с Горохиным.

– А чего там?

– Да сукин сын все не заткнется!

– А сам-то куда намылился? Торопишься еще и при параде, с документами какими-то, – Горохин окинул Арсена пристальным взглядом.

– А это, друг, не надо знать.

– Да знаю я, знаю, куда идёшь, перебежчик. Бывай.

– Иди ты!

Еще с лестницы слышно, как перьевая ручка надрывается над кем-то несчастным, вероятно, антистеплером. Хотелось незаметно проскочить в свой угол и невозмутимо разгрести бумаги. Митя медленно открыл дверь в коридор и шагнул вперед.

– Горохин! – заорал перьевая ручка, – зайди ко мне!

Митя понуро поплелся на ковер к директору.

– Звали меня? – сказал он, невинно вопрошая взглядом.

– Тебе заняться нечем, как приходиться на работу к обеду? – прошипел перьевая ручка.

– Еще только одиннадцать.

– Я знаю, сколько времени! – перьевая ручка затряс руками и оголил желтые пятна в подмышках на белой рубаше с пестрым галстуком. – Ты знаешь, сколько фирма теряет, когда ты отлыниваешь? – не унимался ручка, – я все вычту из зарплаты!

– Кстати, о зарплате, – выпав из задумчивости, сказал Горохин, – мне бы оклад поднять, на лечение надо.

На раскаленном лице перьевой ручки вот-вот выскочат волдыри. Горохин выбежал из кабинета.

Он сел за рабочий стол и старался не глядеть на гору бумаги, которую предстояло разобрать. Придется задержаться на работе. От вида бесконечных белых стопок подташнивало. На краю стола лежала цветная брошюра. Горохин с любопытством взял ее и пролистал. На обложке было название: «21 способ казаться занятым».

«Да за такую книжку могут и штраф впать», – подумал Горохин и убрал книгу в нижний шкаф стола.

Из стороны в сторону ходили служащие. Кто угрюмый, а кто весело переговаривался. Горохин взял накладную, пробежал по ней глазами и громко шлепнул печатью, оставив круглый синий след. Он оторвался от бумаг – по коридору все шастали. Горохин взял новый лист и еще громче вдавил печать. Ничего. Никто не посмотрел. «Меня не существует», – подумал он.

Руки деревенели, становились частью стола. Глаза перестали моргать, волосы и ногти расти, сердце перестало биться. «Мебель, – думал Горохин, – здесь я всего лишь офисная мебель».

– Ну и денек сегодня, – голос вырвал Горохина из бреда. Это антистеплер. – Как тебе книжечка?

– Почему паршивый? – сказал Митя.

– А ты не читаешь те бумажки, которые подписываешь?

– Нет.

Антистеплер был пухлым коротышкой. Когда он вливался в новый коллектив, то выискивал неудачников похожих на него и старался сблизиться с ними. Два месяца он терся вокруг Горохина, оставлял ему сувениры на столе. Горохин даже не знал его имени. Никто не знал. Митя про себя так и называл его – антистеплер.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – сказал Горохин.

– Какая проблема? У меня нет проблем, – залепетал антистеплер.

– Ты не своим делом занимаешься.

– Это я-то?! А ты... ты даже не понимаешь, что делаешь!

– Ты сколько работ сменил? – продолжал Горохин.

– Две или три не больше...

– Заливай дальше, ты уже за пятнадцать перевалил. Рассказывали мне.

– Кто рассказывал?

Горохин махнул рукой и принялся за работу. Он положил перед собой очередной документ и долго в него всматривался: выискивал какой-нибудь символ или узор в напечатанных словах. Стрелка часов перевалила за шесть вечера, а бумаги на столе и не убавилось.

Приятное чувство, когда с холода заходишь в тепло – первое, что порадовало за день.

Стук, стук – отдавали эхом в парадной низкие ступени. Звяканье связки ключей. Поворот, еще поворот и тянущий скрип двери. Горохин вошел в общежитие. Он сел на кушетку, стянул затверделую обувь и поглядел на новенькие туфли Арсена. Завтра нет работы, выходные – это второе, что порадовало.

Горохин сбросил пальто и напрямиком пошел в ванную. Он кинул в жестяной таз растянутые носки с протертыми пятками, открыл воду в раковину и обильно намылил руки. Только он замечал грязь на пальцах, тут же бежал отмывать. Помимо чернил он смывал пыль, которая оседает на руках после работы с бумагой.

Митя заглянул в зеркало. Казалось, он давно не видел собственного лица. Настолько, что забыл, как оно выглядит. Он помнил ее лицо: большие серые глаза, длинные и завитые ресницы, прямые брови, нос немного с горбинкой и тонкие очерченные губы. Манящие губы. Помнил лицо Арсена: широко расставленные черные глаза, густая бровь на всю ширину лба, длинный рот с неровными зубами. А свое не помнил.

Он всмотрелся. Красные опухшие веки. Темные болезненные мешки под глазами. Склеенные гноем ресницы.

Сальные черные волосы свисали прядями и скрывали прыщи на лбу. Горохин открыл рот и стал рассматривать зуб с временной пломбой. Он сунул палец вглубь, постучал ногтем и мучительно скорчился. «Я не стану своим отцом», – твердо сказал он.

– Как отработал? – спросил Арсен и приподнялся с кровати, – все сдѣлал?

– Паршивый день сегодня, – сказал Горохин, – слушай, Ара, можешь достать подработку?

– В смысле? Я, по-твоему, газета тысяча вакансий? – сказал Арсен.

– Ладно тебе кипятиться, мне деньги нужны. Залечить зуб.

– Совсем худо?

Митя грустно кивнул головой.

– Ай, что же для тебя... – сказал Арсен и зачесал подбородок, – есть вариант, – он щелкнул пальцами, – хорошему знакомому нужен помощник на склад. Тяжело там, но платят сразу. Ты ведь из конторы не надумал? Смотри, оставайся там, пока...

– Да-да, – перебил Горохин, – когда идти? Завтра можно?

– Э-э-э, какой ты напористый. Так хочешь повидаться с врачом? – у Арсена заблестели глаза.

– Пошел к черту!

– Не горячись. Зайди завтра на хлѣбную фабрику и скажи, от меня. Дадут тебе работу. – Арсен порылся в тумбочке и

достал колоду карт, – сыграем?

Горохин отмахнулся. Он повалился на скрипучую кровать и укрылся с головой дряхлым пледом. Мутный свет лампы погас. Все не так уж и плохо. Месяц-другой упорно поработаю. Учебу пока заброшу, но к экзаменам наверстаю.

– А как твоя перебежка? – спросил Горохин, – у конкурентов лучше?

– Да непонятно, еще раз пойду. У них там...

Горохин закрыл глаза и слушал, словно сказку на ночь. Смысл слов не доходил, осталась лишь мелодия грузинского баритона. Завтра желанная подработка – и это третье, что порадовало за день.

На пропускной проблем не возникло. Заветный пароль: «я от Арсена Григорадзе» – будто все двери открывал. «Общительный же гад!» – думал Горохин. Он зашел в цех, согнулся и притянул руки к ушам: что-то безумно грохотало. Вышла женщина в испачканном фартуке и устала на Горохина. Он сложил руки рупором и проорал: «Где начальник склада?» Женщина указала на дверь.

В отсыревшем складе у подъездных ворот стояли трое. Один из них яростно размахивал руками. Горохин подошел. Стоял парень в изодранном халате и испуганно озирался. Рядом пожилой мужчина в кожаной кепке с накладными в руках – это водитель грузовика, который стоял у ворот. Горохин определял любого человека по тому, как он держит накладные, – побочный навык профессии. И тот, что возмущался, – толстый, сгорбленный, с седыми зализанными волосами. Он повернулся к Горохину и сощурился. В зубах у него дымила сигарета. Он взял ее в руку, стряхнул пепел на пол и сказал:

– Ты кто?

– Я это... – запнулся Митя, – от Григорадзе.

– А-а, погоди минутку, – он отвернулся обратно. – Уберите это на хрен, вычеркните ручкой и отправляйте, остальное я приму! Свободны, – он мягко взял Горохина за край плеча

и плавно отвел в сторону, – ну, мой дорогой, все принес?

– В смысле? – сказал Горохин.

– Деньги принес? – процедил начальник склада.

– Деньги? Нет...

– А на кой хрен ты здесь?

– Так я это... работать, – пролепетал Горохин.

– А-а, что ж ты о деньгах сразу? Еще не заработал! Но ты вовремя, будешь на этом участке помогать. Тяжести таскал? – он пощупал руки Горохина. – М-да, хиловат. Сегодня разгрузишь ту фуру с мукой. Смотри, я тебе работу объясню! – он пощелкал пальцами перед лицом Мити. – Сегодня мука, завтра рожь. Сегодня мешок 50 кило, завтра 30. За мешки головой отвечаешь!

Горохин замялся.

– Плачу в конце недели, – продолжал начальник, – отработаешь полгода, дам надбавку. Эй! Тупицы! Куда вы это тащите? – заорал он на рабочих, – несите это обратно! Так, о чем я? А! Значит надбавку. Только головой отвечаешь! – он легонько ткнул пальцем в голову Горохина. – Взял мешок оттуда, – он показал на ворота, – и тащишь вон туда, – он протянул руку в другой конец склада. – Давай, принимайся. Сегодня нужно все перетаскать! – он хлопнул Горохина по плечу. – Тупицы! Я куда сказал тащить! – он отошел в сторону и помахал Горохину, как бы подгоняя заняться работой.

Митя подошел к воротам и заглянул в прицеп грузовика. Доверху набито белыми мешками. Он приподнял край меш-

ка. Вроде нетяжело. Не снимая пальто, Горохин напряг руки и спину и взвалил мешок на плечи. Ноги затряслись, в голове пульсировало. Он сделал шаг и покосился в сторону, семеня ногами.

– Я же сказал, тащить обратно! – орал начальник на рабочих в халатах. – А вы куда поне... – слова прервались глухим шлепком издали. Начальник повернулся к воротам. Там вился столб мутного дыма. Он подбежал. На полу валялся рваный мешок, от которого вели темные следы на белом фоне к выходу.

– Вот кретин! – сказал начальник.

Горохин широко шагал и отряхивал муку с пальто. Что сказать Аре? Мысли путались. Он ступал по размякшей земле. Старался обходить лужи и таящий снег, но все же наткался и по щиколотку нырял ботинком в ухаб. Одна нога начинает промокать, вторая уже вымокла. Горохин ускорил шаг и свернул на рыночную площадь: так короче. Он вертел зажигалку в кармане. Вынул пачку сигарет и то открывал, то закрывал крышку большим пальцем.

Он проходил вдоль прилавков с подвешенными колбасами и свиными ногами, вдоль сырных рядов и ведер со сметаной, как внезапно остолбенел. Среди гама толпы и выкриков продавцов Горохин услышал ее голос. Глаза порыскали и наткнулись на светлые волнистые волосы, они их не спугают. Митя зажался. Хотелось украдкой наблюдать за ней. Она повернулась. Горохин схватил, что попало под руку, и закрыл лицо.

Ему хотелось, чтобы под рукой оказался журнал или газета, как бывает в фильмах. Но подвернулась рыба. Он держал ее за склизкий хвост и прижимал жабры к щеке. Проткнутый глаз рыбы будто косился на него, а открытый рот выражал негодование. Запах тины и разложения ударил в нос. Запах напомнил отца.

– Эй! Ты что делаешь? – заорала толстая тетка с прилавка.

– У вас рыба тухлая! – заорал в ответ Горохин и бросил рыбину обратно.

Она стояла перед ним в бежевом пальто. Щеки нарумянены, а на губах игривая улыбка. А Горохин в заляпанном мукой пальто и с жирным пятном на щеке.

– Это вы? – сказала она, – как ваши дела?

– Дела, дела, – бормотал он, вытирая щеку рукавом, – скоро пойду на прием.

– А, вы про свой зуб. Да я в общем спрашивала.

Секунду помолчали.

– А как у вас дела? – сказал Горохин.

– У меня вечер свободный выдался. Не знаю, чем себя занять.

Снова помолчали.

– А вы как время проводите? – спросила она.

– Да так, – он пожал плечами. – Карты, вино, безделье, – Митя выдавил жалкую улыбку.

– Тогда хорошего вечера, – она медленно развернулась и стала пробираться сквозь прилавки.

Внутри Горохина что-то неприятно заерзало. «Вот дурак!» – подумал он, кусая губу и нервно подергивая ногой.

– Анна Марковна! – крикнул он и помчался за ней.

Он дотронулся до ее плеча. Она повернулась и притворно удивилась. Весь маленький путь от прощания до прикосновения к плечу она гадала: догонит или нет, позовет, не позовет.

– А может... – Горохин запнулся и покраснел. Внезапно до невозможности захотелось справить мелкую нужду. Она терпелива ждала. – Может, вместе скоротаем вечерок? – сказал он и подумал, что звучало как-то вульгарно.

– Может, – сказала она, все улыбаясь.

– Так это... – глаза забегали и наткнулись на вывеску с рисунком чашки, – может, кофейку?

«Боже! Почему я так странно говорю!» – подумал Горохин.

– Да, почему бы и нет, – сказала она.

– Тогда до вечера? – сказал он, скрещивая ноги.

– А может, сейчас пойдем?

– Сейчас? – чуть не завопил он.

– Да, или вы заняты?

– Нет, но надо зайти в одно место, – Горохин не хотел признаваться, где живет. – Давайте через час в кафе на углу Ремезова?

Он получил утвердительный кивок и поскакал в сторону общежития.

Анна Шапкина пожала плечами и тихонько пошла в сторону кафе. Домой не хотелось. Там скучно и пусто. Порой она выходила на улицу и гуляла среди незнакомых людей в потоке пешеходов. И вроде бы не одна, а все же одиноко.

Горохин опорожнил мочевого пузыря и пошел в комнату, перебирая в голове одежду. Рубашку темную или светлую? А галстук надевать? Еще пальто почистить, да и ботинки тоже. Ботинки...

– Уже управился? – спросил Ара и достал из-под матраца бутылку вина.

– А ты чего здесь? – опешил Горохин.

– Завтра важная встреча. Этот гад свободен только в воскресенье утром!

– Встреча?

– Конкуренты. Так что будь другом: не шуми сегодня. Лягу рано. Как поработал?

– Да так, – замялся Митя, – потом расскажу.

– Тогда неси бокал, разопьем, – сказал Ара и кивнул на бутылку.

– Да не, ухожу сейчас.

– На фабрику снова?

– Да не... потом расскажу.

– Потом, да потом, – сказал Ара и поднялся, – ай, ханжа...

– он махнул рукой и сел обратно.

Горохин пошарил в ящике письменного стола и нащупал бумажный сверток со спичечный коробок. Возьму наудачу.

Он зашаркал в ванную с пальто под мышкой. Наедине с

собой трудно скрывать радость от свидания. Да, эту встречу он так и называл «свидание». Горохин задумчиво мочил руку под струей воды и небрежно растирал рукава пальто. Он увлекся и спохватился, когда стало слишком мокро. Митя вытянул пальто перед собой. Теперь хоть отжимай. «Я безнадежен», – подумал он.

Он стоял перед дверью соседа и поглядывал на пальто, которое висело на чугунной батарее. «Может, высохнет? – подумал Горохин, – а если опоздаю? Нет, так еще хуже». Он отрывисто постучал в серую дверь – жухлая краска осыпалась. Противный скрип двери и запах нафталина. Перед ним стоял толстый мужчина в растянутой футболке и в грязных семейниках. В руках он держал пульт от телевизора. Сосед поднял брови.

– Слушай, – сказал Горохин, выкручивая себе руки, – а у тебя жена дома? В смысле, у нее есть фен? В смысле, фен у нее есть, но она могла бы дать мне его? Или ты...

Сосед прищурился.

– В смысле, мне надо это... – сказал Горохин и судорожно указал в сторону батареи, – пальто подсушить.

– Пальто подсушить, – хриплым голосом повторил сосед и повернулся. – Зина! Притащи сушку для волос.

Митя принялся за ботинки. Он тщательно вымыл один, взял второй, и настроение выветрилось. Дырка на ботинке расплзлась до подошвы. Неудачно запнешься, и пальцы ног прорвутся сквозь носок. Тряпка выпала из руки. Он нагнулся

за ней и увидел до блеска начищенные туфли. «Ляжет рано. Значит никуда не пойдет», – подумал Горохин. Туфли как раз впору.

Анна Шапкина сидела в кафе за столиком на двоих. Официант ловил каждый вздох девушки и дважды подходил. А она дважды говорила, что закажет, как только к ней придут. Из динамиков доносилось легкое пение на иностранном и гитарное сопровождение.

Между столиками стояли сетчатые перегородки, сквозь которых виднелись соседи. Сбоку сидела семейная пара с двумя детьми. Шапкина смотрела на грустное лицо мужчины, который медленно жевал мясо на сковородке. Она смотрела на его светлые волосы, светлые брови и светлую щетину. Потом на его жену, которая наблюдала за детьми и изредка опрашивала их. Шапкина смотрела на ее длинные светлые волосы, на светлые брови и светлый пушок над верхней губой. А потом на детей. Двое мальчиков с черными, как древесный уголь, волосами, с черными бровями и глазами. Шапкина снова взглянула на грустное лицо мужчины.

Вошел запыхавшийся Горохин. В руках он держал букет цветов с оторванными корнями. Шапкина помахала рукой, но он не заметил. Он стоял и в смятении озирался. Она хотела встать, но их взгляды пересеклись. Он спешно подошел.

– Цветы? – сказала Шапкина, – как мило.

– А, цветы, это не вам, – сказал Горохин и улыбнулся во весь рот.

– Вот как?

– Да вам, конечно! Хотел пошутить, но не получилось.

– Хм, смешно, – сказала она и раскрыла красные губы, обнажая жемчужные зубы.

Горохин закрыл глаза и неуклюже сел за стол.

Официант принес вазу, воткнул букет в воду и ушел. Шапки видела эти цветы, они растут в городском саду.

– Вы что-нибудь заказали? – спросил Горохин.

– Нет, я ждала вас.

– А что же это вы... в смысле, я не хотел, чтобы вы ждали, но вот...

– Митя, я могу так вас называть? «Митя»?

Горохин замолчал и утвердительно кивнул.

– Митя, все хорошо. Я не в обиде, к тому же вы принесли мне цветы.

Ему показалось, что она хотела положить руку поверх его.

Подошел официант вытащил блокнот с ручкой из фартука и устался на Горохина.

– Я еще не выбрал. А вы? – сказал Горохин.

– А мне айриш и грейпфрут с пудрой. Только подайте виски отдельно.

Митя удивленно покосился.

– Пьете виски? – сказал он, – а мне казалось, что вы любите вино. Красное сухое, – он отвел глаза. – Я так думал, потому что у вас такие губы, – он потянул ворот рубашки. Стало душно. Неужели он это сказал?

– Мне нравятся крепкий алкоголь. Но только с хорошим сочетанием. Это как нечто терпкое и пряное разбавить сладким. Не люблю ни то ни другое по отдельности, а вот вместе обожаю. А вино терпеть не могу. Красное или белое, сухое или сладкое – неважно.

Они помолчали. Тишину разбавляли чужие голоса с соседних столиков и приятное пение женщины под тихую мелодию. Горохин отстукивал пальцем ритм песни.

– Анна Марковна, – сказал он.

– Ради бога, не называйте меня так! – перебила она, – я чувствую себя старухой! Можно просто Аня.

– Аня, а какую музыку вы любите?

Она отвела взгляд в сторону.

– Ничего из современного не нравится. Мне по душе фортепиано.

– Стойте-стойте, – сказал Горохин и замахал руками, – сейчас угадаю, – он всмотрелся в ее серые глаза.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась.

– Шопен! – сказал он.

– Почти. Дебюсси.

Горохин цокнул языком.

Подошел официант. Он поставил две кружки, тарелку с дольками фрукта и глянул на Горохина.

– А мне зеленый чай, – он хотел заказать что-нибудь покрепче, но не стал. – Зеленый чай – хорошо для зубов. Китайцы им рот полощут, – сказал он.

– Хм. Смотрите, – Шапкина показала на бокал с кофе, украшенный взбитыми сливками, и рюмку с алкоголем, – терпкий и пряный аромат в сочетании сладкого и нежного, – она добавила виски в кофе и медленно помешала ложечкой. – Чем-то напоминает отношения мужчины и женщины, – она пристально взглянула на Горохина, – терпкий мужчина сливается со сладкой женщиной. Или наоборот?

– А? – вздрогнул Митя, – извините, я засмотрелся на ваши руки, – снова душно. Почему он это говорит?

– А что нравится вам? – сказала Шапкина.

Мне нравишься ты! Если бы ты знала, как ты мне нравишься.

Никогда не забуду эти ощущения. Половина лица немеет так, будто схватил паралич. Веко не моргает. Приходится брать и опускать его рукой, иначе глаз сохнет. Когда роговице не хватает влаги, то словно зарядили солью в глаз. Приходится брать пальцами за ресницы и тянуть веко вниз. Бровь не шевелится. И одна сторона губ тоже. С нее стекает слюна, и нужно вытирать подбородок каждую минуту. Не чувствуешь, как слюни текут. Губы слишком онемели. Но все это ерунда в сравнении тому, что предшествовало.

Когда из бумажного пакета достают металлические клеиши, прошибает пот. Не хочется открывать рот, но ты открываешь. Челюсть шатают, как движение маятника. Хрусть, хрусть – трещит кость. Хрусть, и ты лишился кусочка себя. До этой минуты ты был целостен и един, сейчас – нет. Время перестает длиться. Все прошло не дольше минуты, а кажется, что застрял в этом мгновении, в этой картинке ощущений. Даже когда вышел из кабинета.

Она подошла и села рядом. Ее взгляд теплый и полный сочувствия. Она погладила меня по голове.

– Бедный ты мой, – говорила она, – болит?

– Нет, анестезия сильная. Онемела вся правая сторона лица.

– У тебя только часть губ шевелится, – сказала она и

улыбнулась.

– Ага.

– Хочешь чего-нибудь?

– Хочу, чтобы анестезия прошла. Даже если будет больно. Мне пока ничего нельзя, но ничего и не хочется. Я выплюнул вату и теперь чувствую кровь на языке. Смотри, они дали памятку.

Она взяла листок в руки.

– О, не полоскать ничем. А тебе еще раз нужно идти?

– Не знаю. Сказали, если через пять дней еще будет болеть, то прийти.

Она прижалась ко мне. Я старался думать о хорошем. Хотел пошутить, но ничего в голову не лезло. Чувствовал себя заболевшим. Тело обмякло, а голова не соображала. Мы молча сидели и ждали, когда мне станет лучше.

Музыка затихла. Свет стал приглушенный. Будто все накрыли куполом.

– А что нравится вам? – сказала она.

Горохин вздрогнул.

– Мне? – сказал он, – мне нравится, когда люди ценят мою работу, – он нахмурился. – То есть, когда я работаю и людям это важно. Важно, чтобы работу делал именно я.

– Кстати, а кем вы работаете?

– Сейчас это не то, чем я хотел бы заниматься, но... – он заламывал себе руки. – Я скоро закончу институт и открою частную практику.

– Не юлите, рассказывайте.

Горохин тяжело вздохнул.

– Я работаю в офисе, – сказал он, – разбираю документы в основном.

Официант принес чайник чая. Он неторопливо наполнил стакан желтой водичкой и удалился. Горохин схватил кружку, сделал глоток и подавился. Он надрывно закашлялся, прикрывая рот.

– Горячо, – сказал он, давясь.

– Так значит, вы занимаетесь...

– Да, – перебил он, – я канцелярская скрепка.

– Зачем же так строго. Я хорошо отношусь к таким про-

фессиям.

– Что? – Горохин вновь поперхнулся. – Я думал, что вам покажется это скучным, и вы будете презирать меня.

Шапкина вскинула бровями.

– В смысле, не меня, а мою работу, – сказал Горохин.

– Боже упаси.

Молчание.

Шапкина медленно подносила айриш ко рту, вдыхала запах кофе и отпивала легкими глотками. Она смотрела в окно. Вдоль окон кафе блуждали люди. Одни обнажали зонты, остальные ускоряли шаг. Скучно. Соседние столики опустели, они будто остались наедине.

– Похоже, снова дождь будет, – сказала она, – или снег.

– Может нам стоит...

– Да, пожалуй, – перебила она.

Принесли счет. Горохин достал кошелек и высчитывал нужную сумму. Количество денег почти вровень совпадало с суммой счета. Оставалось только на обратную дорогу. Шапкина порылась в сумке.

– Я за себя заплачу, – сказала она.

Горохин стиснул зубы, но не возразил.

Снаружи накрапывал дождик, который замечался только по кольцам на лужах. Шли молча. Слышно шорканье туфель – это Горохин вяло передвигал ногами. Слышен цокот каблучков – это Шапкина уверенно ступала. Слышен гул проезжающих автомобилей и голос проходящих мимо людей.

Митя не знал куда идти, но все же был на полшага впереди. Шапкина старалась незаметно поправить путь, если он плутал. Горохин достал пачку, вытащил сигарету и зажал во рту. Достал стальную зажигалку и большим пальцем откинул крышку. Крышка характерно щелкнула.

– Вы курите? – сказала Шапкина.

– Да, курю, но редко, – сигарета шевелилась во рту. – Это плохо для зубов. Да и вообще.

Горохин чиркнул пальцем – появилось пламя. Он поднес зажигалку ко рту, но резко закрыл крышку, потушив огонь. Вновь достал пачку и нервно запихал сигарету обратно. До самой парадной многоэтажного дома, где жила Шапкина, они больше не перекинулись и словом.

– Вот и пришли, – сказала она, – до скорой встречи?

– Да, до встречи.

– Когда вы пойдете в клинику?

– Как только, так сразу, – сказал Горохин.

Шапкина прозвенела ключами и поднялась к парадной.

Горохин услышал хлопок, поднял глаза и уставился на закрытую железную дверь. Он вертел нечто в кармане пальто. Не зажигалку. Не пачку сигарет. Он вытащил бумажный сверток и с печалью развернул его. Внутри блеснуло серебряное кольцо. Чего он хотел? Он швырнул бы кольцо в закрытую дверь, но это слишком глупо.

Он развернулся и поплелся на остановку. Но так и не дошел.

Анна Шапкина захлопнула дверь в квартиру, кинула сумку на табурет и стянула пальто. Вспомнился разговор медсестер, который она услышала накануне встречи с Горохиным. Пациентов почти не было. В одну смену нет продыху от желающий вырвать зуб с кистой, залечить кариес или залепить пломбу на место выпавшей, а в другую один осмотр – и все.

Шапкина вышла из кабинета и пошла в ординаторскую, хотя обычно ждет пациентов у себя. Странно, что она туда пошла. Она легко ступала белыми шлепанцами и слышала приглушенные голоса за дверью. Не хотелось подслушивать, но от первого слова пробрало любопытство.

– Шапкина-то? Она скорее получит еще одну корку с училища.

– Ха, она совсем того?

– Сколько к ней ходили, знаешь? Стояли под окном с букетами.

Шапкина различила голос своей пожилой медсестры.

– Тише вы! Услышит еще.

– Она-то? Она у себя сидит. Клиентов ждет.

– И что, она всех того? С цветами-то?

– Как есть того.

– Может, все страшные были. Страшные и нищие.

– Да полно, всякие приходили. И на каких только машинах

не приезжали. И молодые, и в возрасте. Да все пошли одной дорогой. Никто не угодил.

*Шапкина потянулась к дверной ручке. Хотелось пере-
рвать эту околесицу. Но она осталась на месте.*

– Какой дорогой?

– На четыре стороны которая.

– Ой, да пускай делает, что хочет. Дура есть дура.

*Шапкина не выдержала и вломилась внутрь. Она огляде-
ла испуганные лица.*

*– Ольга Григорьевна! – сказала она, – у вас инструмент
не готов, будьте любезны.*

– Иду-иду, – сказала медсестра.

*Глазами полными злобы Шапкина осмотрела осталь-
ных, фыркнула и вышла вслед за медсестрой.*

Вспоминая это, Шапкина морщила лоб и кривила губы. В животе неприятно крутило. Она прошла в гостиную, взяла с полки набитую папку на завязках и повалилась на диван. Шапкина потянула за веревочку – папка раскрылась. Внут-
ри стопками лежали медкарты больных. Она взяла первую, задумчиво пробежала глазами и остановилась на строчке: «Правая верхняя пятерка – удаление». Шапкина отшвырну-
ла карту и взяла другую. Прочитала имя больного и улыбно-
лась. Но только дошла до строчки: «Левая верхняя семерка – удаление» – отшвырнула и эту. Так она раскидала все кар-
ты, пока не дошла до него, Горохина. Шапкина напряженно
всмотрелась в строчку: «Левая нижняя шестерка – знак во-

проса».

Горохин двигался к остановке. Он вытаскивал зажигалку, открывал крышку, чиркал – пламя вспыхивало, и закрывал – пламя гасло. Горохин остановился и опустил голову. Влажный асфальт и до блеска натертые туфли. Поднял голову – небо прояснилось. Шаркнув каблуком, он развернулся и стремительно зашагал на угол Ремизова. Туда, где обилие баров и кафе. «Вечер только начался», – подумал он.

Музыка оглушила. Играл рок. Горохин подошел к барной стойке и принялся рассматривать напитки на пластиковой подстилке. Все дорого. А в общаге под матрасом Ары наверняка найдется нераспитая бутылка. Он вытащил кошелек, перебрал сложенные купюры и сосчитал в уме. Он позволил Шапкиной заплатить самой и сэкономил. Да, это он позволил ей заплатить. Быть честным к себе вредно для здоровья.

Девушка за стойкой словила его взгляд. Она подошла.

– Мне водки! – заорал Горохин, – двести!

Губы девушки шевелились, но слов не разобрать.

– Что? Я говорю мне водки! – он ткнул пальцем в подстилку, – вот эту!

Девушка наклонилась к нему, свесив блондинистые локоны, и заорала: «Паспорт!»

Наполнили четыре рюмки. Горохин опрокинул две. Он

хлопнул дном о стойку, сощурил глаза и схватился за висок. Стенки желудка обожгло.

– Наполни! – крикнул он и указал на пустое дно.

Горохин кинул деньги на бар, схватил рюмки и двинулся к свободному столику.

Только Митя зашел сюда, как почувствовал жгучий взгляд. Одна дамочка откровенно пялилась, но Горохин не поворачивался в ее сторону. Он устроился на мягком диване, опрокинул третью рюмку и сморщился от изжоги.

– Эй, молодой человек! – он услышал женский охрипший голос, но сделал вид, что ничего не заметил. – Молодой человек! Можно вас?

Горохин смотрел в другую сторону.

– Я хотела пригласить вас за мой столик, – он услышал ее совсем рядом и повернулся. – Но я уже пришла сама, вы не против? – она не дождалась ответа и плюхнулась в кресло напротив него. Она положила ногу на ногу и откинула длинные черные волосы.

– Садитесь, – сказал Горохин.

– Но я уже сижу! – сказала она, – вы не очень-то шустры. Как вас зовут?

– Митя.

– О, надо же, – она вся оживилась, – какое совпадение! Восемь лет прошло, мать твою, восемь лет... А что вы пьете? Водку? Фи, какая гадость. Официант! Принесите вина, – она махнула рукой, – вы празднуете или горюете?

– В каком это смысле?

– Пьют по двум причинам: случилось счастье, и надо отметить, или случилось несчастье, и надо горевать, – она многозначительно уставилась на него. – А что у вас?

– У меня золотая середина.

– Как так можно! Официант, вина мне! – подбежала девушка и наполнила бокал, который незнакомка держала в руке. – Нет, нет, так нельзя! Либо празднуешь, либо горюешь, – она отхлебнула красной и вязкой жидкости из фужера.

– Сладкое? – сказал Горохин.

– Сухое, – она отвела глаза.

– А вы? Празднуете или горюете?

– Ох, восемь лет, твою мать, – она прикрыла лицо ладонью.

Эта незнакомая женщина пьяна и вряд ли пытается оскорбить Митю. Но когда она говорила «твою мать», Горохин сжимал скулы.

– Митя, – сказала она.

– Да?

– Моего жениха зовут Митя. Знаешь, он такой заступчивый, по справедливости все делал. Вот надо было этому юридивому... – показалось, что она сейчас всплакнет. Она тяжело вдохнула. – Напился один дурак, стал приставать к девочке, – продолжала она, – а мой ему раз сказал, два сказал – ноль внимания. Толкнул его, так, слегка. А тот упал, голову расшиб да подох. Суд сказал убийство. Тринадцать лет дали.

Она замолчала и уставилась в пол.

Горохин слышал знакомый голос. Он огляделся и увидел антистеплера за баром. Тот с кем-то жарко спорил. В руке он держал открытую бутылку пива. Он размахивал ей во все стороны, что пена выплескивалась. Горохин отодвинулся, чтобы тот его не заметил.

– Куда вы? – всполошилась женщина.

– Я здесь, здесь, – сказал Горохин и потянулся к рюмке.

– Вчера был суд. Мы так надеялись, что его выпустят. Ан нет. Отказ в досрочном освобождении. Еще этот юрист... – она сердито потрясла кулаком и посмотрела на Горохина. – Вы часом не юрист?

– Нет, – он опрокинул рюмку и вытер рот ладонью.

– Не обращай на меня внимания, – она щедро отхлебнула из фужера и махнула рукой. – Официант! Официант! Вина мне!

За стойкой началась какая-то суета. Два амбала за шкирку тащили антистеплера на выход. Горохин опрокинул еще стопку.

– Выпьем за меня! – крикнула женщина, встала и расправила во весь рост темное платье.

Они чокнулись. Горохин выпил последнюю и указал на пустые рюмки проходящей официантке. Он крикнул: «Повторите!»

– Митя, а ты не куришь? – сказала незнакомка.

– Редко. Это плохо для зубов, – сказал он куда-то вниз.

Все, что происходило дальше, он помнил обрывками. Женщина вышла на улицу с сигаретой в руках. Из окна видно, как она с кем-то разговаривает и необузданно смеется. Красный уголек сигареты медленно затухал. Она вернулась не одна. Горохин помнил вокруг много незнакомых людей.

Он помнит, как все громко разговаривали и смеялись, но не помнит о чем. Помнит, как шел озябший по мокрой улице, прислонив руку к холодной стене здания. Помнит, как первые лучи солнца пробивались сквозь облака и резали глаз. Но не помнит, как выбрался с бара и дошел до общежития. Он помнит изумление в прихожей, когда наткнулся на разворошенный комод с обувью. Всюду валялись сапоги, кроссовки и тапки. Но не помнит среди них свои ботинки. Помнит, как повалился на кровать и опорожнил желудок на пол. Следом провалился в сон.

Сквозь пелену Горохин улавливал знакомый и даже родной голос. Голос то сердито бурчал, то снисходительно ободрял. Он помнит стоявший на полу тазик и влажную тряпку на лбу.

Глаза слиплись, не открывались. Из форточки дуло свежим воздухом и обдавало лицо. Горохин медленно вдыхал с прикрытым ладонью лицом и улыбался. Как приятно.

– Ну и нализался же ты, – сказал Ара.

Горохин не видел его, но голос звучал рядом.

– Так все-таки вырвал зуб?

– Нет, – промычал Митя.

– Ты же сказал?

– Это мой отец. Он вырвал зуб.

– А, понятно, – Ара цокнул языком. – А с туфлями некрасиво вышло. Я же говорил, у меня важная встреча, – он шлепнул рукой о колено.

Горохин не шевельнулся.

– Злобы утром не хватало, – продолжал Ара, – я ведь все пэрерыл. И пришел на встречу наглаженный, а этот хмырь усталился на твои ботинки на мне. Он так и всматривался в них. Он даже не слушал, что я говорю. Все смотрел на них и смотрел. Потом поднял глаза и сказал, что ему не интересно. Он ни черта не понял! Я ему даже руку не пожал.

Горохин слегка трясся. Он давил смех в ладонь.

– Смеешься? – сказал Ара.

– Нет, – ответил Горохин серьезно и продолжил давиться смехом.

– Тебе смэшно, а я сделку профукал. А башмаки твои совсем худы. Пока шел туда-обратно все ноги промочил. У тебя совсем туго с деньгами?

Горохин затих.

– Ладно, – сказал Ара, – еще работу тебе подкину. А ты чего с фабрики убежал?

– Я... испугался.

– Ну знаешь. Ладно, я с начальником договорюсь. Зайди завтра в кафе у станции. Скажи от меня, как обычно. Только не убэгай больше. После работы зайди. Пойдешь ведь на работу? Им как раз на полночи нужен человек. Не выступишься, зато не мэшки таскать.

– Спасибо, Ара, – сказал Горохин и потянулся обниматься.

– Ай, лежи!

Митя преобразился. Он снова чувствовал пряно-золотистое свечение внутри. То была надежда на лучшую жизнь. На жизнь свою, а не срисованную под копирку.

Утро понедельника – начало изнурительной недели. Горохин поднялся раньше и помыл туфли Арсена. Было стыдно.

Ночью подмерзло. Вчерашние лужи покрылись коркой льда. Горохин, как мальчишка, проламывал их и вслушивался в треск. Воздух чист и свеж. Горохин вдыхал полной грудью. Недомогание, которое мучило прошлым днем, выветрилось вместе с отчаянием и унылостью.

Утреннее совещание. Расфуфыренная перьевая ручка расхаживал по кабинету, где за столом сидел набор принадлежностей: важный мистер дырокол, изящная мисс ножнички, антистеплер и он, канцелярская скрепка. Перьевая ручка говорил: «К концу года нужно подтянуть все заявки! В прошлом году мы дружно сели в лужу, потому что бездельничаете! Горохин! Что там в окне увидел? Наш план на месяц?»

Горохин что-то промышчал и уставился на подвешенную к потолку лампу. Ручка продолжил отчитывать, махать руками и светить пятнами в подмышках. Горохин почувствовал взгляд на щеке. Взгляд прожигал точно в щеку. В правую. Это антистеплер. Он шурился, будто что-то рассматривал.

– Я тебя видел, – шепнул антистеплер, – в тот вечер в рок баре. Кто та девушка?

– О чем ты? – сказал Митя.

– Горохин! – прервался перьевая ручка, – слушай внима-

тельно, от этого зависит твоя зарплата!

– Та девушка в темном платье, – шептал антистеплер, – она потом села в хаммер и укатила.

– Тебя ведь вышвырнули.

– А, так значит, ты меня видел?

– Шаповаленко! – заорал перьевая ручка, – ты на краю пропасти, Шаповаленко! – это фамилия антистеплера.

– На улице караулил? – сказал Горохин, – влюбился?

– Тьфу на тебя!

– Шаповаленко! – перьевая ручка стукнул ладонью по столу.

– Я ведь для тебя спрашиваю, – прошипел антистеплер, – о тебе думаю.

– Не тем делом ты занимаешься.

– Горохин! – лицо ручки исказилось гневом. – Всё, за работу!

Митя доковылял до стола. Совещание высосало весь настрой. На столе лежала очередная книга. Горохин прочитал название: «Женщины с Меркурия, мужчины с Плутона». Он открыл ящик стола и попытался впихнуть книгу, но среди стопок макулатуры не осталось места. «Вот же кретин», – сказал Горохин и кинул книгу в мусорное ведро.

День будет длинным. За прошедшие выходные хорошенько накидали работы. Бухгалтерия потрудилась завалить бумажками, которые они могли подписать и за Горохина. Увы, правила бюрократии – правила беспрекословные. Он думал,

что расправится с делами до конца дня и забежит домой перекусить да переодеться. А сейчас понимает, что закончит здесь и побежит напрямиком к вокзальной площади.

Накладная – штамп. Счет-фактура – штамп. Заявка – запись по образцу. Только втянешься в монотонную работу, как секундная стрелка часов превращается в минутную. Не надо вдумываться в работу. Механический конвейер не думает. За него думают другие.

Офис опустел. За окном лучи солнца распластались по небу. Чем ниже опускалось солнце, тем короче становились его ветви. Горохин не смотрел в окно. Он только чувствовал теплоту лучей в обед и их медленное затухание ближе к вечеру. Рядом мелькал пухлый антистеплер. Он что-то говорил сначала с упреком, а потом жалобно. Затем проходил перьевая ручка. Он одобрительно попрощался. Все ушли. Остался только Горохин и кипа неразобранной бумаги.

Горохин вбежал в маленькое кафе на вокзальной площади. На входе стояли изрядно выпившие мужчины и дымили сигаретами. Внутри приглушенный свет, будто светильники завешаны тюлем. У окна висела клетка с обувную коробку. В ней щебетали и носились два волнистых попугая. Рядом стоял здоровенный аквариум, в котором плавали два взрослых сома. Один угольно-черный в крапинку, другой молочно-белый. Черный прятался за декоративным кораблем. А белый плавал среди пластиковых водорослей.

Митя подошел к барной стойке. За ней стоял худенький кавказец. Весь персонал вокруг состоял из кавказцев. Даже девушки-официантки были с густыми черными волосами, карими глазами и темным пушком под носом.

– Здравствуйте! – сказал Горохин. Худенький кавказец кивнул. – Я от Григорадзе. По поводу работы.

– Сафир! – крикнул кавказец, – иди, здесь по поводу работы.

Из подсобки вперевалочку вышел толстый и низкий кавказец. Вообще, при слове «кавказец» Горохин представлял рослого мужчину широкого в плечах, с густой бородой и рельефными мышцами. Но здесь кавказцы выглядели иначе.

– Здравствуйте! – начал Горохин, – я от Григорадзе...

– Махито знаешь? – перебил его Сафир, толстый кавка-

зец.

– Знаю, – сказал Митя.

– Отвертка знаешь?

– Знаю.

– Б 52 знаешь?

– Да.

– Хорошо. Иди сюда, – Сафир поманил к себе. – Вот твой бар. Работаешь до трех тире четырех ночи. Чаевые забираешь...

– Если будут, – вмешался худой кавказец.

– Эй! – толстый замахнулся на худого, – не перебивай меня! Чаевые забираешь себе. Остальное в конце смены. Понял?

– Понял, – сказал Горохин.

В кафе ввалились две девушки и мужчина. Девушки без остановки хохотали, а мужчина показывал им что-то руками. Сафир подбежал к ним и стал раскланиваться.

– Это хозяин кафе, – сказал худой кавказец.

Хозяин был лысым с полными щеками. Манжеты его фиолетовой рубашки сильно выходили из-под рукавов пиджака. Пиджак выглядел маленьким. На шеях девушек висели золотые ожерелья, а на пальцах блестели кольца с камнями. Они сели за столик. Сафир все расшаркивался, а хозяин кафе веселил девушек.

Горохин подошел к раковине, смочил ладони и обильно растер мыло в руках. «Чертова пыль», – прошипел он.

– Эй! Бармен! – крикнул Сафир, – бутылку шампанского для директора!

Горохин засуетился.

– А какую бутылку? – сказал он.

– Вон, внизу стоит, – указал худой кавказец, – там все бутылки хозяева. Он не пьет гостевое. Говорит, дрянь, – худой кавказец пожал плечами и вышел в подсобку.

Горохин достал пыльную бутылку и съежился. Он снял железный намордник с горлышка и медленно выкручивал пробку по часовой стрелке. Он ослабил намыленные пальцы – пробка выстрелом взлетела и хлопнула об потолок. Из бутылки вырвался игристый фонтан.

Митя испуганно огляделся. Никто не заметил. Он кинул тряпку на разлитое шампанское и посмотрел на бутылку. Треть была пуста. Он украдкой посмотрел на дверь, но вспомнил слова Ары. Горохин прикинул стоимость бутылки. Рядом касса. В секциях лежат цветные купюры, только руку протяни. Но совесть задавила. Наконец его осенило. Он поставил бутылку в раковину и приоткрыл кран холодной воды.

– Может, хоть газированной нальешь? – прозвучал женский голос.

Горохин вздрогнул. Он поднял глаза и увидел молодую официантку с темным пушком под носом.

– Там возьми, – сказала она и ткнула пальцем в барный холодильник.

Он так и сделал.

Горохин поставил бутылку и три фужера на стойку и довольно улыбнулся. Она замахала рукой.

– Убери, надо украсить, – сказала официантка.

Митя взял красную салфетку, скрутил и нелепо воткнул ее в горлышко. Официантка взяла фужер и всмотрелась в него на свету.

– Бокалы заляпаны, – сказала она, – протри.

Он так и сделал.

Официантка подала шампанское на стол, наполнила стаканы и удалилась. Лысый с толстыми щеками хозяин увлеченно рассказывал. Девушки слушали и улыбались. Он потянулся за бокалом, девушки тоже. Прозвучал тривиальный тост. Они чокнулись и отпили. Горохин всмотрелся в лицо хозяина. До глотка веселое и беззаботное, после – озадачено и хмурое. Хозяин поманил рукой Сафира. Он шепнул ему на ухо: «Чтоб этого бармена больше здесь не было».

Официантка подошла к стойке.

– Ты прокололся, – сказала она Горохину, – тебя раскусили.

Горохин подумал, что его тут же вышвырнут, но ему продолжали давать заказы.

После двух ночи в зале никого не осталось. Гости разошлись. Горохин сел в углу бара, уперев локти в колени.

– Эй, бармен! – крикнул Сафир, – иди сюда, – он достал пачку смятых денег, плюнул на пальцы и стал отсчитывать. – На, держи за работу, – Горохин недоверчиво посмотрел, – да

держи ты! И найди другую работу.

Митя посмотрел на деньги у себя в руках. От их шеле-ста он побагровел. Он снова воодушевлен. Снова готов побороться за счастье.

Горохин добрался до общежития и повалился на кровать, не раздеваясь. Скрипнули пружины. Он устало выдохнул.

– Как оно? – сонным голосом спросил Арсен.

– Нормально, – сказал Горохин в подушку, – слушай, Ара, дай немного денег в долг?

Ара слегка приподнялся.

– Ты ведь знаешь... – сказал он.

– Знаю-знаю, друзьям никаких долгов, – сказал Горохин. – Мне, правда, нужны. Зуб залечить.

– Вот что с тебя взять? Утром поговорим, – Ара отвернулся и укрылся одеялом.

Горохин так и заснул в пальто. По дороге домой он рассудил, что может сходить на консультацию. Обычно это бесплатно или совсем недорого. Немного денег есть. Еще можно одолжить. Утром он окончательно решил заскочить в клинику. Денег от Арсена он так и не получил.

Митя вошел в приемную со свежим ремонтом, стойкой администратора и крупным кафелем на полу. Девушка за стойкой любезно поздоровалась. Горохин замямлил про осмотр и консультацию. Попросили подождать.

Здесь пахло не как в больничке. Пахло цветочным освежителем воздуха. Из дверей кабинета не доносились стоны пациентов и визг бормашины. Здесь играла приятная музы-

ка. По центру комнаты стоял журнальный столик. На нем разбросаны женские издания в мягком переплете. Горохин потянулся, но ничего не взял. Лень читать. Занимали собственные мысли. Он думал о ней. Думал, что в тот вечер мог бы вести себя интереснее и свободнее. Как бы устроить еще встречу? Если бы он проводил ее до квартиры, то знал бы точный адрес. А так только парадная. Номер телефона бы взять...

– Проходите! – обратились к Горохину.

Белый кабинет блестел стерильностью.

– Садитесь, – сказал доктор в медицинской маске, – сразу в кресло.

Горохин взглянул в плевательницу и сморщился. Там лежала груда вырванных зубов. Одни в крови, другие нет, одни гнилые, другие добела натертые с кистами. Их было штук пятнадцать не меньше.

– Ой, – сказал доктор и махнул рукой медсестре, – извините, сегодня принимали на удаление. Удаляем бесплатно, желающих полно. Убрать даже не успели, – он надел резиновые перчатки и пошевелил пальцами, расправляя складки. – Ну-с, рассказывайте.

И Горохин рассказал.

– Ложитесь полностью, – сказал доктор и нажал кнопку на сиденье. Спинка плавно опустилась. – Вот здесь? – он постучал по зубу.

– Угу, – промычал Горохин.

– Давайте сделаем снимок, чтобы посмотреть, что там наковыряли.

Отвели в другую комнату. Там стоял стационарный компьютер, а на стене висели цветные и длинные жилеты. Посадили на стул. Медсестра сняла ярко-оранжевый жилет с подвязками на поясе. Она взяла руку Горохина и продела сквозь рукав жилета. Сначала левую, затем правую. Жилет туго надавил на плечи. Затем медсестра надела жилет на себя. Она взяла со стола маленький квадрат с проводом, сказала: «Будет немного больно», – и впихнула в рот Горохину. Коробочка здорово расцарапала десну.

Митя изумленно наблюдал, как над ним проводят некий обряд, будто посвящение в масоны.

– Готово! – крикнула медсестра.

Зашел доктор. Он снял маску и обнажил неровно выбритые щеки. Клац, он нажал на кнопку.

– Всё, идите, Вера, – сказал доктор.

Медсестра собрала жилеты и вышла.

Доктор взял ручку и ткнул в монитор.

– Здесь у вас в канале инструмент и не один, похоже. Надо все вытащить и прочистить каналы. Тут уже образовалась киста. Как все сделаем, рассосется. Случай непростой, но вылечить можно.

– А на что рассчитывать?

– Это вы про что?

– Ну... – Горохин замялся, – сколько будет стоить?

– А-а, вы про деньги. Так, значит это, еще хирург, – доктор поднял глаза, будто решал задачу в голове, – примерно будет... – и Горохин услышал цифру в три с половиной раза больше, чем сказала Шапкина. – Но это примерно.

В глазах потемнело. Митя попрощался с доктором, вышел к стойке и достал кошелек. Девушка за стойкой улыбнулась и сказала, что сегодня без оплаты. Горохин постоял в недоумении и как бы очнулся. Он улыбнулся в ответ и с жаром поблагодарил девушку, отчего та сконфузилась.

На улице зябко. Горохин поджал плечи и прислонил руку к щеке. В дальней части рта занял зуб. Он стоял и мычал от тянущей боли, пока не увидел аптечную лавку через дорогу. На мгновение захотелось, чтобы этот зуб оказался среди тех в плевательнице. Горохин купил пачку анальгина и сунул таблетку в рот. Он жевал ее, стараясь надавливать больным зубом. Горечь и кислятину проглотил не запивая.

Глаза закрыты – пахнет спиртом и резиной от перчаток.

Глаза открыты – слепящий свет лампы и она.

– Неужели три месяца прошло? – сказала Шапкина.

– Ага, – сказал Горохин.

– Так, открывайте рот.

Горохин помедлил.

– Там это... – он зажался.

– Давайте, давайте, – Шапкина взяла прибор для осмотра.

Она заглянула и резко отстранилась. Вместо зуба была развороченная красная дыра.

– А где...

– Аня, – он хотел взять ее руку, но она отдернула ее.

– Обращайтесь ко мне Анна Марковна.

Горохин вышел из поликлиники, достал пачку сигарет и закурил. Он с жаром втянул воздух, пропитанный табачным дымом, и с облегчением выдохнул. На площадке перед входом поблескивали серые лужи. В них отражался уныло-желтый свет фонарей. Он подошел ближе и взглянул в отражение между двумя истертыми носами ботинок. Оттуда глядел грустный черноволосый мальчик.

Осколки

1

«Это что за бизнес-центр? А где же школа?» – стоял в недоумении студент второго курса психологического факультета института Санкт-Петербурга. Он с раздражением ерзал в промерзлом пуховике и корчился от боли в животе. Этим утром назначена встреча со школьным психологом гимназии №136. Отнюдь не знания влекли в это холодное и овсянное полумраком зимнее утро. Студент думал об экзамене по практике. «Хорошо бы дали материал забрать, не то придется все записывать», – думал он.

Спозаранку он проснулся от звона будильника. С жалобным стоном отключил сигнал и уставился в темный потолок. «Только не закрывай глаза», – говорил он себе. Тяжело сглотнув ком в горле, он представлял, как отоспится позже. Свет небольшой комнатки взбодрил его. Он позавтракал пресной овсяной кашей на воде, надел грязный синий пуховик и вышел.

Ночь. Утро. Черт поймешь в такой теми! Студент шел на плохо освещенной улице и поминутно осыпал проклятиями какую-нибудь яму с грязью, в которую угодил. Прошел почти месяц календарной зимы, но снега не было. Даже мороза.

Кругом во дворах влажная земля, по которой ступал студент до блеска начищенными ботинками. Поначалу он старательно обходил грязные места дороги, но спустя время плюнул и шел, как попало.

Пока спускался в метро, он щурился от проходящих мимо фонарей. В вагоне он смотрел на карту и рассчитывал маршрут: «Полчаса и я на нужной станции, минут десять идти. И в итоге я припрусь на час раньше! Как всегда».

На эскалаторе поднимались школьники, которые наверняка доведут до нужного места. Они пересекали подземный переход и быстро шагали вдоль каменноостровского проспекта. Студент не спешил, ведь и так раньше придет. Он шаркал по засыпанному песком асфальту и отпускал взглядом школьников, которые шли вереницей.

Студент проскользнул по освещенной улочке и встал в недоумении. Школьники влетали через громадную дверь застекленного здания в пять этажей. Студент робко подобрался к входу, всмотрелся в вывеску и прочитал, шевеля губами: «Гимназия №136». Он перевел взгляд на окно во всю стену, по ту сторону которого ходили люди в деловых костюмах. Внутри, в разных концах холла, располагались кафе с диванчиками. Там молодые люди в смокингах сидели и пили кофе. Рядом девушки в строгих платьях и на высоких каблуках вертелись перед зеркалом: кто взбивал волосы, кто малевал губы.

Студент постоял еще минуту и вошел. Напротив вхо-

да раскинулась широкая стойка, за которой стоял крупный гладко выбритый мужчина в тройке. Студент почувствовал тяжелый взгляд мужчины, снял шапку и пробормотал приветствие. Ему холодно ответили и вопросительно даже подозрительно уставились на него. Студент съежился и робко протянул:

– Я к Анне Михалне... Курпатовой, мне...

– А она еще не пришла, – сказал мужчина в тройке.

– Да я...

– Подождите наверху, – перебил мужчина, – четвертый этаж налево.

Прозвенел звонок. Школьники у зеркала оправили пиджаки и галстуки и разошлись по этажам. «Хорошо, что я надел рубашку, иначе бы вообще не впустили, – думал студент, – ну и школа, больше похожа на компанию биржевых маклеров». Он не спеша поднялся на четвертый этаж. Коридор уже опустел. Все на занятиях. Студент с любопытством рассматривал таблички на белых дверях: кабинет литературы, математика, химия, английский язык. «Шныряют здесь, словно бизнесмены, а учат-то самым обыкновенным предметам», – подумал он.

Тихо. Студент уселся на диванчик. На часах 9:07, встреча ровно в 10. Он вздохнул и задумался. Мысли завертелись.

По пролету этажей эхом раздался стук каблуков. Появилась молодая женщина в очках, в темной зимней куртке и с белым платком в руке, которым она бойко вытирала нос.

Студент привстал.

– Это вы Александр? – сказала женщина сквозь платок.

– Да, я немного раньше, извините. А вы Анна Михална?

– Да, да, это я. Извините вы меня, я простужена, – она шмыгнула носом.

Анна порылась в черной глянцевой сумке и достала огромную связку ключей. Позвякивая, она долго перебирала связку и всматривалась в каждый ключ. Перед ними громоздилась двойная дверь и больше походила на вход в зал, чем в кабинет. Александр взглянул на красную табличку с надписью: «ППМС», – где первая буква стерта до основания.

– Хорошее название, – сказал он и ехидно улыбнулся.

Анна сделала вид, что не заметила острогу.

Они зашли в холл, в конце которого виднелась дверь в кабинет. В стороне с пола до потолка стоял аквариум без рыб. В нем журчали пузырьки, а вода меняла цвет то на бледно-красный, то на нежно-голубой.

В кабинете они устроились напротив друг друга. Пока включался компьютер, Анна задавала формальные вопросы, ответы на которые не слушала. Она спрашивала, на каком курсе Александр, какие предметы прошел, нужны ли ему отчеты и документы.

– Что ж, – сказала Анна, – вот наша главная задача, – она повернула монитор к лицу студента и пролистала слайды, на которых пестрели схемы и таблицы.

– Да-да, а скажите... – и тут Александр задал вопрос, по-

сле которого Анна нахмурила лоб.

– Ну, на самом деле... – ответила Анна отвлеченной ерундой, которая никак не связана с вопросом.

– Хорошо, – сказал Александр.

Анна радостно выдохнула. Студент задумался и сказал:

– А расскажите что-нибудь из практики?

Анна откинулась в кресле и положила конец пишущей ручки в рот. Она будто размышляла надо ли рассказывать именно этот пример или обойтись другим. Она странно улыбнулась и приблизилась, поблескивая очками.

– Есть одна девочка, – сказала она.

Конец августа. И хотя днем солнце светило еще ярко, а трава пышно зеленела, вечера становились все холоднее, а листва на деревьях бледнела. Теплым днем по широким улочкам городской окраины шла девочка. Шла напрямик к водному каналу и думала о конце безмятежных деньков и об еще одном мучительном году в гимназии.

«Еще год и ты свободна», – подбадривала она себя каждый раз, как мысли мрачнели. Она старалась не грустить и тут же отвлекаться как можно дальше и глубже.

Прохладный ветер разгонял ее черные и прямые волосы. В руке девочка несла красное яблоко. Она все отвлекалась и вечно забывала о фрукте. Только вспомнит на мгновение и тут же потеряет из виду, когда наткнется на что-то любопытное. Так она замерла, когда услышала кошачий писк.

Девочка осмотрелась по сторонам и пошла в направлении звука. Она пристально всмотрелась в дырку дома из подвала. Оттуда выпрыгнула рыжая кошка и убежала в сторону. Девочка отскочила. Рыжая снова показалась с котенком в зубах, висевшим за шкуру. Кошка запрыгнула обратно и выпрыгнула уже без ноши. Девочка приблизилась и заглянула внутрь дырки. Она поджала руки от умиления и весело расхохоталась. «Один, два, три», – считала она котят, указывая на каждого пальчиком. Девочка подмечала особенный окрас

каждого: «Этот рыжий похож на маму, а этот темненький. И все полосатые! У маленьких переселение».

Девочка отошла и вдруг как бы заметила в руке яблоко. Она облизнулась и с размаху вонзила зубы в красный плод. Сладкий сок растекся по руке и подбородку. Во рту искрился кисло-сладкий вкус. Она увлеклась и не заметила, как в руке остался только черешок. Пальцы слиплись в яблочном соке. «Фи, как липко!» – скривилась она.

Девочка шла мимо зданий и будто бы что-то искала. «Поставили бы на углах домов умывальники. Так идешь себе, скушал яблоко и ручки помыл, – фантазировала она, – вот же висят эти никчемные водоотводы, пускай эта вода хранится, а потом поступает в умывальник!»

Красочный вид на блестящую воду внутри канала вывел из раздумья. Она замерла и все смотрела на продолговатую водную линию, которая колыхалась от слабого ветра.

По каналу проплывала лодочка, медленно раскачиваясь в стороны. В ней сидели двое: молодой человек с голым торсом и женщина с краю. Женщина махала газетой себе на лицо. Девочка пристально всмотрелась в пару. «Интересно, рискнет ли кто подмочить себя?» – подумала она.

– Эй, вы! – крикнула девочка, – гондольеры широколобые! Вы, в лодке! Чего вылупились?

Молчание.

Молодой человек лениво перебросил весла внутрь лодки и привстал. А девочка уже бросилась наутек в тесные улочки.

«Слабаки!» – подумала она и остановилась перевести дыхание.

Последний день лета подкрался незаметно. Девочка лежала на кровати в своей комнате и размышляла: «Надо бы составить список, чего натворить за этот ужасный и, хвала всевышнему, последний год. Ай, ко мне снова будут цепляться с поступлением. Я им уже все сказала!»

Она нахмурила прямые и светлые брови. В голове рисовалась картина:

– Женя, ну почему ты решила пойти именно туда? – сказала и всплеснула руками тучная коротенькая женщина в затертом костюме. Это завуч. Она всегда донимала девочку ее будущим.

– Хочу туда, – сказала Женя.

– А ты разве училась в художественной школе?

– А я в душе художник!

Подошла высокая и стройная женщина в широких штанах и белой блузе. Классный руководитель. Она сказала:

– Женя, а почему же твои склонности не проявились раньше?

– Я всегда была художником, – сказала девочка.

Женя встряхнула голову, прогнала воспоминания. Она взяла листок и пишущую ручку, на конце которой пушистый клубок. Улеглась на живот и задумчиво щекотала подбородок концом ручки. «Нет, это полная ерунда!» – как бы воскликнула она. Женя поставила пластинку Майлза Девиса на

электрофоне, по комнате расплескался джаз. Под путаную импровизацию саксофона она записала:

1. Поцеловать незнакомца.

Боже, это так романтично и так банально!

2. Довести завуча до истерики.

Чего она боится? Я притащу ей крысу в кабинет. Такие миленькие продаются в зоомагазине. Белые и пушистые. Жалко крыску, потом поймаю ее и приручу. А если она сама любит крыс? Неудивительно. Это естественно – любить себе подобных. Поймает и заберет себе. Получается, я куплю ей крысу. Придумаю что-то другое. Конечно, можно заразить крысу бубонной чумой, надо только отправиться в средневековье за блохой. Нет, слишком жестоко! Погубить бедную крыску.

3. Выступить перед школой (зачеркнуто несколько раз).

Они этого не стоят.

4. Получить две двойки, три тройки, четыре четверки и пять пятерок по каждому предмету.

Над этим стоит попотеть.

5. Первого апреля признаться в любви недомерку Артишокину.

Бедняжка, как бы он не умер от разрыва сердца, когда поймет шутку. Если вообще поймет.

6. Отомстить этой твари, которая писала обо мне гадости на стенах.

Ее подружки отхватили сполна, сама же выкрутилась. Ни-

чего, я придумаю что-нибудь оригинальнее, чем просто напыскать баллончиком краски оскорбление на школе. А может, простить, и ее накажет кто другой? Отдать все веселье незнакомцу? Чуть! Надо подумать о бубонной чуме.

7. Провести ночь на крыше.

Главное, чтобы с погодой повезло.

8. Научиться играть на гитаре?

А этот недомерок Артишокин умеет, вроде. Спрошу.

9. Самой сшить платье на выпускной.

Представляю, как я в нем выйду. С моими-то навыками в закройке. Я покажусь привлекательной только на параде платьев, сшитых из отбросов.

– Дочка! – раздался крик с другой комнаты, – ты приготовила форму?

– Почти, – так же криком ответила девочка, – осталось погладить!

Женя отбросила лист с ручкой. «Надо что-нибудь еще придумать, а то маловато», – думала она. Девочка неуклюже расправила гладильную доску и мучительно представила, как встанет завтра в семь тридцать утра, чтобы «припереться», как бы она выразилась, на эту «чертову линейку». Завтра Женя будет уговаривать себя встать, привести в порядок, надеть юбку-карандаш, белую блузу и пиджачок. Перед выходом начистит лакированные каблуки и отправится на открытие парада ежедневных унижений.

Неплохо бы лечь пораньше, чтобы не быть вялой на этом

скопище нарядных полупарт-полулюдей. Она бы спросила у них: «Ну как, отскребли жвачки от себя за прошлый год?» – или же: «Надеюсь, вы стерли с себя мои художества, а то так неприятно, когда творчество блещет, а холст не готов».

Прозвенел телефон. Женя кинулась, позабыв об уютге. Пришло сообщение: «Привет! Пойдешь на линейку?» Девочка вскинула бровями. «Вот это да, – подумала она, – все лето провел без меня, а как наступил учебный год, так сразу привет». Она жадно надавливала на клавиши, печатая ответ. Отправила и дернулась, вспомнив об уютге.

«Да! Заботливый Дурак!» – ответила она.

Угрюмое утро. Серый угнетающий туман заволок дороги между домов. Улицы переполнены сонными и отутюженными школьниками. Самые маленькие одеты в черно-белую рябь, которая разбавлялась пестрым ранцем за спиной. Не совсем маленькие выглядели так же только размером больше, а вместо ранца висел в руках продовольственный пакет или вовсе ничего. И у всех цветы. Женя считала количество цветов в букете. Она надеялась, что кто-нибудь по рассеянности притащит четное число. Как же сконфузится педантичный учитель математики, который не сможет не посчитать цветы в букете.

Сквозь туман вырисовывалась площадка за гимназией. Появлялись старшеклассники в костюмах, которые курили с величественным видом, хотя и прятали тлеющий уголек от глаз учителей. «Слабаки! – думала Женя, – одиннадцатый

класс, а все прячутся, как дети малые. Покажу им, как курят в старших классах! Надо внести в список».

Среди них стоял и он. Издали Женя усомнилась. Он ли это? Но подошла ближе – сомнения развеялись. «Он изменился», – подумала девочка.

Толстая старшеклассница толкнула Женю плечом и прошла с невозмутимым видом. Подружки толстой старшеклассницы засмеялись.

– Тварь! – прошипела Женя.

– Че ты сказала? – обернулась толстая.

В ушах зашумела кровь. Девочка сжала руки в кулаки и приготовилась. Нападать первой нельзя: останешься виноватой. Женя стиснула зубы и глядела в упор на обидчицу. Дыхание стало частым. «Сейчас будет», – сказала себе Женя. Толстая сделала шаг, но внезапно замешкалась, развернулась и ушла.

Женя расслабила кисти рук, повернулась и подскочила. В спину дышала классный руководитель.

Скука прокрадывалась в мероприятие. По центру площади стояли наспех сколоченные подмости с микрофоном, а по бокам громоздились усилители. Родители с первоклассниками полукругом облепили сцену. Из-за этого скопища решительно ничего не видно. На сцену выходила директор и поочередно приглашала всю школьную свиту учителей. Из колонок прорывалось нагроможденное эхо слов, которые напроць не разобрать. В перерывы выступлений включали ве-

селенькую музыку, от которой морщились и закрывали уши.

Женя потеряла всякий интерес к происходящему и стала выискивать взглядом Артишокина. Однажды ему пришлось остаться без друзей. Небольшая откровенность с его стороны привела к роли изгоя в классе. Невыносимое одиночество среди таких же подростков. И когда его беспокойство стало отчетливо проявляться, забеспокоились и родители. Семья переехала в другой район. Артишокина перевели в новую школу. Он не пренебрег возможностью начать все заново. Когда он смотрел на Женю, то вспоминал себя и покрывался мурашками. Из сострадания Артишокин старался уделить ей внимание. На безопасном расстоянии.

Заморосил дождь – все засуветились. Динамики затрещали, люди толпились возле входа в гимназию. Накрывали головы кто пакетом, кто воротником пиджака, а кто просто вжимал голову в плечи. Женя побежала сразу к метро. Ее туфельки попадали в неровности – она подгибала ноги, как косолапый медвежонок. Женя представляла себя со стороны и хохотала на всю улицу. Представляла, как она неуклюже ступает на мощеную дорожку и размахивает руками так, что плечи пиджака подпрыгивают. «Ну надо же! – подумала она у входа в метро, – не взять зонт в этом городе, да еще и осенью!»

3

– Ты это сама придумала, – сказал Артишокин.

– Нет же, дубина! Смотри определение слова «квадратовщина», – ответила Женя.

Артишокин смотрел на девочку и улыбался, оголяя кривоватые зубы. На каждую шутку Жени он невольно хотел прикоснуться к ней, но не смел. Они стояли у окна в школьном коридоре. Артишокин аккуратно положил руку на подоконник, как можно ближе к Жене, но следил за тем, чтобы не коснуться ее.

– И что это значит? – сказал он.

– Значит, когда люди вкладывают смысл туда, где изначально его не было!

Артишокин резко переменялся. Нахмурился, отошел в сторону и молча спрятал лицо в стену.

– Тебе что, слово не понравилось? – крикнула Женя.

Он все куда-то косился.

Женя проследила взгляд и наткнулась на кучку ребят с параллельного класса, которые стояли в другом конце коридора. Слезы подкатили к ее глазам. Она подошла к Артишокину, с размаху наступила ему на ногу и проговорила сквозь зубы: «Недомерок!» Затем поплелась к кабинету, где будет урок. Он остался невозмутим.

Артишокин стоял чуть ли не в углу и всеми силами ста-

рался не смотреть на Женю. Его глаза бегали и пытались за что-нибудь уцепиться, но не цеплялись. Глаза скользили по цветочным горшкам на подоконниках, по оконным рамам и трубам отопительных батарей, зарытых в стены. Он хотел застопорить взгляд, но не мог. Глаза тянулись к ней. Взгляд остановился на маленьких черных туфельках.

Женя стояла перед кабинетом и яростно прожигала бледное лицо Артишокина.

– Так и будешь вести себя, как шаблонный машино-человек! – крикнула она.

Звонок эхом загудел в голове. Женя зашла в кабинет и в бессилии плюхнулась за парту. Зашел преподаватель. Рот пожилой учительницы медленно совершал плавные движения вверх и вниз, но в ушах Жени только звенело. В уши будто напихали вату. Все открыли тетради и усердно стали писать. Женя ничего не понимала. Колючий взгляд учителя заставил подражать остальным. Она открыла тетрадь и со сдавленным лицом водила рукой по белым расчерченным в клетку листам.

«Что такое? – подумала Женя, – все на меня смотрят». Она повертелась и увидела ехидные усмешки. Кто-то ткнул на нее пальцем. Или показалось? «Так! – говорила себе девочка, – не будь параноиком!»

Стало тихо. Между шуршанием листов и тяжелого шага учителя по полу Женя различала шептание. Но только она повернется – голоса смолкали. Она вертелась и с жадностью

искала подтверждение насмешек. И в то же время убеждала себя, что ничего такого нет. За спиной раздался истерический смешок. Девочка сжала пишущую ручку – раздался треск. Ручка переломилась.

Шептание нарастало, а улыбки перешли в откровенный зубоскал. Женя не выдержала – прыгнула под парту и прижала руки к ушам сквозь волосы. «Я в безопасности, – бормотала себе под нос девочка, – здесь я в безопасности». Шум становился все громче. Женя зажмурилась и закричала что было духу. Она не произносила слов. Это крик отчаявшегося ребенка, который ждал помощи, но помощь не приходила.

В горле больно засвербело – девочка замолкла. Спустя секунду раздался шквал смеха. Женя выпрыгнула, перевернув парту, и заметалась взглядом от лица к лицу. Она нашла нужное и прочитала в нем отрешение. Женя всхлипнула и побежала прочь из класса.

Женя не помнила, как добралась домой. Ноги машинально вели к безопасному месту. Дорога, которая занимает половину часа, казалось, заняла полдня или целую жизнь, что одно и то же, как заметила бы девочка.

Носочки под сменной обувью промокли, глаза набухли, а щеки зудели. Женя повалилась на постель и уткнулась лицом в подушку. Она содрогалась от осознания своей ничтожности, безысходности или предопределения. Чувства путались. Временами она переворачивалась и смотрела в безмолвный потолок, который будто вот-вот рухнет и освободит от бре-

мении пребывания в жестоком мире. И отпущение от тягот жизни будто свершилось. Жене полегчало.

Девочка подперла руками зареванное лицо и подумала: «Надо попробовать».

Она спешно уселась за стол и завертела ручку в руках, наматывая прядь волос на палец. Через минуту Женя щелкнула пальцами, порылась в ящике стола и вытащила тетрадку. Девочка с волнением начала писать:

«Это было на небольшом немецком хуторе под названием Дорфляйн. На хуторе стояло три дома. Глава хутора – высокий худощавый помещик в потертой рубаше и изношенных штанах. Его имя Хаинрих. Жена Хаинриха противоположно пропорциональна: она низка и толста. Никто не знал ее имени, но сам Хаинрих называл ее: «Майн либе». Среди люда жена вечно погоняла и поносила Хаинриха, но сам он терпеливо снашивал натиск. На вопрос односельчан, мол, доколе будет продолжаться, что баба потекает главу деревни, Хаинрих только умилялся и отвечал, что жена только с виду злобная, а дома нежная и души в нем не чает. У них было двое детей. Дочка Грета и сын Ганс. Грету сватали за дьяка в селе за кукурузными полями. Ганса в этом году зачислили в приходскую школу в том же селе. Они жили в первом доме.

Второй дом занят пивоваром и сосисочником. Он был толст и лыс. По выходным он надевал традиционный костюм и полупьяный расхаживал по деревне. Звали его Гросс. Нрава он шумного, любил поспорить с главой поселения. Его

жена – скромная и симпатичная девушка. Однако же она все время молчала, даже с мужем не разговаривала. По крайней мере, никто такого не видел. Поговаривали, что она иммигрантка и не знает по-немецки ни слова. Еще поговаривали, что она вовсе нема, оттого что ей отрезали язык. А Грета с Гансом воображали, что у нее басовый голос, а так как у Гросса высокий и писклявый, то он приказал ей молчать, чтобы не выглядеть глупо. У них была толстая и некрасивая дочь Джузета двумя годами старше Ганса.

В третьем доме жил холостяк Эммануил. Он прослыл отшельником. Редко показывался на людях и не разговаривал. В доме жил и его скот. Одна корова, три маленькие свинки и около десятка кроликов. Соседи вообще этот дом называли хлевом. Хотя животных Эммануил соблюдал в чистоте: подмывал и убирал за каждым – сам нисколько не следил за собой. Вечно лохматый с нестриженной бородой в сальной одежде и чернющими руками. В свободное время Эммануил наблюдал за зверьем в местном лесу. За птицами, дикими зайцами и лосями, если повезет. Наблюдал, больше созерцая, нежели усвоить что-либо.

Так это поселение, окруженное лесом, мирно поживало.

А за пределами кукурузных полей находилось село Хольштраун – административный центр».

Ганс, сын главы поселения, считал себя особенным. Он задувал свечи, ложился в неудобную соломенную постель и мечтал. Смотрел в окно на темное усыпанное звездами небо и мечтал, что станет профессором и сделает величайшее открытие в астрономии. Как переедет из захолустной провинции в настоящий город. Там разбогатеет и вернется в Дорфляйн, чтобы забрать отца и мать в свою усадьбу.

Наутро ему приготовили новенький камзол, белую рубашу и черные туфли, на кое семейство откладывала полгода. Его мать не могла наглядеться, когда Ганс вышел наряженный во все эти диковинные одежды. Она представляла, как сын такой красивый будет прилежно учиться и в итоге получит хорошее место.

Ганс позавтракал отрубями, замоченными в кипятке, и отправился в школу еще до рассвета. Он не раз пересекал кукурузные поля и гулял по Хольштрауну, но теперь он шел за другим. Мечта становилась явью.

И хотя Ганс держался протоптанного пути, все же загляделся на искристое от звезд небо и заплутал на распутье. Сквозь ряды зеленых и высоких стеблей просачивались лучи солнца, а в школе надо показаться к рассвету. Ганс ускорил шаг. Он озирался в надежде уличить щелку между стеблями и разглядеть село, но неожиданно воткнулся во что-

то неприятно-жесткое. Это была Джузета, дочь пивовара, в компании подруг.

– Смотрите-ка, – сказала Джузета и ткнула на Ганса пальцем, – это же невежа Ганс идет на первый урок. Девочки, с нашей стороны будет невежливо оставить его без должного приема.

Девочки подошли вплотную.

Ганс робко стоял, не зная, что делать. От спешки он вспотел, лоб вымок, а белокурые волосы слиплись. Он учтиво поклонился старшеклассницам.

– А что это у тебя тут такое? – игриво спросила Джузета, взялась за нашивку его нового камзола и резко оторвала, обнажив локоть рубахи.

Ганс испуганно вскрикнул. Девочки принялись толкать растерянного мальчика, стараясь что-нибудь оторвать или запачкать в его костюме.

Джузета вдоволь наигралась, сомкнула руку в кулак и зарядила Гансу прямо в глаз. Такого насилия не ожидал никто. Минутная заминка разрешилась выкриком: «Бей его!»

Посыпались неприятно-больные удары девочек.

Ганс опомнился и помчался прочь. Он бежал под оскорбительные выкрики за спиной. Голова его пуста, а живот полон страха. Ноги вывели на тропу прямо к школе. Ганс подбежал к высокой дубовой двери каменного здания. Из окна раздался звон колокольчика – урок начался. С отвратительным предчувствием он сломя голову поднялся к кабинету и

зашел. Тяжело дыша, он поклонился учителю.

Учитель надменно посмотрел на мальчика, который не только мокрый от пота, весь в пыли и ссадинах, но и опоздавший. К Гансу медленно подошли, резко повернули и поддали под зад, выставив вон под смех класса.

Ганс брел по узенькой тропинке к кукурузным полям – границе домашних мечтаний и жестокой правдой первого дня в школе. Не так он все представлял. Временами он приободрялся. Он еще покажет свой незаурядный ум. Но только глаза спускались с пористых облаков на порванный камзол, как он мрачнел и думал утопиться в первом же колодце.

Еще издали мать увидела понурого мальчика, волочившего ноги. Она щурилась и с неохотой верила глазам, пока точно не рассмотрела своего сына. Мать принялась крыть бедного мальчика всеми известными ругательствами. Ганс стоял с опущенным лицом и пускал горькие слезы, которые горошинами скатывались по щекам. Эммануил, сосед-отшельник, выглядывал из-за дома и на особо перченые ругательства прятался. Толстяк Гросс лениво выглядывал из окна и ехидно посмеивался, а его супруга стояла на пороге и качала головой.

Появился и Хаинрих. Жена начала бранить сына не просто в воздух, а ему, Хаинриху, будто упрекая за неряху сына. Но когда она увидела на лице мужа божественную снисходительность, то плюнула и ушла домой. Хаинрих наклонился к сыну, утер подбитые и красные глаза, взял за руку и отвел

домой.

Подогрели таз с водой и отправили Ганса намываться. Он мылил жирным куском мыла светлые и волнистые волосы и старался ни о чем не думать. Будто бы родился заново. Очищенный от скорби он вытерся насухо и закутался в простыню. Дома его мать смиренно чистила камзол и штопала рваные раны. Отец же стирал запыленную рубаху. Он увидел Ганса и приветливо улыбнулся.

– Сын мой, – сказал Хаинрих, – знай, телесная сила не самое важное в мужчине. И те юноши, которые так невежливо обошлись с тобой, поймут это со временем.

Ганс насквозь покраснел и торопливо ушел в комнату.

Следующим утром Ганс встал раньше и смелой походкой отправился в путь. Он старался не отвлекаться, строго придерживаясь тропы. И все же перед глазами расписывались сладостные картинки. Он представлял костюм, пошитый из импортной ткани, кабинет, в котором висят кованые канделябры у стола из дуба, и большой атласный глобус посреди.

– Вон он! – услышал Ганс позади себя и вздрогнул.

Он обернулся и уловил лишь нечто серое и шероховатое летевшее в него, а следом острую боль в брови. Ганс разглядел очертания толстых девочек и рванул. Он бежал без оглядки, а в спину прилетали острые камни.

Ганс долетел до дубовой двери, оглядел себя и всплеснул руками. Весь в пыли он подбежал к колонке с водой. Он оттирал грязь с костюма и все поглядывал на окно в школе.

В кабинете учитель оглядел Ганса снизу вверх, хмыкнул и указал на свободную парту. Пока Ганс шел к месту, ученики в классе перешептывались, только сел – все затихли. Учитель расхаживал по классу, невнятно говорил и возбужденно жестикулировал. Это высокий тощий человек с впалыми щеками и с длинными седыми бакенбардами. Ганс смиренно сидел и смотрел на учителя, решительно не понимая, что тот говорит. Ни единого слова. Из рта учителя выливался набор смешных и шепелявых звуков со свистом.

В классе слышались вздохи и зевки. Учитель стремительно подошел к кафедре, вытащил оттуда деревянную указку и остервенело заколотил об парту. Ученики напряглись. Учитель как ни в чем не бывало продолжил рассуждать вслух.

Ганс задумался и очнулся, когда ученики суетливо доставали письменные принадлежности. Кто-то достал перо и начал стругать перочинным ножом. Кто-то разворачивал желто-серые листы бумаги. А кто-то, отвернувшись в сторону, разбавлял чернила. Учитель взглянул на бездвижного Ганса, сморщился и подошел вплотную. Он свисал над мальчиком, словно башня над всадником. Гансу подкатили слезы к глазам. Он завертелся за партой, вытащил листы из ящика, вынул перья и наклонился, делая вид, что чем-то занят.

Кто-то хихикнул. Ганс поднял голову и подпрыгнул на стуле. Перекошенный учитель все стоял над ним и смотрел налитыми кровью глазами. Тогда Ганс мокнул перо в чернильницу, навел на казенный лист бумаги и капнул жирным

шаром прямо в центр листа. Темно-лиловые пряди чернил расплылись паутиной.

Позже Ганс волочился домой и потирал ягодицы, чувствуя горячий отпечаток учительского башмака. Он увидел на узкой тропинке большого жука, который лежал перевернутый. Жук отталкивался лапками, старался вернуться в естественное положение. Ганс рассматривал тщетные попытки жука и ехидно зубоскалил. Когда мучения наскучили, Ганс взял с земли веточку и перевернул жука.

Длинный коричневый панцирь насекомого напомнил костюм учителя. Ганс замахнулся ногой и раздавил букашку начищенной туфлей. Завороженный он смотрел на желтую расплюснутую по тропе слизь и раздробленные частицы панциря. Ганс встряхнул голову и направился домой. Нечто гнетущее внутри мальчика рассосалось и отпустило.

Настал следующий день.

Занятий не было, только хоровое пение всей школой. Ганс зашел в огромный зал с высокими потолками, в конце которого располагался величественный орган. Стояли ряды юношей и молодых девушек. Ганс оказался в первой линии. У каждого в руках партитура со словами. Все оживленно переговаривались. Вышел преподаватель музыки, волоча полы сюртука. Он обозначил порядок композиций и удалился к инструменту. Начинали с Бетховена «Ода к радости».

Зазвучали громогласные трезвучия. Ганс взбудоражился. Если бы он сидел, то вскочил бы, но он стоял и хотел взле-

теть. Пока пел, он поднимался на носочки и опускался. Голоса затихли под заключительный аккорд, Ганс почувствовал толчок в спину. Он вылетел на середину зала и плюхнулся ничком. Грохот прошел волной и отразился в куполе потолка.

Позади Ганса сверкали черные поросячьи глазки. Джузета. В ярости Ганс подскочил и приблизился к обидчице. Он хотел получить ее око за свое. Ганс только замахнулся и вздрогнул от шлепка по затылку. За ним стоял преподаватель музыки. Только сейчас Ганс услышал напряженную тишину. Горечь подступила к горлу. Он хотел остаться на уроке и дослушать все композиции, но его выгнали.

Ганс медленно ступал по тропе и представлял, как он расправляется с ненавистной соседкой. Он припоминал ее до школы. Ганс радостно игрался со старшей сестрой, а Джузета робко сторонилась. Гансу и Грете весело, а Джузете грустно. Мать ее подбадривает подойти к ребятам. Джузета поступью приближается, а Ганс все весело играет с Гретой.

Показались очертания родного поселка, но домой не хотелось. Оттуда высокий и сгорбленный человек в перепачканной одежде направился в чащу леса. Это Эммануил, сомнений нет. Ганса щекотнуло любопытство. Он побежал к хлеву Эммануила, озираясь, как бы не наткнуться на родителей. Он прокрался в дом соседа и вдохнул запах теплого навоза. Ганс скривился, отошел в угол и уселся на охапку сена.

Под тяжелое дыхание буренки и редкое хрюканье поросят

Ганс прижал колени к груди и провалился в думу. В голове шла вереница мыслей, за которой он не успевал следить. Шорох в клетке отвлек. Ганс приблизился. Кролики разного окраса резвились на опилочной насыпи. Ганс понаблюдал и достал пушистого зверька.

Короткое подергивание розового носика с усами умиляло. Ганс то прижимал кролика и гладил шерстку, то вытягивал перед собой и подбрасывал, как маленького ребенка. Обиды забылись, тоска смылась со стенок души.

Порядком измученный кролик блеснул черными глазами. Ганс приблизил животное к лицу и оторопел от знакомо поросячьего взгляда. Он швырнул кролика на пол и забил ногами. Ужас от содеянного мгновенно испарился. Взамен пришло гнилое удовольствие.

Вечером все небольшое поселение Дорфляйна наблюдало необычное поведение Эммануила. Он шастал от дома к дому и будто что-то высматривал. Жена Хаинриха подтрунивала над ним. Над ее остротами пыхтел и смеялся сосед Гросс.

– Неужто потерял что? – говорила жена Хаинриха, – может, навоза кусок?

– Нет-нет, – задиристо говорил Гросс, – верно, мыло ищет, на праздники отмыться!

Эммануил откликался только грустным взглядом. Удрученный он ходил и к кукурузным полям, и к лесу. Но вернулся к хлеву без надежды. Он опустился на скамью и зарылся землистым лицом в темные от сажи руки. Плечи его бес-

шумно содрогались под изумленные взгляды соседей. Лишь Ганс посматривал в окно с затаенной улыбкой.

На следующие угасание солнца случилось нечто. Дорфляйн услышал голос Эммануила. Семья старосты Хаинриха и сосисочника Гросса услышали душераздирающий вопль отшельника. Драматично Эммануил выбежал на луг трех домов и упал на колени, зажав что-то в руках. Соседи высыпали наружу и окружили бедолагу. Хаинрих стоял в недоумении и почесывал выбритый подбородок. Жена его весело переглядывалась с Гроссом. Жена Гросса сочувственно покачивала головой. Она хотела погладить беднягу, но только приблизилась, взвизгнула и отпрянула. Выбежал Ганс, окинул всех взглядом и застопорился на Джузете. Он нервно усмехнулся и убежал. Хаинрих подошел к Эммануилу. В руках отшельника висел грязный труп кролика.

Всю неделю странный любитель животных несчастно вскрикивал. Он реже выходил из дома и старался скорее вернуться. А по возвращению слышался протяжный доходящий до хрипоты стон. Хаинрих по долгу положения пытался решить это, но на все расспросы Эммануил отвечал только: «Кроли».

В один день все вернулось вояси. Как и прежде в Дорфляйне стало тихо. Но неясно витала разница между поселением до странностей Эммануила и после. Ганс смотрел, как землю отца все так же возделывают, а часть собранного зерна относят Гроссу для варки пива. Смотрел, как мать по

утрам варит овсяные хлопья и чистит кукурузные початки, а вечером намывает посуду и замачивает белье. Жена пивовара беспечно гуляет по полю и собирает цветы для плетения венков, а ее дочь Джузета грустно смотрит в окно в ожидании школьных будней. Все будто бы по-прежнему. Сам Ганс чувствовал, как гневная желчь отделилась от крови и вышла наружу.

После затишья выкриков Эммануила возник назойливый гам его животных. По ночам буренка протяжно и удрученно выла. А свинки нервно похрюкивали и визжали. Бывает, живность успокоится на час-другой, и соседи в упоении задремывали, но звуки возвращались.

От бессонных ночей жена Хаинриха пуше прежнего осыпала мужа яростными укорами и оскорблениями. Хаинрих получал взбучки уже и дома, наедине. В отчаянии он вышел на улицу и уселся на траву.

– Соседушка! – послышался высокий голос Гросса, – чего это ты траву приминаешь?

Хаинрих только отрешенно посмотрел на жирное лицо пивовара.

– Мочи уже нет, глаз не сомкнуть какую ночь! – как бы проревел Гросс, – женушка вся извелась.

И тут Хаинрих прозрел.

Он сорвал тростинку, сунул ее в рот и стремительно направился к жилищу Эммануила. Хаинрих постучал из вежливости в дверь и прислушался. По ту сторону доносились

только шорохи и животная перебранка. Хаинрих развернулся с намерением прийти позже, но увидел испепеляющий взгляд жены, которая стояла на пороге дома, уперев руки в бока.

Дверь поддалась и закричала. Хаинрих отшатнулся от запаха помоев и разложения. Животные выглядели исхудалыми и неухоженными. В клетках было взъерошенное сено с опилками и только. В глубине дома на соломенной постели лежал труп, над которым роем вились мухи.

Похороны прошли безмолвно. В воздухе разносился только стук молотка, когда забивали крышку гроба. Гроб опустили на веревках в темную яму и стали лениво закапывать. Ганс смотрел, как отец поднял горсть рыхлой и влажной земли и посыпал могилу. Ганс ощущал напряжение, будто в животе тянулась нить, которую то натягивают, то ослабляют. Он горбился в ожидании чего-то неприятного, будто нить вот-вот лопнет.

Небо затянуло хмурыми облаками. Люд разошёлся, а Ганс все стоял у могилы. «Это все я», – осмелился подумать он. Ноги ослабели – Ганс упал на колени. Он пустил слезы и будто по наитию зачерпнул руками землю, засунул в рот и проглотил.

Женя поставила окончательную точку, отложила ручку и разминала затвердевшую кисть руки. Она плюхнулась на постель и улыбнулась – потолок теперь не казался давящим. Будто переродилась. Представились зимние каникулы. И хотя до них еще далеко, девочка представляла походный рюкзак на плечах и поездку в края, где снега больше, чем в Петербурге.

В этот день весь класс собирался на экскурсию в Эрмитаж. На промерзлой площади зимнего дворца классный руководитель 11 «а» собирала учеников в кучу и подзывала плетущихся с остановки. Она внимательно всмотрелась через очки на девочку со знакомым лицом, одетую с ног до головы в рыжий полосатый костюм с хвостом и оттопыренными ушами на макушке. Классрук надеялась, что ей показалось, но увы.

Внутри дворца учитель силилась остаться невозмутимой, но постоянно раздражалась от рыжего хвоста. А Женя так свободно ходила по залам, будто нет ничего естественнее, чем ходить в ряженном костюме по музею. Она топорщилась от величественно нависавших статуй и подсмеивалась над фиговыми листочками. «Скукотища!» – думала она и громко вздыхала. Женя искала случая улизнуть от классной экскурсии и осмотреть что-нибудь привлекательнее, к примеру,

зал с мумиями.

Перед классом открылась величественная лестница с красной ковровой дорожкой, уложенной от начала ступеней и до конца. Женя будто закрыла глаза и видела себя хозяйкой дворца. Она поднимается по лестнице. Только она одна. Идет в гостиную или спальню в стиле рококо и плюхается на воздушную кровать.

К Жене подошел Артишокин. Она хотела высокомерно пройти мимо, но его теплые полные симпатии глаза растопили девочку. Он взял Женю под пушистую от костюма руку и повел наверх под изумленные и брезгливые взгляды одноклассников.

В тишине они рассматривали узорчатые гобелены. Она прижималась к нему и наклоняла голову к плечу. Они переходили от полотна к полотну и задержались над одной картиной. Это была работа XVII века в трещинах и без названия. На картине изображены темные нависающие облака, грязный луг и маленький мальчик, в глазах которого блеснул страх. Он будто бежал от облаков. Его светло-зеленые штаны на лямках замызганы дорожной грязью, а белая сорочка вымочена потом.

– Ты знаешь, – робко нарушил тишину Артишокин, – этот мальчик...

– Да, – перебила его Женя, – этот мальчик – я.

Они задумчиво постояли. Женя ткнула Артишокина в бок и, заливаясь смехом, указала на картину «Рыбная лавка»

Снейдерса.

– А ты вон там среди них! – крикнула она.

Артишокин подошел и увидел в полотне свой класс. Рыбы, крабы и угри корчились с выпученными глазами и извивались в муках. Ему казалось, что это муки невежества. Он перевел глаза на столпившихся учеников. На шее учителя прорезались жабры, глаза выпятились, а рот беззвучно захлопал, глотая воздух. Весь класс забился в конвульсиях, словно выброшенная на берег рыба.

Артишокин встряхнул голову и посмотрел на озорное лицо Жени. Она ярко улыбалась. Он опустил руку и нащупал ее ладонь. Остаток экскурсии они ходили опьяненные, сжав руки в замок.

6

Студент второго курса психологического факультета захопнул записную книжку. Он представлял, как бы выглядела эта девочка: высокая и стройная или маленькая и пухлая. Симпатичная или нет.

– Да, действительно необычно, – сказал Александр.

– Да, – сказала Анна и улыбнулась, – иногда думаю, с нормальными я вообще детьми работаю?

– До свидания, – сухо сказал студент и вышел.

В холе, напротив аквариума без рыб, стоял журнальный столик и маленький диван. На столике стояли две кружки и сахарница. На диване сидела девочка и тихо пускала слезы. Рядом с ней сидела женщина и утешительно поглаживала девочку по плечу.

Студент задержался на мгновение. Лицо девочки не рассмотреть из-за свисавших прядей волос. Он шел по коридору и словно рвал лепестки ромашки: она это или нет. Внезапно налетела школьница с длинными черными волосами. Александр даже испугался, а девочка уже сидела на полу и собирала разбросанную бумагу. Студент наклонился и стал подбирать напрочь исписанные мелким почерком листы. Он набрал кипу листов и без умысла прочитал пару строчек. Это личные записи. Стало любопытно, но жгучий взгляд смутил. Александр протянул рукопись девочке. Она сверкнула кари-

ми глазами, крикнула: «Мерси боку, дурачок!» – и убежала.
«Она», – подумал студент и вышел из гимназии.

Цена раскаяния

Ненавижу ночные смены. От них у меня распухают ноги, а когда приезжаю домой и ложусь под утро спать, чувствую недомогание. Просплю до самого вечера, а ощущается, будто на часик прилег. Каждому, кто работает по ночам, знакомо это состояние. Невыносимо! Ушел бы с работы только из-за этого. К сожалению, пока такой роскоши не могу себе позволить. Я погряз в долгах, а иссякнут они спустя годы. Смена работы остается только в грезах во время ночных смен. Вообще, ночью надо спать – восстанавливать силы. Даже на развлечения тратить ночь, жертвуя сном, – глупо. Может, поэтому я и прослыл среди приятелей занудой. Всякий раз меня называют старым пердуном, когда отказываюсь от попойки в баре или плясок в клубе.

Пришла СМС от неё. Пишет: «Я кое-что сделала, но тебе это не понравится». Уже не нравится. Знает же, что я ревнивый, зачем пишет такой вздор! Лучше бы наврала или молчала. Я не ответил. Гнев нарастал, поэтому проигнорировал выходку моей девушки. Иначе неминуемо разразился бы скандал в нашей переписке. Это так по-современному. Мы ругаемся на расстоянии и миримся тоже. А при встрече наше общение заходит в какие-то рамки. Становилось еще хуже. На расстоянии мы общались: я флиртовал, а она грубо надо мной подтрунивала. Но было ясно, что мы неравно-

душны друг другу. А при встрече лицом к лицу мы как будто знакомились заново. Стеснительно и недоверчиво друг с другом переговаривались. Поначалу это даже забавляло. Но когда порядком надоело, это состояние само собой улетучилось. Мы уже год вместе, и глупо вести себя так.

Её зовут Фригида. Конечно, это ненастоящее имя. На самом же деле ее звали Настя. Это имя долго меня преследует. Еще со школьных времен эти Насти сводили меня с ума. Не в том смысле, что я по ним сох или скрещивал ноги, когда стоял рядом. Напротив, были Насти, от внешности которых воротило. Но это не мешало им досаждать. В этом смысле. Они делали мою жизнь беспокойной. Причем разными способами. Каждая ухитрялась по-своему. Но все сводилось к одной единственной цели. Публично унизить и оскорбить меня. Уж не знаю, чем я досадил Настям, что они так ярко старались преуспеть в своем деле. Я отнюдь не страдаю манией величия. Поверьте, я бы с радостью отвязался от подобной напасти.

Так вот, мою девушку зовут Фригида. Внешне она симпатична: невысокая, ее макушка еле касалась моего подбородка, волосы рыжие острижены под каре, кончик носа приподнят, а глаза светло-карие. Над верхней губой проросли белесые усики, которые ничуть не огрубляли вид, напротив, заставляли умиляться. Фригида, если бы твой характер был такой же, как твоя пленяющая внешность, я бы все простил.

Время тянулось, шел последний час смены. Ноги настоль-

ко опухли, что туфли начали давить. Ходить болезненно неприятно. Я скинул обувь. Теперь внешний вид не заботит меня. В таком настроении мне глубоко безразлично мнение окружающих. Конечно, вид глупый: охранник в рубашке, брюках и с голыми ногами, в одних носках. Будь у меня дырка в носке, она нисколько бы не смутила. Напротив, я даже порадовался бы выказать небрежность всему персоналу. А что насчет клиентов, так с трех ночи в наше кафе никто не заходит. Мы просиживаем остаток рабочего времени.

Скоро закончится дневная смена. Договорился с Фригидой встретиться. Обычно мы гуляли по городу вдвоем, одиноко расхаживали по залитому лучами фонарей парку. Все идет хорошо до тех пор, пока мы разговариваем. Бывает, я вспоминаю старую и смешную историю или живописно и размашисто рассказываю анекдот. А бывает, моя временами безответная подруга повествует казус, случившийся у неё на работе, или же хвастает своими успехами. Но потом наступает молчание. Боже, худшего времени и придумать нельзя. В глубине как будто вспыхивает бензин и прожигает внутренние органы. Голова краснеет, и кровь горячится так, что вот-вот закипит. Уверен, что она чувствует то же.

Вот и сменщик пришел. Остается только снять строгий костюм и вылететь счастливым и освобожденным от рутин-

ного труда. Её пока нет, поэтому я жду и прогреваю машину. Щелчок ручки – дверь распахнулась и с хлопком закрылась. Она внутри, а в руках сверток, небрежно украшенный подарочными лентами. «Привет», – говорит она. Все как обычно. «Что это у тебя?» – киваю на сверток. Она отвечает: «Я писала, что тебе это не понравится. Я ходила по магазинам и купила тебе толстовку». Я смутился. Как я мог? В край сердца вонзился острый штык совести. Тот день прошел скверно, из-за того сообщения. А оказывается, она сделала мне подарок. Помутнело в голове, ничего не хотелось. Какая прогулка с такой досадой на душе? Я так замкнулся в горечи, что не выказал признательности. Хотя что-то и слетело с моих губ, но это звучало настолько жалко, что я бы счел это за оскорбление, нежели за благодарность.

Молчание. Сидим так с полчаса. На улице закапал вечерний дождик – окна в автомобиле запотели. Мы сидели будто в железной капсуле посреди тумана, где ничего живого вокруг не виделось. Включил обдув воздухом, чтобы взор прояснился. Прогулка не состоялась. Я обрадовался дождю, потому что все грехи свалил на него. Но нам обоим было понятно: это лишь предлог.

Можно подумать, что наши отношения дрянь. Однако у каждой пары найдутся проблемы. Когда я хочу разувериться в плохом настрое, то всегда вспоминаю случай, который произошел у Фригиды в квартире. Тогда я остался у нее на ночь тайком от родителей. Мы словно подростки скрывались в

комнате. С первыми лучами проснулись, конечно же, не мы, а её отчим. Человек этот военной закалки. Строгий, живший по своим понятиям. После знакомства у него сложилось впечатление обо мне, как о сорванце, который решил покуситься на чужое добро. В общем, он не переносил меня, а я взаимно не переносил его. В то утро он зашел на кухню и стал ждать завтрака, который обычно готовит жена, родная мать Фригиды. Каким-то женским чутьем мать поняла, что сегодня ночевал гость. В отличие от отчима она сопереживала дочери, а ко мне относилась с добротой. Фригида встала и пошла на кухню. Когда все трое оказались вместе, отчим сердито задал вопрос. Я слышал все через стенку и напрягся. «А вы мне ничего не хотите сказать?» – проговорил отчим. «Чего сказать?» – в один голос ответили мать и дочь. Похоже, будет скандал. «А то, что у меня футболка шиворот-навыворот надета, а вы стоите и молчите». Раздался смех, в котором улавливалась радость от нераскрытой тайны. А я потягивался в блаженстве, все обошлось. Оставалось лишь проскользнуть в прихожую, из которой легко выбраться незамеченным.

Год первый

Где это я? Не нравится мне это. Как я сюда попал? Что вообще это за место? Тут темно. Наверху мутные блики, как от звезд, но небом это не назовешь. Слишком близко и как-то затемнено. Небо не такое. А блики не мерцают, а словно просвечивают сквозь туман. Как же тут холодно! Воздух сухой настолько, что с вдохом холод обжигает грудь. Кругом безветренная тишина. И пахнет серой. Запах настолько сильный, что кажется его источник прямо перед носом. Не в ад ли я попал? Но тут нет адского пламени и прочего. Похоже, нас обманули: в аду не жарко, в нем чертовски холодно.

Я зажмурился и встряхнул головой, дабы очнуться. Открыл глаза – передо мной раскинулись выстроенные в два ряда двухэтажные домики, окрашенные в кирпичный цвет. Окна и двери в них небрежно заколочены досками. Я подошел и разглядел тварей, походивших на худощавых людей, которые прятались за углами домов. С ног до головы они закутаны всяким тряпьем, сотканых из разных кусков. Все одеяние вымазано в грязи. Из повязок на головах виднелись огромные сверкающие злобой глаза. Меня схватил озноб. Я пошел дальше, в надежде найти кого-нибудь другого. Я обращивался: казалось, что меня преследуют. Все мерещился их недружелюбный взгляд. Они смотрели на меня, как голодный волк смотрит на добычу.

Пройдя вперед, я оказался в этом же месте, откуда начал идти. Что за бред? Я не разворачивался, даже не сворачивал! Что за чертовщина?! Глаза заметались по сторонам, надеясь зацепить что-нибудь взглядом, что растолкует происходящее. Ноги ослабели. Я перестал чувствовать стопы. Чувство, что вместо костей в ногах вата. Я панически шастал из угла в угол, но всюду встречал недружелюбный взгляд и мычание этих существ. Найдя угол, где нет посторонних, я свалился туда и закрыл лицо руками. Тело затряслось, я захныкал, но слез не чувствовал. Единственное, что просачивалась сквозь страх – огромная жалость к себе. Я шептал: «Может, это сон? Я сейчас проснусь, и все пройдет. Ущипну себя и проснусь».

Пальцы судорожно щипали кожу на руке. Ничего, кроме прикосновений, я не чувствовал. Ни боли, ни чувства, что пробуждаюсь. Нет, это не сон. Шорох за спиной. Я затаился, не осмелился обернуться. Я отдался на волю случая. Даже если за спиной стояла сама смерть, я бы не шелохнулся. «Ты что, умирать собрался? Э, нет, это будет слишком легко», – прозвучал низкий, бархатный голос. От осознания, что рядом человек, я готов было броситься ему в объятия. Я обернулся и увидел другое существо по виду не лучше, чем те худощавые и мычащие твари. Это карлик ростом мне по пояс. Ноги у него козлиные с копытами, а лицо заросло бородой и испачкано землей.

Я сглотнул горечь разочарования. У меня вырвалось: «Ты

кто?» – на что безрогий, удрученный сатир стал растолковывать своим басом: «Меня зовут Казимат. По крайней мере, здесь. Ты, дружок, попал сюда неспроста. За какие грехи тебя отправили в это богом забытое место, даже не догадываюсь. Но скажу, единственное, что ты можешь здесь – сыскать побольше смирения для своей души. Если она вообще есть. И тогда будет полегче переносить предстоящие муки вечного забвения». Глаза заслезились, но я не плакал. Казимат бросил на меня тяжелый взгляд и сказал: «А это ты брось, все равно не получится. Это единственный путь отсюда. Когда произойдет, ты поймешь».

От таких бредовых загадок голова идет кругом. Казимат потупил взгляд и продолжал: «Здесь нет ничего, кроме жутко изнуряющего голода. Но как бы ты не утолял его, что бы ты в пищевод не запихивал, все это пройдет мимо желудка и исчезнет. А голод будет нарастать. Голодать будешь не ты, а твоя душа. И здесь ей пищи не найти. Так же, как и выхода. Забудь про все попытки выбраться, лишь понапрасну истерзаешь себя, и голод увеличится. Держись подальше от тех тварей, что закутаны в грязные лоскуты. Они обезумели от попыток утолить голод. В порывах мучений они сговаривались и пытались съесть себе подобных, но смерти здесь нет, поэтому жертва остается жить, но муки усиливаются. Кто утоляет голод плотью, иссыхает и разрыхляется. А кого обглодали, остаются обездвижены в иглах беспомощности. Все продолжают созерцать неутолимый голод мирских оши-

бок».

От рассказов загадочного проводника страх немного утихал или, скорее, перерождался в обреченность. Как я оставлю надежды на избавление от этих мук и поддамся смирению в агонии неутолимого голода? Начало мутить. Еще этот невыносимый запах серы, который временами менялся в тошнотворный душок аммиака. Но при этом во рту натекла обильная слюна, что приходилось сплевывать. Голод, он потихоньку появляется. Все хотелось расплакаться, как младенец, но слезы никак не шли из глаз. Здесь и вправду это невозможно.

Лишь бы отвлечься от мыслей. Я спросил: «А ты здесь почему?» Казимат приподнялся и стал задумчиво наблюдать за одной из блекло мерцающих звезд. Он медленно выдохнул и ответил: «Никто не знает, по чьей воле он здесь оказался. И какой именно проступок стал источником заточения в муки, где год скитаний равняется часу мирского времени. В несбыточных желаниях блуждает таинственное знание, отчего ты здесь, которое прокладывает путь к спасению».

Мозаика не составлялось – бросил размышления. Я поднялся из угла и уставился на руки. Они мертвецки синего цвета. Холод, который охватил сначала, то ли исчез, то ли я привык. Но руки выглядели, как застуженные. Я попытался пошевелить пальцами, но суставы не слушались. Кисть не сжималась в кулак. Надо одеться, иначе обморожу все остальное. Обойдя один из домов, где вокруг не было худо-

щавых тварей, я нашел расщелину в закалочной двери. Забрался внутрь.

В темноте, где тоненькие лучи света пробивались сквозь забитые досками окна, я разглядел что-то вроде грязной занавески, валяющейся на полу. Сначала я попытался отряхнуть её от грязи, но поняв, насколько это бессмысленно, накинул её так, обмотался с ног до головы. Ту часть, которая волочилась бы по земле, я оторвал и намотал на застывшие руки. Теперь я походил на тех небрежных существ в грязных одеяниях. Похоже, здесь это единственное спасение от мерзлоты. Снаружи я прислонился к стене дома. Мысли хаотично и беспрерывно блуждали в голове, пока слюни во рту не начали выливаться, точно переполненный стакан. Я все сильнее чувствовал голод.

Отчего же я здесь оказался? Кто и за какие грехи отправил меня страдать? В голове вертится имя. Фригида. Теперь я не переносу ее больше, чем когда-либо. Но не злюсь. Я настолько вымотан, что не хватает сил злиться.

Устремив взгляд в чарующее и блеклое сверкание звезд, я все глубже уходил в пучину угнетенных рассуждений. В паутине мыслей я строил догадки, за что Фригида отправила меня отбывать неведомый срок в самую худшую из худших тюрем. Глаза наполнялись темнотой, и стоило перевести взгляд в другое место, я все продолжал видеть бледное свечение точек. Это свечение я созерцал вместе с голодом, который поминутно усиливался.

Год второй

Кто это? За столько времени я впервые вижу это. Эти очертания напоминают какое-то животное с того места, где я раньше жил. Места, где мой дом. Это маленькое безобидное существо на четырех высоких, но хрупких ножках с копытцами. На них располагалось массивное тело с толстой шеей, на которой аккуратная головка с проросшими рожками.

Это олененок. Никогда его здесь не видел. Он заблудился. Как и все мы. Скоро он почувствует мой голод. Голод, который не оставлял все это время. Голод, который с каждым вдохом и выдохом, с каждым морганием глаз становился сильнее. Чувство, будто сам себя медленно перевариваю. Как тщательно разжевываюсь в обильной слюне. Проглатываюсь и в секунду опускаюсь по пищеводу в желудок. Там стенки, промазанные кислотным соком, сминают меня, обжигают кожу и разъедают плоть. Несколько часов я варюсь в смеси желудочного сока и собственной крови. Потом спускаюсь в тонкий кишечник, напоминающий длинный туннель с отсеками для остановок. В каждом из отсеков меня сдавливает массивная мышца, перемалывая оставшуюся массу. В каждом отсеке впрыскивается яд со стенок, разъедающий меня. Долгий путь я совершил по туннелю разложения и попал в дамбу толстой кишки, где в конце виднелся проблеск из заднего прохода. Каждое движение в сторону свободы со-

провождалось высасыванием сил. С каждым миллиметром проделанного пути, я иссыхаю до изнеможения, точно усопшая мумия. Чем ближе к концу, тем сильнее мышечные спазмы сжимают и выталкивают наружу. Я словно нагнетаюсь, чтобы вылететь, как пробка из бутылки игристого.

БАМ! Словно выстрел прозвучал в ушах, и я резким движением челюстей впиваюсь зубами в бок олененку. Откусываю волосатый покров кожи и, не жуя, проглатываю. Брызнула кровь из надкусанного бедра олененка. Я зажмурился и машинально вонзил зубы в кроваво-красную рану. Горячая кровь полилась в рот, и я, глотая ее, пытался отодрать кусок побольше. Сократил скулы – откусил и почувствовал пресный вкус мяса. Слух пронзил оглушительный вопль олененка. С хрипом он вдыхал и с вибрацией гортани издавал мучительный крик. Третьим укусом я добрался до хряща и попытался его разгрызть. Руки соскальзывали с туши из-за скользкой крови. Олененок резко повернулся и лягнул меня в грудь, в ней хрустнуло.

Я отлетел в сторону и на секунду ощутил блаженное удовлетворение голода. Замер. Ничего, кроме пустоты и странной сытости, я не чувствовал. Олененок повернулся боком. Из рванья моих укусов выглядывала часть тазобедренной кости. Но олененок спокоен. В его черных глазах проглядывалось отрешение. Его взгляд был пуст. А-А-А-А-А-ГХ! Боль! Ужасная боль, которую я здесь никогда не чувствовал, пронзила в животе. Она будто клинком вонзилась и прокрути-

лась, наматывая на себя кишки. Меня стошнило. Все, что я проглотил, вышло наружу. Затихший на секунду голод вернулся с такой скоростью и с такой силой, что раньше он показался бы легким недомоганием.

От припадка я чуть снова не набросился на олененка, но вовремя подставил свою руку и прокусил. Я не дал себе проглотить и капли крови. Я доковылял до угла и повалился, прошлифовав спиной о стену. На ней остался жирный мазок темно-алой крови. Хватило сил лишь поднять голову и лицезреть сумрачное свечение на высоте проклятого купола. Больше не могу. Этот голод сводит с ума. Тело меня не слушает. Я обессилил.

Без содействия, против воли и желаний, мои руки потянулись вверх за спину к стене дома. Они вцепились в обивку здания и стали скрести, пытаясь уцепиться. Чувствую только, как ногти забиваются смесью похожей на известь. Пробравшись сквозь облицовку, руки уцепились и потянули вверх, поднимая мое тулово. Расчищая себе зацепки, руки волочили меня все выше. Ничего не интересовало, я впал в полное безразличие к себе и ко всему. Смерти здесь нет. И я потихоньку смирился, что мои мучения не кончатся.

Минули первый этаж. Руки с жадностью подтягивали меня все выше, видимо нацелились добраться до конца. Одна рука ухватилась за край крыши и соскользнула. Вторая рука не удержала тело, и я полетел вниз. Свалился и хлопнулся плашмя всей массой об бетонное покрытие земли. Не в си-

лах подняться я с титаническим усилием вывернул руки к лицу. Ногти разодраны до крови, часть пальцев вывернуто в неестественную для них сторону. Дальше запястья ничего не ощущал. Не было никакой боли ни от проделок рук, ни от падения. Никакой боли. Лишь глубинный и пронизывающий голод.

Со стороны послышался стук копыт. Стук нарастал, становился все ближе. Может произойти все что угодно. Скорее всего, меня ждет расправа, пока я обездвижен. Слегка влажный отдающий теплом язык олененка начал облизывать мне лицо, стараясь прилизать кровоточащие ссадины. Пока олененок это делал, я наполнялся живой силой. Это вернуло ощущение тела и воли над ним. Я приподнялся и уселся на колени. Черные глаза олененка наполнены дружелюбием. Хм, я недоумевал. Может, все-таки Бог не забыл обо мне?

В животе что-то наполнилось. Там заструилась капелька золотистого зелья, и я назвал бы ее благодарностью. Я с нежностью посмотрел на олененка. Глаза невольно скользнули по оголенному от укусов бедру, где выступала кость в запекшийся крови. Нутро омрачилось глотком черной горчичной отравы, затмив золотистое свечение. Самое подходящее название для этого – стыд. Желудок вновь наполнился голодом.

Я послушался Казимата и оставил попытки найти выход отсюда. Уверен, что находились те, кто пытался выбраться из западни. Но этим лишь усугубили заточение. В прежней жизни говорили, что если чем-нибудь заниматься, то время

быстро пролетит. Здесь иначе. Чем больше двигаешься, тем медленнее протекает время. Лишь когда сосредотачиваешься на успокоении, поставив его превыше мучений, тело легче переносит голод, а душа не терзается жаждой избавления от горечи. Я собрался с силами, поднял обезображенную руку и погладил шею олененка. Глубоко вдохнув уже привычный запах серы, я обреченно взглянул ввысь и погрузился в тайну нашего проклятья.

Год третий

Сколько я уже здесь? Нет возможности отсчитывать дни. Да и вряд ли я стал бы. Это имеет смысл, когда теплится надежда на неминуемое избавление. Избавление от вечно-го нахождения на эшафоте. Готов расстаться с жизнью, но это не произойдет. Душа рвется наружу с воплями: «Я хочу жить!» Разум понимает, что смерти здесь нет, но душа чувствует скорую кончину. Кажется, что я прожил в этих муках лет десять, но боюсь ошибиться в меньшую сторону. Кажется, что большую часть жизни, я провел именно здесь.

Дом напротив разрушен заметнее остальных. Его крыша проломилась, а красные стены замусолились и стали грязно-бардовыми. Там проглядывались знакомые очертания не то человека, не то животного. Оттуда излучалась какая-то дружелюбная теплота, она светила блекло-желтыми огнями. Я поднялся и поволочился до этого манящего свечения. Олененок, зализавший мои раны, теперь всегда рядом. Он не отходил с того самого времени, как мы не очень удачно познакомились. Ноги медленно ступали, спина прогибалась, создавая горб, точно у меня большая ноша за плечами, которая давила тяжестью и приминала к земле. За спиной, по моим следам, раздавался неровный стук маленьких копыт олененка.

Подойдя ближе, я увидел слабый огонек, над которым гре-

лось обезображенная посуда коричневого цвета. Внутри нее медленно закипала густая жидкость. Пар, исходящий от этого варева, пахнул травянистым отваром с солью. Послышался шорох за углом дома. Медленно из-за укрытия выходил он, старик Казимат. Он меня не заметил. Его глаза обесцвечены, облачены в мутную вуаль. Он слеп. Но двигался твердо: он поднял посудину, с непринужденностью налил шипящую жидкость в подобие стакана и вернул тару обратно на огонек. Я дернулся, когда он внезапно произнес: «Чай будешь?»

Я замешкался с ответом, но утвердительно кивнул. И только через некоторое время понял, что сглупил. Но Казимат уже протягивал кружку с варевом. Как он добыл огонь? И откуда у него эта настойка, ведь здесь ничего не растет? Да и воды здесь нет! Но здесь я научился примеряться с неизвестностью. Не стал расспрашивать об этом.

Горячий запах отвара ударил в нос, пар слегка обжег лицо. Сделал маленький глоток. На вкус горько и солено. Чуть не поперхнулся этой вязкой гадостью. И он еще назвал эти помои чаем. Старик, похоже, за проведенное здесь время не утратил юмор. Я вдохнул запах отвара, но не решился еще раз глотнуть. Я наигранно сказал: «А ведь ты мне наврал. Я в подробностях помню наш первый, да и единственный разговор. Ты сказал, что здесь нет боли. Но к моему разочарованию, она на мгновение замещает голод вместе с насыщением. Но лишь на секунду. После чего голод возрастает. Не

самый приятный опыт. Боль была адская». Старик потупился и не поднимал заросшего грязного лица. Он вылил себе в кружку остатки отвара и с равнодушным видом сделал пару глотков. Даже не поморщился.

Я не нарушал тишину безмятежного молчания. Тяжело выдохнув, Казимат еле слышным голосом стал медленно нашептывать: «Я убил его. Но не заставил себя вкусить плоти». Сначала я даже не сообразил, о чем он. «Олененка, – продолжал Казимат, – он пришел ко мне, а я убил его. От вида мертвечины, захотелось расплакаться, но было не суждено. Путь обратно не поддался. После этого я чувствовал, как с каждым днем с моим телом что-то происходит. Я становился все ниже и ниже, а на ногах прорастали копыта. Не знаю, как я сейчас выгляжу. Но точно не похож на себя прежнего. А боль? Здесь для меня неведомо это чувство. Прости старика».

Мы помолчали.

Я отошел, прислонился к стене и медленно спустился на землю. Приятно ощущать легкую теплоту маленького лучика огня. Нет, это настоящее блаженство. Словно вся прожитая жизнь – череда терзаний вечной мерзлоты, а теперь появился огонь, как маленькая надежда на перемены. Я не поднял по привычке голову вверх, где блеклое сияние точек на туманном листе, но потупил взор, стараясь не замечать навязчивый поток бестолковых мыслей. Блуждание в голове обычно ходило вокруг жизненных ошибках, чем радостях.

Я вспоминал, где напортачил и, найдя, медленно прокручивал это. Рассматривал в подробностях... Не знаю почему, но я стал ожидать смерти. Где-то в потаенном уголке души я ощущал, что свобода воздастся именно так.

Год четвертый

Удивительно чувствовать какую-то беззаботную радость, ведь я только глядел на олененка, моего друга. В последнее время голод отошел на второй план. Первое же, что мною полностью завладело, – безмятежность. Я одиноко сидел у стены и смотрел на исхудалое тело олененка. Место, где я нанес ему увечье, давно зажило. Но своеобразно. Кость таза осталась открытой, кожа зажила вокруг нее. Ребра на его груди стянуты шкурой, они выпирали как у оголодавшего животного. Шея истончилась, кожа на ней свисала. Вид у него ужасающий. Голова осталась такой же, какой ее запомнил изначально. Взгляд его пустых черных глаз завораживал. Когда смотришь в поглощающую бездну, и пугающий блеск его глаз, становишься, как заколдованный. В такие минуты я думал, что все мое существо сокрушится только перед силой этого взгляда. С большим усилием я отрывался от пленяющих глаз олененка. Я говорил себе, что не стоит повторять это еще раз, но неподвластны уговоры перед его чарующим взглядом. И я вновь поддавался.

За время скитаний, олененок не оставил меня ни на минуту. Странное дело: чем дольше он рядом, тем больше во мне жизненной силы, благодаря которой я боролся с главным врагом – со своей ничтожностью.

Кто это?!

Я на мгновение поверил, что увидел её. Не давая одурманить себя размышлениям, я рванул что было сил к загадочному и такому знакомому очертанию. Еще поодаль я разрывался криками, но незнакомец не замедлял шаг.

Я догнал и отдернул за руку низенького человека, навалился на него всем телом и встретился взглядом с её лицом. Это она, Фригида! Она одета на манер всех, кто здесь обитает. Сплошь укутанная в разодранное и грязное тряпье красного цвета. На голове подобие капюшона. Страх, который сначала я принял за что-то другое, давил тяжестью на живот. Её лицо невозмутимо, спокойно, и это чертовски злило! Каменным взглядом она смотрела на меня. Губы насмешливо скривились. Она явно не страдала голодом. Вид у неё, как у здешних узников, но ее внутреннее умиротворение показывает, что никакими муками она не терзаема. Не для отбывания срока за грехи она здесь появилась – для другого.

«Почему я здесь?» – с трудом и громким хрипом вырвалось из моих уст. Так странно, что именно это просочилось сквозь пыль, все исступление. Что только я не хотел высказать ей, но сказал лишь это...

Она иронически вскинула брови. Я попал точно в цель. Взгляд её стал лукавым, вот-вот она расхохочется мне в лицо. Но она с издевкой протянула: «Надо было лучше ко мне относиться».

Я начал содрогаться. Мои руки, плечи, шея, тулово, голова – все припадочно тряслось. Зубы крепко стиснулись – че-

люсть светло. Из глаз по щекам хлынул ледяной поток слез. Попало на губы, я разжал челюсти и облизал языком. Ужасно горький вкус. Слезы текли акварельно-черного цвета. Они застилали глаза.

До конца не сознавал смысл ее слов, но я уверен, что раскаяние свершилось. Наконец-то душа освободится от оков забвения. Место, которое занимал голод, теперь опустело. Я чувствовал запах свободы. Он свеж, как утренний ветер на берегу моря. Я закрыл глаза и увидел белый свет.

Мгновение спустя.

– Эй! Просыпайся! Ты уже четвертый час спишь. Если нагрянет проверка, заплатишь штраф. Ты чего такой напуганный? Давай, взбодрись, до конца смены осталось чуть.

– Что?!

Это я значит...

В глаза впилась бледно-белая кафельная плитка, криво уложенная на полу и на стене. Я сидел в небольшой комнатке, которая служила нам раздевалкой и курилкой одновременно. Справа свисала верхняя одежда персонала, а слева стояла табуретка, на которой лежала пепельница вся утыканная окурками. Один из них вяло потухал, пуская тоненькую нить блуждающего дымка. Кто-то недавно курил. Из полуоткрытой двери слышалась суматоха. Гремела посуда в раковине, издавая металлический звук, струились брызги чистящего средства для стекол.

И сколько?.. Всего-то...

А как же? И там была она...

Ночные смены, как я их ненавижу.

Атмосфера

Сквозь полумраком укрытое пространство поля рассекал потоки встречного ветра моторный вагон пригородной электрички № 13698. В его составе связаны восемь отдельных миров. В жестяных крышах состава отражался мутный отблеск ночных звезд и полной луны, которые проглядывались сквозь облачную тюль. Свечение изредка разбавлялось вспышками контактных проводов.

Капли дождя горошинами скапливались на ветровом стекле головного вагона и с дрожью стекали вбок, пока их не соскребали дворники. Пронзительно-желтый свет фонаря локомотива озарял бетонную рябь шпал и устремленную вдаль пару рельс. Только это и видел помутневшими глазами главный машинист электропоезда. Рядом с ним болезненно дремал согнутый в три погибели студен-практикант. На приборной доске сидел и созерцал металлический Будда.

Главный машинист закинул руку за спину и почесал лопатку. От синей рубашки с золотистыми погонями вечно зудело. Машинист растянул ноги – стрелки штанов выпрямились. Он пошевелил пальцами в тугих и начищенных до блеска кожаных туфлях, чтобы кровь оттекла в онемевших ногах. Пустота в лысеющей голове медленно наполнялась вопросами, словно лесной ручей протек в пересохшем русле:

«Я веду эту электричку, или я веду не эту электричку?»

«Я веду электричку, или я веду не электричку?»

«Я веду электричку, или не Я веду электричку?»

Электропоезд пересекал путепровод, асфальтовая дорога которого выходила параллельно путям. Из окон электрички пассажиры видели, как конусы фонарного света машин уносились вглубь ночи, как возникали оттуда и вновь скрывались. Скорость движения нарастала.

Поле осталось позади: состав плавно перешел в искусственную расщелину. По обеим сторонам громоздились старые деревянные дома. Еле заметны очертания поросших сорняками теплиц. Электропоезд замедлился: заскрежетали тормозные колодки. Появилась длинная и вымокшая платформа.

«Поповка, следующая остановка Саблино», – разлился по вагонам мягкий женский голос.

Резкий стук открытия дверей – внутрь проник зябкий холод улицы. Еле уловимые закутки пара от выдохов на стуже сменились выдохами отогретых пассажиров.

«Осторожно, двери закрываются, следующая остановка Саблино».

Сигнальный свист головного вагона и резкий толчок: поезд двинулся дальше. Позади трещал звонок пешеходного перехода. Мерцали красные огни светофора. Они то возникали, то затухали.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... – шептал школьник на переходе вместе с одноклассником.

– Обычно на один больше, да?

Отворилась дверь в салон – из тамбура доносился глухой кашель безбилетников и туалетная вонь. Молодой парень вошел в салон и медленно прошел между рядами пластиковых сидений кирпичного цвета. Пассажиры косились на его длинные сальные волосы, выкрашенные в пепельный блонд и свисающие ниже плеч. Но взгляды опустели, только он уселся.

Он глядел через окно в пустую и вязкую темноту. Временами он разглядывал в отражении стекла то людей на соседних рядах, то себя. Его сгорбленная спина напоминала утомленность и бессилие, хотя в нем и ощущалась неподдельная сила, которая вырвется, словно стрела из-под натянутой тетивы. Гладкая кожа на лице без морщин дышала спокойствием и умиротворением. Но внутри таилось нечто иное. До краев его наполняла тоска и безразличие к жизни. С другой стороны, разрываемое противоречие: в нем кипела ненависть и злоба к людям. Легкое и размеренное дыхание нередко прерывалось скрипом стиснутых зубов, фырканьем носа и сжатием рук в кулаки.

Он отвел глаза и поднял голову. Над дверью салона висела табличка: красный квадрат с белой дымящей сигаретой в перечеркнутом круге. «Курение запрещено», – гласила надпись под знаком. Он опустил горевшие блеском глаза, впал в минутное раздумье, после чего усмехнулся. Рука потянулась во внутренний карман черной осенней куртки. Он вытащил

пачку дешевых сигарет, вытащил одну папиросу и воткнул в рот. Подкурился – грудь наполнилась терпким с привкусом гари серым призраком безысходности. Никотин разбавил кровь, слабость расплзалась по телу. Голова закружилась.

Когда он подкуривался, то привлек внимание по меньшей мере пяти пассажиров: женщину слева на соседнем сидении, мужчину позади и впереди сидевшую тройцу подростков. Последние украдкой поглядывали и шептались.

Он медленно выдыхал через ноздри дым и блаженно улыбался. Остаток дымного воздуха он пустил через рот тоненькой струйкой вверх, выставив вперед нижнюю губу.

– Вы что делаете?! – всполошилась женщина сбоку. – Не курите здесь! Это неприемлемо! Это отвратительно!

Она зашелестела бледно-желтой курткой из синтетики, приподнялась и высунула голову вперед. Ее коротенькие темные кудри запрыгали.

– Это вы неприемлемы и отвратительны, Майя Валентиновна, – ответил он и впился ей в глаза.

– Что? – оцепенев, прошептала она.

Что-то вспыхнуло в ее голове. Нутро погрузилось в нечто гадкое, похожее на некогда цветущий лес, но теперь срубленный с выжженными пнями. В животе ощущалась тяжесть бремени. Веки непроизвольно расширились, а зрачок заслонил радужную оболочку. Во рту пересохло. В голове мерцали отрывки воспоминаний: она искала и не могла найти это

лицо, этот взгляд, звук этого голоса. Она впервые видит этого наглеца.

– Да-да, это вы неприемлемы, – продолжал он, – как можно изменять мужу, да еще с Денисом? Я все знаю.

Верхняя губа женщины нервно дернулась, оголив передние маленькие зубы. Она скрючилась, сгорбив спину. Она напоминала загнанную в угол мышь, перед голодным котом. Майя прожила тридцать шесть лет и перетерпела многие удары судьбы. Сложилось убеждение, что пошатнуть ее самообладание не так-то просто. Но это откровение бросили в лицо, как шматок грязи, отмыться от которой нельзя.

Она кричала: «Откуда ты знаешь! Может, я и ничтожество, но ты кто такой! Мне теперь сдохнуть?» – но на устах сорвалось лишь: «Это неправда».

Капли дождя стекали по окнам и оставляли полосы влаги. Дождь закончился, витал остаток осеннего настроения. Тучи рассеялись, оголив небо в густой синеве. На внутренней стороне небесного шатра жирными пятнами светили звезды. Луна, будто око, наблюдала за движением состава. Таинственным образом луна влияла на движение электропоезда, точно на приливы и отливы океана.

Плотно прижатые друг к другу хвойные стволы шли ровным коридором по сторонам железнодорожных путей. Если смотреть из окна под небольшим углом, то лес будто приобретает электричку. Лиственный цвет состава сливался с деревьями, словно лес поглощал и становился единым с элек-

тропоездом.

Вдали появлялись очертания загородных домов. Их заостренные крыши казались верхушками гор. В окнах свет не горел. Поселок походил на заброшенный, если бы не блеклое свечение уличных фонарей.

Он затаился последний раз тлеющей сигаретой и резким выдохом избавился от дыма. Он потушил окурочок об пластиковую обивку стены и вычертил черным угольком неясный символ.

– Послушайте, да это же как минимум неучтиво! – встал и сказал мужчина, сидевший позади. – Вокруг вас сидят люди, которым неприятно!

Мужчина наклонился в поисках ответного взгляда собеседника. Его длинный до пола плащ смялся в поясе. Сидел он мешковато: плащ был велик. Не получив ответа, мужчина выпрямился, задрал матерчатую кепку на затылок и почесал залысины.

– Не смешите меня, Кирилл Кириллыч! Вам ли заботиться об окружающих! – сказал парень, глядя перед собой.

– А мы с вами знакомы? – сказал Кирилл Кириллович.

– Уж мне ли не знать, – с глубоким выдохом ответил парень, – мне ли не знать, как вы нагло забираете чужие деньги и присваиваете чужой труд себе в заслуги. Довольно учтиво, не правда ли? Противно говорить, какое мелочное оправдание вы себе нашли!

Кирилл Кириллович приподнял плечи, а голову вжал в

торс, словно в какой-нибудь панцирь. Он не раздумывал, откуда этот парень все знает, не раздумывал о последствиях махинаций с деньгами. Его беспокоило только собственное отношение к себе. Он пришептывал и повторял, как мантру: «Я применю эти деньги лучше, я прав. Я достоин этих денег, я прав. Они им ни к чему, я прав, прав...» Но чем глубже он пробирался в дебри мыслей, тем отчетливее сознавал, как им овладевает сомнение. Сомнение возникло, как инфекция, и захватило каждый кусочек сущности. Чем больше он бормотал эти слова, тем меньше в них верил.

– Да, Кирилл Кириллыч, вы правы, – иронично опрокинул парень с довольной улыбкой.

– Я... я лучше... – Кирилл Кириллович дважды запнулся, прежде чем оправдаться.

Он размяк. Ноги не держали, хоть ничком падай на заплыванную кожуру от семечек пол электрички. Но он собрался с мыслями и хотел было сказать: «Мне стыдно», – но выдал лишь: «Не по себе».

Электропоезд приближался к станции. Проехали очередной путепровод. Засверкали вспышки фонарей, освещали бетонные платформы. Скрипучий треск тормозных колодок. Оглушающий и нервозный. Плавный наклон пассажиров по ходу движения как бы выказывал негласную благодарность машинисту за легкую остановку и успешное прибытие.

«Саблино, следующая остановка Тосно два», – оповестил женский голос.

Парень непринужденно вышел, соскочил с платформы и скрылся.

«Осторожно, двери закрываются, следующая остановка Тосно два».

Хлопок дверей, свист головного вагона и резкий толчок. Электропоезд двинулся.

– Так значит, он так просто называл их имена и рассказывал секреты? – сказал один.

– Ну да, так и есть, – сказал второй.

– И откуда он это знал?

– А мне почему знать! Но говорят, он не следил за ними и вообще знать их не знал. Но все про них рассказывал!

– Что-то ты мистику плетешь.

– Да, мистика и только.

Темнота сгушалась. Свечение звезд медленно угасало, словно убавляли напряжение у мириад лампочек. Природное освещение постепенно уступало освещению искусственному: дневной свет ламп затмевал ночную луну. Электропоезд приближался к городу, яркость огней которого нарастала. Из земли выросли монолитные дома. Издали фантазия угадывала незатейливые образы в горящих окнах.

«Конечная станция, будьте осторожны при выходе из электропоезда, соблюдайте правила безопасности, не пере-

ходите пути, пользуйтесь специальными переходами», – скороговоркой проговорил главный машинист. От вопросов в голове возник неприятный осадок. Сколько он не искал ответ, находил лишь очередной вопрос. Вопросы множились один за другим, ответов же не прибавлялось. Он встал и потянулся, распрямив руки в стороны, почесал лысую макушку и разбудил студента.

Людей было немного, всем хватало места. И все же люди по привычке толпились в тамбуре. Майя Валентиновна шла по лестничному переходу и вертела в голове тот взаимный взгляд, который обжег при выходе. Что-то продиктовало ей обернуться, и она обернулась. Взгляд встретился с его взглядом, Кирилла Кирилловича. Столько грусти она прочитала в его глазах, столько сожаления и раскаяния. Глаза будто шептали на ухо: «Правда, это правда».

Ноги сводило от усталости. От шума дороги трещало в голове. «Как хорошо, что я живу рядом», – утешала себя Майя, пока скользила между улочек к дому. Стоило пройти сквозь арку во двор, как шум города разом утих. Она отворила металлическую дверь и прыгнула в темноту парадной, оставив снаружи холод и пищание электронного замка. «Лифт снова не работает. Хорошо, мне только на четвертый», – подумала она и почему-то печально вздохнула. Стук-стук, мерно ступала Майя замшевыми сапогами по цементным ступеням узкой лестницы. В пролетах этажей доносился запах прогнившего мусоропровода.

Она повернула ключом в замочной скважине, трижды прозвучал железный стук засовов. Дверь свободно раскрылась. В прихожей из-под абажурной люстры горел красноватый свет. С порога встречали супруг и его сын. У обоих на лице умиление и радость. У обоих по-своему.

– Я все жду тебя, – сказал супруг и подбежал к ней, путаясь ногами в кухонном фартуке. – Как ты сегодня? – он расправил усы в улыбке, схватил ее руку и поцеловал в тыльную сторону ладони.

В глубине квартиры зашипело, просочился запах гари. «Ах, тыж...» – вскрикнул супруг и убежал. Майя устало сняла куртку, повесила на плечики и убрала в шкаф. Она села на пуф, расстегнула молнию на сапогах и медленно стянула обувь. Сын все стоял. «Привет!» – сказал он и лукаво улыбнулся.

– Здравствуй, Денисочка, как в институте? – сказала она.
– Все путем, – ответил он разочарованно и ушел к себе.

Майя шагнула и, не устояв, плюхнулась обратно на пуф. Тело начало содрогаться. Она обхватила голову руками. Хотелось заплакать, но сколько она не тужилась, не выдавила и капли, словно отжимала сухую тряпку. В голове засели слова незнакомца в электричке. Майя встряхнула голову и вернулась обратно в квартиру. Что же делать?

Она заглянула в кладовую, порыскала на полках с коробками и взяла, что искала. Неровными шагами она зашла в ванную и осмотрелась. Взгляд задержался на пластиковой

бутыли жидкого мыла. Она с минуту поразмыслила и, качаясь из стороны в сторону, будто на паруснике, побрела на кухню.

– Саш, а у нас есть обычное не жидкое мыло? – спросила она у мужа, который стоял у раковины и скоблил щеткой пригоревшую сковородку.

– Не знаю, Маечка, наверно, нет, – ответил он, – а что это у тебя... веревка?

Кирилл Кириллович глубоко вдохнул влажный воздух и подумал, что сегодня отличная погода. До своего дома он доезжал на такси, но подошел к обочине с автомобилями и посторонился. Кирилл Кириллович дошел до автобусной остановки, постоял минуты две. «Нет, пойду пешком», – сказал он себе.

Дорога пролегла через аллею воинской славы. Он размерено шагал и всматривался в мемориальные плиты. Но мысли суетно блуждали. Он ничего не стоит, ничего собой не представляет. Он ничтожество, даже меньше. Пустота. На улице зябко, но его плащ распахнут, полы развевались на ветру. Что-то снедает. Кирилл отчего-то сторал.

– Можно вас, мужчина? – окликнул сиплый голос.

– А, что? – взволнованно дернулся Кирилл Кириллович и увидел перед собой нищего с жухлой бородой. – Что такое?

– Подайте двадцать рублей, – сказал нищий. – На хлеб.

Кирилл Кириллович засуетился в поисках кошелька. Он похлопал себя по грудным карманам и по карманам брюк.

На мгновение смутился, но попрошайка стоял невозмутимо. Кирилл Кириллович взмахнул рукой, будто что-то вспомнил. Он достал кошелек из внутреннего кармана плаща, раскрыл и зашелестел купюрами. «А что, если... а почему бы и нет?», – промелькнула мысль в голове. Он посчитал про себя деньги и протянул кошелек.

– Вот, возьмите, тут почти четыре тысячи рублей, – сказал Кирилл Кириллович.

Веки нищего недоверчиво сузились.

– Берите-берите, вам нужнее! – добавил Кирилл.

Незнакомец неуверенно принял кошелек. Он расстегнул его и подсчитал деньги, коротко кивая головой. Затем открыл кармашек с мелочью и достал оттуда несколько монет. Наконец закрыл кошелек и швырнул в самодовольную улыбку Кирилла.

– Мне надо двадцать рублей, – процедил нищий, развернулся и ушел.

Ошарашенный Кирилл плюхнулся коленями на мокрый асфальт. Он согнулся и закрылся руками. Лицо искривилось в муках. Нижняя губа оттопырилась – слюна потекла на подбородок. Ноздри расширились, распушив торчащие оттуда волосы. Он хотел жалобно всхлипнуть, но в горле что-то застряло. Тело припало к земле – кепка свалилась. Медленно и нехотя протекла слеза по замерзшей щеке.

«Осторожно, двери закрываются, следующая остановка Тосно», – шелковисто звучал женский голос по салону элек-

тропоезда.

Состав двинулся в конечный пункт. Пункт, который представлял дорогу домой, долгожданную минуту, когда наступит мнимое чувство безопасности в четырех стенах. Подобно раку отшельнику, мы стремимся к своей раковине.

– Ты чего это? – сказала тучная женщина и дала оплеуху мальчику, – опять замечтался? Смотри, скоро выходить будем!

Мальчик почесал затылок через шапку и утер нос рукавом.

«Да, почти приехали», – подумал мужчина в плаще.

«Скорей бы домой», – подумала девушка в бледно-желтой куртке.